

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XVIII.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1911.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:
проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

	стр.
Отдѣлъ оффиціальный.	
Отчетъ о дѣятельности Общества за 1909—1910 г.	
I. Засѣданія Общества	VII.
II. Совѣтъ Общества	IX.
III. Касса Общества	X.
IV. Смѣта на 1910—1911 г.	X.
V. Протоколь ревизіонной комиссіи	XI.
VI. Отчетъ о состояніи библіотеки Общества	XII.
VII. Списокъ членовъ Общества	XIII.
VIII. Совѣтъ Общества на 1910—1911	XVIII.

Отдѣлъ научный.

1. Н. К. Грунскій. О трудахъ А. А. Потебни по русскому синтаксису	1—80.
2. В. В. Богачевъ. Игра природы и творческая сила земли	81—138.
3. Проф. Е. А. Бобровъ. Изъ исторіи новой педагогики	139—218.

Приложеніе.

Изъ университетской лѣтописи 1910—1911	1—32.
--	-------

Отдѣлъ официальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
1909—1910 годъ.

І. Засѣданія Общества.

Въ истекшемъ тринадцатомъ году своего существованія Учено-Литературное Общество продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, два закрытыхъ и 5 открытыхъ засѣданій.

Въ годичномъ засѣданіи 25 октября 1909 года, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1908—1909 годъ, а также отзывъ ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества: Н. Н. Бѣлявскаго, Г. Л. Трефнера и В. Г. Вознесенскаго, и было постановлено: утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1909—1910 годъ, составленную Казначеемъ Общества.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1909—1910 г.; выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя В. Г. Алексѣевъ, секретаремъ — С. К. Богушевскій, казначеемъ — Е. А. Гравитъ, членами Совѣта — П. Г. Руцкій, І. І. Змигородскій и Н. К. Грунскій, бібліотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ.

Въ закрытомъ засѣданіи Общества 1 марта 1910 г. въ дѣйствительные члены Общества избраны: доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института М. Г. Спасскій, профессоръ того-же института С. Е. Пучковскій, приватъ-доцентъ И. Юрьевского университета В. В. Богачевъ и мировой судья г. Юрьева Н. Ф. Воишевъ.

Въ закрытомъ засѣданіи Общества 18 окт. 1910 г. членами ревизіонной комиссіи на 1909/1910 г. избраны; В. Г. Вознесенскій, Н. Н. Бѣлявскій и Г. Л. Трефнеръ. Въ дѣйствительные члены Общества избраны: мировой судья г. Юрѣва В. В. Прозоровскій и преподаватель Юрѣвской гимназіи Г. Г. Сумаковъ.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 86 лицъ; въ томъ числѣ преподавателей: университета — 29, Юрѣвскаго ветеринарнаго института — 4 другихъ учебныхъ заведеній — 32 и другихъ лицъ — 21. Дѣйствительныхъ членовъ живущихъ въ г. Юрѣвѣ — 47, въ другихъ городахъ и заграничій — 39.

Кромѣ того три лица состоятъ почетными членами Общества.

Въ 5 открытыхъ засѣданіяхъ Общества было сдѣлано 6 сообщеній, и нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній подлежали обсужденію какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 25 октября 1909 г.

М. Е. Красноженъ. — А. С. Будиловичъ — его жизнь и научно-публицистическая дѣятельность.

Это сообщеніе напечатано въ XVI т. Сборника.

2-ое засѣданіе — 1 марта 1910 г.

В. В. Богачевъ. — Географическое развитіе дельты Дона въ связи съ исторіей ея заселенія.

Это сообщеніе напечатано въ XVI т. Сборника.

3-е засѣданіе — 22 марта 1910 г.

С. П. Сахаровъ. — Подготовительныя работы къ созванію Всероссійскаго Собора.

Это сообщеніе напечатано въ XVI т. Сборника.

4-ое засѣданіе — 26 апрѣля 1910 г.

Е. А. Бобровъ. — О психологн и педагогикѣ въ XVII см.

5-ое засѣданіе — 18 октября 1910 г.

М. Е. Красноженъ. — О приходѣ въ Россіи и Франціи.

Д. А. Захаровъ. — Къ вопросу о свободномъ воспитаніи.

II. Овѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 6 засѣданій: въ 1909 году — 25 октября; въ 1910 г. — 21 февраля, 4 апрѣля, 7 іюня, 10 октября и 31 октября. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена, въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей, на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ 15 томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библіотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получало различныя періодическія изданія и отдѣльныя сочиненія, перечисленныя въ этомъ отчетѣ.

4. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ истекшемъ году выпущенъ XVI томъ Сборника, редактированіе котораго принялъ на себя предсѣдатель Общества.

III. Касса

Учено-Литературнаго Общества при ИМПЕРАТОР-
СКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за время отъ
18 октября 1909 г. по 18 ноября 1910 г.

Приходъ :

Осталось въ кассѣ къ 18 октября 1909 г.	242 руб. 84 коп.
Членскіе взносы	75 " — "
За проданные Сборники общ-а	4 " — "
Отъ Министерства Нар. Просвѣщенія	500 " — "
„ Правленія Университета	350 " — "
<hr/>	
Итого	1171 руб. 84 коп.

Расходъ :

За печатаніе т. XVI Сборника	441 руб. 17 коп.
„ напечат. статьи вознагражденіе авторомъ	244 " — "
„ переплетъ Сборниковъ и брошюровку	58 " — "
„ публикаціи	6 " 45 "
„ книжный шкафъ для библиот. Общества	60 " — "
На канцелярскіе почт. и др. расходы	30 " 38 "
<hr/>	
Итого	840 руб. — коп.
Осталось въ кассѣ къ 18 ноября 1910 г.	331 " 84 "
<hr/>	
Балансъ	1171 руб. 84 коп.

IV. Смѣта на 1910/11 г.

Приходъ :

Осталось отъ предыдущ. 1909/1910 г.	331 руб. 84 коп.
Членскіе взносы	90 " — "
Отъ продажи Сборниковъ	50 " — "
„ Правленія Университета	400 " — "
% по сберегательн. книжкѣ	28 " 16 "
<hr/>	
Итого	900 руб — коп.

Расходъ :

За печатаніе Сборниковъ въ 1910/11 г.	1200 руб.
„ брошюровку и переплеть	100 „
„ публиканіи	50 „
„ бібліотеку	200 „
На канцелярскіе, почт. и др. расходы	50 „
	Итого 1600 руб.

Г. Юрьевъ, 18 октября 1910 г.

Казначей общества: Е. Гравитъ

V. Протоколъ засѣданія

Ревизіонной Комиссіи Учено-Литературнаго Общества при Ими. Юрьевскомъ Университетѣ 18 ноября 1910 г.

Ревизіонная комиссія разсмотрѣла и провѣрила всѣ счета прихода-расходной книги, документы по кассѣ, а равно и состояніе кассы Учено-Литературнаго Общества и нашла, что всѣ книги и отчетность по кассѣ ведутся согласно уставу Общества въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Все имущество Общества найдено въ цѣлости и сохранности.

Веденіе книгъ секретаремъ и бібліотекаремъ признано правильнымъ.

Согласно документамъ въ кассѣ Общества оказалось: по приходу — 1171 р. 84 коп., по расходу — 840 р.; остатокъ къ 18 ноября с. г. 331 р. 84 коп. изъ нихъ въ Государственной Сберегательной кассѣ по книжкѣ № 29243/49314 — 301 р. 22 коп., на рукахъ у казначея 30 р. 62 коп.

1) При этомъ Ревизіонная Комиссія вторично обращаетъ вниманіе Общества на слабое поступленіе членскихъ взносовъ за истекшій годъ.

2) Ревизіонная Комиссія признаетъ желательнымъ, чтобы оплаченные счета докладывались Совѣту Общества своевременно, такъ какъ Ревизіонною Комиссіею замѣчено, что счетъ Г. Теннисону (бывшему Малоку) отъ 8 апрѣля 1909 г.

за переплеть книгъ въ суммѣ 52 р. 80 коп. въ книгъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества не значится.

Члены ревизіонной комиссіи:

проф. Н. Бѣлявскій.
В. Вознесенскій.
Г. Трефнеръ.

18 ноября 1910 г.

VI. Отчетъ

о состояніи бібліотеки Общества.

Къ 19 ноября 1910 г. въ бібліотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло:

Книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 183 названія въ 201 экземплярахъ и томахъ.

Энциклопедическій словарь 82 т., и 3 дополнительныхъ Периодическихъ изданій и сборниковъ въ 706 №№.

Въ отчетномъ году было выдано 10 книгъ.

Въ 1910/11 году въ бібліотеку Общества поступили слѣдующія книги:

I. Змигродскій. Городъ Юрьевъ Лифляндской губерніи и Высочайшій Манифестъ 14 декабря 1766 года.

II. Квачала. Община чешскихъ братьевъ въ ея отношеніяхъ къ Флацію и Ласкію, Ж. М. Н. Пр.

J. Kvačala. Le Pubblicazioni del prof. Kvačala sul Campanuella Nota del socio Felice Tocco. Roma 1910.

Jacques Rosenthal. Katalog XLVI Reformationsliteratur. München.

Leo von zur Mühlen. Der Soiz-See seine Entstehung und heutige Ausbildung. Dorpat, 1910.

Обзоръ Эстляндской губерніи за 1907 г. Ревель, 1908.

Отчетъ Одесской городской имени Императора Николая II Публичной Библіотеки за 1909 г. Одесса 1910.

Отчетъ Петровскаго Общества Изслѣдователей Астраханскаго Края за 1902 годъ.

П. А. Некрасовъ. Математическая Система. Хозяйственное право и финансовые обороты. С.-Петербургъ 1910.

Періодическія изданія.

Варшавскія Университетскія Извѣстія.

Временникъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Вѣстникъ „Народнаго Дома“. Львовъ.

Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета. Одесса.

Записки Общества Исторіи, Филологіи и Права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Le Courier Des Bibliothèques Et Bulletin Bibliographique International Réunis.

Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи.

Матеріалы по вопросу о повышеніи качества средней школы. Труды Педагогическихъ Комиссій среднихъ учебныхъ заведеній Рижскаго Учебнаго Округа.

Пошода. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.

Skrifter Utgifna af Kungl. Humanistika Vetenskaps-Samfundet i Upsala.

Студентъ-Христіанинъ Органъ Религіозно-Философическаго Об-ва. СПб.

Труды Кіевской Духовной Академіи.

Университетскія Извѣстія. Кіевъ.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Чтенія въ Имп. Об-вѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

VII. СПИСОКЪ

членовъ Общества къ 1 іюня 1911 г. *).

Почетные члены:

1. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, бывшій попечитель Оренбургскаго Учебнаго Округа (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — съ 2 марта 1902 года).

*) Звѣздочкой обозначены г. г. иногородные члены.

2. *Князь Голицынъ, Димитрій Петровичъ, Главноуправляющій Канцеляріей Его Величества по учрежденіямъ Императрицы Маріи (съ 23 октября 1904 г.).
3. *Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, ординарный профессоръ Московскаго университета (д. членомъ Общества состоитъ съ 23 октября 1897 г., почетнымъ — съ 28 октября 1907 г.).

Дѣйствительные члены:

1. *Александровъ, Николай Александровичъ, профессоръ Томскаго университета (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, Ректоръ И. Ю. Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. *Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ университета св. Владиміра (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
5. Бабановъ, Захарій Григорьевичъ, Юрьевскій отдѣльный цензоръ (съ 1 мая 1904 г.).
6. *Бауэръ, Генрихъ Фридриховичъ, преподаватель гимназіи (съ 8 декабря 1901 г.).
7. *Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный профессоръ Казанскаго университета и Казанской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).
8. *Бобровъ, Евгений Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета (съ 15 октября 1906 г.).
9. Богачевъ, Владиміръ Владиміровичъ, приватъ-доцентъ (съ 1 марта 1910 г.).
10. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
11. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
12. *Бояриновъ, Порфирій Ивановичъ, директоръ гимназіи (съ 2 апрѣля 1905 г.).
13. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
14. Вознесенскій, Василій Гавриловичъ, секретарь Совѣта Ю. университета (съ 26 октября 1902 г.).
15. Воищевъ, Николай Федоровичъ, мировой судья (съ 1 марта 1910 г.).

16. *Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 августа 1898 г.).
17. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
18. Головинъ, Викторъ Михайловичъ, предсѣдатель Съѣзда мировыхъ судей въ г. Юрьевѣ (съ 8 декабря 1901 г.).
19. Граве, Платонъ Платоновичъ, профессоръ университета (съ 14 ноября 1904 г.).
20. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, завѣдывающій общежитіемъ студентовъ Ю. у. (съ 29 января 1898 г.).
21. *Грѣдингеръ, Михаилъ Іосифовичъ, мировой судья въ г. Ригѣ (съ 29 ноября 2903 г.).
22. Грунскій, Николай Кузьмичъ, профессоръ университета (съ 15 ноября 1803 г.).
23. *Дависъ, Иванъ Ивановичъ, преподаватель городского училища (съ 22 октября 1898 г.).
24. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, привать-доцентъ Харьковскаго университета (съ 23 октября 1897 г.).
25. *Даниловъ, Николай Семеновичъ, капитанъ, преподаватель кадетскаго корпуса (съ 26 октября 1902 г.).
26. *Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ (съ 27 апрѣля 1897 г.).
27. *Жадановскій, Николай Ивановичъ, преподаватель (съ 5 октября 1902 г.).
28. *Заицъ, Василій Осиповичъ, инспекторъ Александровской гимназій въ Ревелѣ (съ 26 марта 1898 г.).
29. *Зеленинъ, Дмитрій Константиновичъ (съ 23 октября 1904 г.).
30. Змигородскій, Іосифъ Іосифовичъ, преподаватель гимназій (со 2 марта 1902 г.).
31. Золотаревъ, Димитрій Николаевичъ, преподаватель гимназій (съ 29 мая 1899 г.).
32. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Александровской гимназій въ Ревелѣ (съ 19 декабря 1897 г.).
33. *Ивановскій, Константинъ Николаевичъ, мировой судья (съ 30 октября 1908 г.):
34. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
35. *Калининъ, Иванъ Петровичъ инженеръ Путей Сообщенія, преподаватель въ институтѣ П. С. (съ 1 мая 1904 г.).

36. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начального городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
37. *Киприановичъ, Николай Яковлевичъ, директоръ Перновской гимназiи (съ 10 мая 1898 г.).
38. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
39. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
40. *Красноженъ, Александръ Михайловичъ, чиновникъ канцелярiи Государственной Думы (съ 14 ноября 1908 г.).
41. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
42. *Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа (съ 15 декабря 1901 года).
43. Курчинскiй, Василiй Палладiевичъ, профессоръ университета (съ 13 октября 1897 г.).
44. Лавровъ, Давидъ Мелитоновичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
45. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
46. *Любимовъ, Григорiй Николаевичъ, окружной инспекторъ (съ 23 октября 1904 г.).
47. *Матвѣевъ, Николай Захаровичъ, преподаватель Николаевской гимназiи въ Ригѣ (съ 30 сентября 1899 г.).
48. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
49. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
50. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
51. *Николаевскiй, Александръ Васильевичъ, протоiерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
52. *Никольскiй, Евлампiй Ивановичъ, инспекторъ гимназiи (съ 9 февраля 1909 г.).
53. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
54. *Поляковъ, Петръ Андреевичъ, профессоръ университета (съ 24 февраля 1904 г.).
55. *Проданъ, Исидоръ Саввичъ, приватъ-доцентъ Харьковскаго университета (съ 30 сентября 1899 г.).

56. Прозоровскій, Владиміръ Васильевичъ, мировой судья г. Юрьева (съ 18 октября 1910 г.).
57. Пучковскій, Николай Ефимовичъ, профессоръ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 1 марта 1910 г.).
58. Пѣтуховъ, Евгений Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
59. Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
60. Руцкій, Петръ Григорьевичъ, директоръ Юрьевской гимназiи (съ 9 февраля 1909 г.).
61. *Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназiи (съ 30 сентября 1899 г.).
62. Свѣчниковъ, Петръ Николаевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 26 окт. 1602 г.).
63. *Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдывающій городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
64. Скрябинъ, Николай Александровичъ, преподаватель Юрьевской гимназiи (съ 29 января 1898 г.).
65. *Смирновъ, Андрей Ивановичъ, начальникъ Либавской почтово-телеграфной конторы (съ 13 ноября 1906 г.).
66. Спасскій, Монидъ Григорьевичъ, доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 1 марта 1910 г.).
67. Срезневскій, Борисъ Измайловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
68. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинарiи (съ 5 марта 1898 г.).
69. Сумаковъ, Григорій Григорьевичъ, преподаватель гимназiи (съ 18 октября 1910 г.).
70. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
71. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназiи въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
72. Третьяковъ, Михаилъ Константиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 октября 1902 г.).
73. Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, директоръ Юрьевской учительской семинарiи (съ 16 мая 1900 г.).
74. Тростниковъ, Михайль Адриановичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 1 мая 1904 г.).
75. *Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1898 г.).

76. *Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ СПб-гѣ (съ 30 октября 1899 г.).
77. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
78. *Цвѣтковъ, Александръ Феофиловичъ, преподаватель гимназіи (26 октября 1902 г.).
79. *Черноусовъ, Евгений Александровичъ, директоръ гимназіи (съ 23 октября 1897 г.).
80. *Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ Московскаго университета (съ 5 марта 1898 г.).
81. Шалландъ, Левъ Адамировичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
82. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 23 октября 1897 г.).
83. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
84. Широкогоровъ, Иванъ Ивановичъ, врачъ (съ 29 ноября 1903 г.).
85. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начальнаго при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
86. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

VIII. Совѣтъ Общества на 1910/11 г.

(изобранъ въ годичномъ засѣданіи 28 ноября 1910 г.).

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.

Товарищъ Предсѣдателя — В. Г. Алексѣевъ.

Секретарь — С. К. Богушевскій.

Казначей — В. Г. Вознесенскій.

Члены Совѣта: І. І. Змигродскій, Н. К. Грунскій,
П. Г. Руцкій.

Библіотекаръ — Я. И. Лаутенбахъ.

Отдѣль научный.

О трудахъ А. А. Потебни по русскому синтаксису.

I.

Первымъ важнымъ трудомъ А. А. Потебни, трудомъ, въ которомъ заложены были его общіе взгляды на языкъ, является „Мысль и языкъ“ (1-ое изданіе въ Журналѣ М. Н. Пр. 62 г., 2-ое изд. Харьковъ 1892 г.). Сочиненіе это является непосредственнымъ введеніемъ къ дальнѣйшимъ трудамъ того-же автора. Выступая въ качествѣ противника взглядовъ Беккера и Шлейхера, проводя взгляды Гумбольдта и Штейпталя, развивая эти взгляды, Потебня особенно подробно останавливается на психологическомъ анализѣ, пользуясь въ этомъ случаѣ, какъ исходнымъ пунктомъ, взглядами Гербарта и Лотце. Основная идея сочиненія, какъ показываетъ уже и само заглавіе, отношеніе мысли и языка въ различные періоды ихъ эволюціи. Все сочиненіе состоитъ изъ десяти главъ: 1) Намѣренное изобрѣтеніе и Божественное созданіе языка. 2) Беккеръ и Шлейхеръ. 3) Гумбольдтъ. 4) Языкознаніе и психологія, 5) Чувственныя воспріятія. 6) Рефлексивныя движенія и членораздѣльный звукъ. 7) Языкъ чувства и языкъ мысли. 8) Слово, какъ средство апперценціи. 9) Представленіе, сужденіе, понятіе. 10) Поэзія. Проза. Сгущеніе мысли (2-ое изданіе 1—228 стр.).

Первыя три главы тѣсно соединяются другъ съ другомъ: здѣсь выясняется вопросъ объ отношеніи мысли къ

слову въ связи съ вопросомъ о происхожденіи языка и для полноты развертываемой картины нужно было бы внести нѣкоторыя мѣста изъ послѣдующаго изложенія, особенно изъ 7-ой главы, гдѣ проводятся мысли Потебни объ естественномъ происхожденіи языка и высказывается несогласіе съ теоріей Гумбольдта. И въ трехъ первыхъ главахъ можно было сдѣлать нѣсколько иную распланировку; тогда-бы, напримѣръ, могло выясниться и сходство пѣкоторыхъ взглядовъ, высказанныхъ въ научной русской и западно-европейской литературѣ (напр. Аксаковъ-Шлейхеръ); не было-бы искусственнаго дѣленія (сначала теоріи, затѣмъ отдѣльные ученые — не давшіе цѣльныхъ теорій).

Теоріи о намѣренномъ изобрѣтеніи и божественномъ созданіи языка разбираются Потебнею вскользь. Онъ указываетъ на внутреннія противорѣчія и непослѣдовательность въ этихъ теоріяхъ. Пособіемъ въ главной части изложенія Потебнѣ служила извѣстная книга Штейнтала „Der Ursprung der Sprache“ (2-ое изданіе; книга эта въ своемъ послѣднемъ, 4-омъ изданіи, 1888 года, является и теперь лучшимъ пособіемъ въ вопросѣ о теоріяхъ происхожденія языка). Другая книга Штейнтала „Grammatik, Logik und Psychologie“ послужила Потебнѣ главнымъ пособіемъ при опроверженіи теоріи Беккера, проводившаго мысль о безсознательномъ происхожденіи языка и сравнивавшего языкъ съ физиологическими проявленіями человѣческаго организма. Все это и отчасти дальнѣйшее изложеніе у Потебни затронутаго вопроса нужно непремѣнно оцѣнивать съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніи мысли къ языку, иначе изложеніе мы найдемъ не только нецѣльнымъ, но и неполнымъ. Для Потебни важно было отмѣтить, что всѣ разобранныя имъ теоріи смотрятъ на языкъ, какъ на нѣчто создавшееся вдругъ, какъ на обреченное въ дальнѣйшей своей исторіи, въ сущности, на упадокъ. Между тѣмъ самъ онъ вначалѣ, забѣгая нѣсколько впередъ, подчеркиваетъ, что раздробленіе языковъ даетъ разносторонность

общечеловѣческой мысли. Изъ четырехъ первыхъ главъ особенно интересна по самостоятельности изслѣдованія 4-я, гдѣ Потебня не только излагаетъ главныя черты теоріи о происхожденіи языка, представителемъ которой былъ Гумбольдтъ, но онъ указываетъ недостатки теоріи Гумбольдта и показываетъ возможность лучшаго развитія нѣкоторыхъ сторонъ этой теоріи. Взглядъ Гумбольдта на языкъ, какъ на вѣчно повторяющуюся работу духа, какъ на постоянную дѣятельность, но въ то-же время и произведеніе, по скольку въ немъ отражается работа предыдущихъ поколѣній, ставитъ, по мнѣнію Потебни, теорію Гумбольдта выше всѣхъ предшествующихъ теорій. Тѣмъ самымъ Гумбольдтъ переносилъ изученіе языка на психологическую почву, хотя, впрочемъ, какъ справедливо указываетъ Потебня, онъ не могъ освободиться отъ стремленій прибѣгать къ объясненіямъ чисто метафизическаго характера. Цѣнными являлись указанія Гумбольдта, что языкъ есть органъ образующей мысли, что развитіе его создается лишь уже въ обществѣ, что всякое слово имѣетъ субъективную и объективную сторону, что въ субъективной сторонѣ нашей рѣчи доказательство мысли: „всякое пониманіе есть вмѣстѣ неопредѣленіе, всякое согласіе въ мысляхъ вмѣстѣ разногласіе“. Потебня не соглашается съ теоріей Гумбольдта о происхожденіи языка, сводящейся къ 2-мъ основнымъ положеніямъ: 1) непосредственное звукоподражательное обозначеніе понятій и 2) обозначеніе символическое, т. е. обозначеніе посредствомъ звука производящаго впечатлѣніе, подобное впечатлѣнію отъ предмета. Потебня находитъ въ послѣднихъ случаяхъ одухотвореніе звука подъ вліяніемъ фантазіи, а дѣйствіе послѣдней объясняетъ образовавшимся уже значеніемъ слова (110). — Съ другой же стороны, метафизичность Гумбольдта сказывалась въ его стремленіи дать окончательный отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи языка, и Гумбольдтъ здѣсь стремится соединить двоякость происхожденія, двоякость основныхъ началъ — Божественнаго и чело-

вѣческаго; эта метафизичность сказывалась также въ стремленіи сгладить тѣ противорѣчія, которыя соединялись у изслѣдователя въ общихъ понятіяхъ о языкѣ — о его зависимости отъ духа и въ то-же время самостоятельности его. Вотъ что говоритъ Потебня въ другомъ своемъ сочиненіи по этому поводу (Изъ зап. по теоріи словесности, 27). „Пламя свѣчи, отъ которой зажигаются другія свѣчи, не дробится; въ каждой свѣчѣ воспламеняются свои газы. Такъ при пониманіи мысль говорящаго не передается слушающему; но послѣдній, понимая слово, создаетъ свою мысль, занимающую въ системѣ, установленной языкомъ, мѣсто, сходное съ мѣстомъ мысли говорящаго. Думать при словѣ именно то, что думаетъ другой, значило-бы перестать быть самимъ собою. Поэтому пониманіе въ смыслѣ тождества мысли въ говорящемъ и слушающемъ есть такая-же иллюзія, какъ и та, въ силу коей мы принимаемъ собственныя ощущенія за внѣшніе предметы“. Потебня считалъ возможнымъ неметафизическое изслѣдованіе началъ языка, разъединяя создавшееся въ предыдущихъ теоріяхъ единство духа (въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова) и языка. Въ своемъ общемъ взглядѣ па отношеніе мысли и языка Потебня находился на точкѣ зрѣнія Штейнталя: „область языка далеко не совпадаетъ съ областью мысли. Въ срединѣ человѣческаго развитія мысль можетъ быть связана со словомъ, но въ началѣ она, повидимому, еще не доросла до него, а на высокой ступени отвлеченности покидаетъ его, какъ неудовлетворяющее ея требованіямъ, и какъ-бы потому, что не можетъ вполне отрѣшиться отъ чувственности, ищетъ внѣшней опоры только въ произвольномъ знакѣ“ (44—45). Ставя такъ вопросъ и понимая слово „духъ“ въ „смыслѣ сознательной умственной дѣятельности, предполагающей понятія, которыя образуются только посредствомъ слова, мы увидимъ, что духъ безъ языка невозможенъ, потому что самъ образуется при помощи языка и языкъ въ немъ есть первое

по времени событіе“ (45—46). Признавъ вслѣдъ за Гумбольдтомъ заслугу перенесенія вопросовъ языкознанія на психологическую почву, отмѣтивъ новый взглядъ Гумбольдта, по которому разные періоды исторіи языка не являются постепеннымъ паденіемъ языка, а лишь постояннымъ повтореніемъ перваго акта созданія языка, Потебня вмѣстѣ съ тѣмъ выставляетъ основное положеніе: „въ исторіи языка, въ психологическихъ наблюденіяхъ современныхъ намъ процессовъ рѣчи — ключъ къ тому, какъ совершались эти процессы въ началѣ жизни человѣчества“ (47). Естествененъ поэтому переходъ въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи Потебни къ психологическому анализу; но какъ я сказалъ раньше, въ послѣдующемъ изложеніи есть мѣста, которыми можно было-бы дополнить нарисованную уже картину теорій о происхожденіи языка. Можно было-бы, впрочемъ, сказать, что трактуемое дальше является уже результатомъ самостоятельныхъ изслѣдованій Потебни, потому и изложеніе является вполне послѣдовательнымъ, но это было-бы несправедливо, такъ какъ теорія, которую выставлялъ Потебня, проводилась и раньше, слѣдовательно и должна была быть введена въ общій обзоръ. Потебня въ 6—7 главахъ опредѣленно указываетъ какъ на первоначальный источникъ будущаго слова — рефлексъ; изъ этого рефлекса сначала возникаетъ произвольный звукъ, употребленіе междометія, затѣмъ употребленіе сознательное — переходъ междометія въ слово. Мысль объ образованіи словъ изъ междометій не нова. Потебня могъ-бы въ данномъ случаѣ остановиться на своемъ предшественникѣ — Руссо (*Essai sur l'origine des langues*). Въ 7-ой главѣ вполне ярко выясняя разницу между междометіемъ и словомъ, Потебня тѣмъ самымъ показываетъ неполную убѣдительность своихъ выводовъ, потому что между словомъ и междометіемъ громадная пропасть. Въ основѣ междометія — аффектъ; междометіе не имѣетъ того значенія, которое создается въ словѣ, помимо его формы: междометіе

понятно уже своей звуковой формой. Такимъ образомъ междометія понятны должны быть въ разныхъ языкахъ; не то — со словомъ. Междометія лишены развитія, они не имѣютъ той исторіи, которая выпадаетъ на долю слова вообще, они не способствуютъ развитію мысли, какъ способствуютъ тому слово. Причислять междометія къ частямъ рѣчи — нельзя. Максъ Мюллеръ говорилъ, что языкъ начинается на той границѣ, гдѣ прекращаются междометія. Но несомнѣнно и то, что въ междометіяхъ выражается цѣлая нерасчлененная рѣчь, и я-бы сказалъ также, что къ способности подобнаго выраженія приходятъ и нѣкоторыя слова въ позднѣйшій періодъ. Я построю такую градацію: ну? = неужели? = неужели это такъ . . . Ого! = вотъ такъ! = вотъ такъ удивительно произошло . . . Нужно, конечно, имѣть въ виду, что содержаніе можетъ быть вкладываемо въ такія выраженія самое разнообразное. Вопросъ поэтому, — можно ли сравнивать такія междометія съ тѣми, которыя ставилъ Максъ Мюллеръ на границѣ человѣческой рѣчи. И можно даже поставить вопросъ, не стремится-ли часто рѣчь къ такимъ междометнымъ выраженіямъ, окаменѣвшимъ ради экономіи языка. Правъ былъ Штейнталь, когда въ „ого“, въ дѣтскомъ „гавъ-гавъ“ и подобныхъ выраженіяхъ видѣлъ цѣлыя предложенія („Мы-бы сказали, замѣчаетъ Добіашъ въ своемъ „Опытѣ . . . 28, цѣлая рѣчь“). Штейнталь именно подмѣтилъ, что на первоначальной стадіи языка краткое выраженіе служить для передачи сложнаго представленія; можно было-бы прибавить, что послѣднее появляется и на дальнѣйшихъ стадіяхъ.

Потебня вмѣстѣ съ тѣмъ излагаетъ и поддерживаетъ традиціонное ученіе о существенной разницѣ между рѣчью человѣческой и звуками, издаваемыми животными, говоритъ именно о членораздѣльности звуковой формы словъ; говоритъ о проводимыхъ въ то время простѣйшихъ звуковыхъ стихіяхъ слова (простые гласные звуки — а, и, у, сложные позднѣйшаго происхожденія — е, о).

Въ толкованіяхъ о членораздѣльности человѣческой рѣчи въ отличіе отъ нечленораздѣльности звуковъ, издаваемыхъ животными, Потебня стоялъ на традиціонной точкѣ зрѣнія, выведенной апріорно и притомъ, какъ показали дальнѣйшія наблюденія, совершенно невѣрно. Здѣсь въ стремленіи провести параллель между членораздѣльностью рѣчи и ея единствомъ съ одной стороны и раздѣльностью и единствомъ мышленія съ другой, — я видѣлъ-бы во 1) нѣкоторую метафизичность, почему противопоставилъ-бы подобнымъ заключеніямъ а priori новѣйшія наблюденія надъ звуками вообще и, въ частности, звуками животныхъ, во 2) зародышъ замѣчательно здравой идеи о „членораздѣльности человѣческой мысли“. И послѣ изданія труда Потебни, независимо отъ этого труда, въ западно-европейской научной литературѣ развивалась та-же теорія о происхожденіи языка, только съ извѣстными варіаціями. Труды, напр. Гейгера (*Z. Geiger, Ursprung und Entwicklung d. menschl. Sprache und Vernunft*. 2 тома 1868—72 г. *Zur Entwicklung der Menschheit* 1871), Нуаре (*L. Noire, Der Ursprung d. Sprache* 1877) вполне справедливо относятся Вундтомъ (*Völkerpsychologie II, 625—627*) къ двумъ теченіямъ *Naturlauttheorie*. И нужно замѣтить, что та картина постепеннаго развитія языка, которая строилась Гейгеромъ и его продолжателемъ Нуаре, съ ихъ первоначальными глагольными корнями, стояла гораздо ниже анализа, даннаго Потебнею въ общихъ чертахъ въ „Мысли и языкъ“ и затѣмъ продолженнаго и развитога въ введеніи къ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. Вундтъ, создавая собственную теорію развитія языка (имъ назван. *Entwicklungstheorie*), отрицательно относился къ *Naturlauttheorie*, считая ее даже ниже *Nachahmungstheorie*. Между тѣмъ, тѣ доводы, которые онъ приводилъ противъ этой теоріи, не особенно убѣдительны. Прежде всего, лишь немногіе междометія перешли въ слова (*II², 623, I², 314*), причемъ приводятся переходы, которые-бы не признали приверженцы *Naturlaut-*

theorie идущими въ доказательство ихъ теоріи (такъ эти переходы плодъ позднѣйшаго времени и образованія, въ сущности, по аналогіи; для примѣра возьмемъ хотя-бы русское: ахъ — ахнуть). Затѣмъ Вундтъ говоритъ, что нельзя брать для воссозданія первоначальнаго періода языка образованіе языка у ребенка, такъ какъ послѣдній поставленъ въ совершенно иныя условія, благодаря наслѣдственности и окружающей обстановкѣ. Это такъ, но только отчасти, потому что процессы творчества должны быть одинаковы въ силу того, что одинаковы законы душевной жизни и лишь результаты могутъ быть разные въ силу различныхъ данныхъ. Несомнѣнно однако, что Вундтъ, стремясь обосновать свою теорію, далъ много такого матеріала, который можетъ играть несомнѣнно важную роль при построеніяхъ теоріи о происхожденіи и развитіи языка. Несомнѣнна заслуга Вундта въ глубокомъ анализѣ мимическихъ движеній и въ сближеніи, соединеніи съ этими движеніями язычныхъ проявленій. Не входя въ разборъ всей теоріи, построенной Вундтомъ, я только скажу то, что эта теорія захватываетъ шире, чѣмъ каждая изъ предыдущихъ теорій, элементы, несомнѣнно явившіеся основами языка, но только шире потому что въ сущности въ эту теорію входятъ и *Naturlauttheorie* и *Nachahmungstheorie*. Вундтъ, какъ-то незамѣтно для себя борется съ тѣмъ, что лежитъ и въ основѣ его ученія, правда только эти элементы нѣсколько имъ иначе освѣщаются (будучи приводимы въ тѣсную связь вообще съ мимикой, языкомъ жестовъ; и въ то же время интересно сравнить характеристику мимическихъ движеній, какъ указательныхъ, такъ подражательныхъ и символическихъ).

Въ 4-ой главѣ, содержащей главнымъ образомъ изложеніе взглядовъ Гербарта и Лотце и дающей лишь общія штрихи отношеній языкознанія и психологіи, Потенбня, въ заключеніе, приходитъ къ той мысли, что переходъ образа предмета въ понятіе хотя и можетъ совершаться только посредствомъ слова, но само по себѣ слово не является

создающимъ это понятіе, что „понятіе, какъ и многое другое въ личной и народной жизни, навсегда остается для насъ величиной, произведенной, такъ сказать, умноженіемъ извѣстныхъ намъ условій на неизвѣстныя намъ и, вѣроятно, неизлѣдимыя силы. Здѣсь нѣтъ призыва къ смиренному бездѣйствію, основанному на томъ, что умъ нашъ слабъ, а пучина премудрости Божіей бездонна, и есть только законченное сомнѣніе въ близости конечной цѣли мысли, т. е. знанія связи явленій“ (64). 5-ая глава непосредственно примыкаетъ къ 4-ой по изложенію господствовавшихъ психологическихъ ученій относительно такъ называемаго общаго чувства и отдѣльныхъ чувствъ, ихъ развитія. Здѣсь Потенбня стоитъ вполне на точкѣ зрѣнія прежней психологической школы и можно сомнѣваться, что если бы всё построеніе, здѣсь приведенныя объ отношеніи области чувствованій и представленій, были изложены въ духѣ современнаго ученія эмпирической психологіи, то отъ этого измѣнились-бы по существу дальнѣйшіе уже болѣе оригинальные выводы самого Потенбни (насчетъ исторіи языка). Отчасти то-же можно сказать о слѣдующихъ главахъ, 6—7, главныя мысли которыхъ намъ отчасти знакомы. Думается только, что Потенбня черезчуръ уже разграничиваетъ, какъ сказано, междометія первобытнаго человѣчества и своеобразный языкъ животныхъ, полагая между ними глубокую разницу душевныхъ процессовъ, что чисто научныя данныя, собранныя уже ранѣе, объ умѣ и попятіяхъ животныхъ могли бы дать нѣкоторую иную окраску и содержаніе выводамъ, чѣмъ тѣ, которыя находимъ у Потенбни на 94—95 страницахъ.

Въ 7-ой главѣ развиваются также мысли, затронутыя ранѣе, мысли Гумбольдта о субъективной и объективной сторонѣ слова; на ряду съ этимъ для исторіи процесса образованія слова отмѣчается важная особенность — внутренняя форма слова, т. е. обозначеніе цѣлаго представленія посредствомъ извѣстнаго признака.

Опуская 8-ю главу, какъ имѣющую всецѣло отношеніе

къ психологіи и по характеру своему неотличающуюся отъ предыдущихъ въ смыслѣ передачи главныхъ положеній научной нѣмецкой литературы, я могу сказать, впрочемъ, что не все здѣсь проведено съ достаточной полнотою и послѣдовательностью. Въ данномъ случаѣ могли быть внесены существенныя поправки и дополненія на основаніи изслѣдованій новѣйшей психологіи (напр., въ пониманіи апперцепціи, значеніи ассоціацій).

Изъ 9-ой главы я выдвину слѣдующія мѣста. Прежде всего въ противовѣсъ Беккеру, Потенбю, идя за Гумбольдтомъ и Штейнталемъ, сравниваетъ различныя стадіи развитія языка и прибѣгаетъ къ такого рода сравненію: „какъ зерно растенія не есть ни листъ, ни цвѣтъ, ни плодъ, ни все это взятое вмѣстѣ, такъ слово въ началѣ лишено еще всякихъ формальныхъ опредѣленій и не есть ни существительное, ни прилагательное, ни глаголъ (147).

Если первоначальное слово являлось сказуемымъ, то трудность представлялась при объясненіи появленія двучленного предложенія. Здѣсь Потенбю развиваетъ новый взглядъ (здѣсь я также отмѣтилъ-бы развитіе основного взгляда Гумбольдта. Ср. Ueber die Verschied. 104). Двучленное предложеніе, по Потенбю, слагается путемъ не аналитическимъ, а синтетическимъ, создается единое изъ первоначально въ сущности двойного. Потенбю здѣсь вполнѣ считается съ природой первоначальныхъ словъ. Первоначальное слово выдвигало на первый планъ извѣстный признакъ предмета, — это то, что является его внутренней формой. Если я возьму, напр. такое слово, какъ медвѣдь, то здѣсь выдвинуть признакъ — медъ - ѣсть. Когда теперь мы произносимъ это слово, то мы часто даже не обращаемъ вниманія па внутренней признакъ, а съ понятіемъ о данномъ звѣрѣ можемъ соединять совершенно другія значенія. Слѣдовательно, забывается внутренняя форма даннаго слова, и оно дѣлается таковымъ, какъ рядъ другихъ словъ, напр. столъ, домъ и пр. Это забвеніе

внутренней формы слова происходило оттого, что понятие о медвѣдѣ увеличивается постепенно другими признаками, а эти признаки извлекаются словомъ изъ предложенія. Слѣдовательно и послѣднее должно быть первоначально синтетическимъ. Вотъ какой ходъ мыслей, мнѣ казалось бы, долженъ вытекать изъ того общаго результата, къ какому пришелъ Потебня. Онъ беретъ такой примѣръ: вода свѣтла; въ словѣ вода первоначально чувствовалось обозначеніе признака течь; если затѣмъ устранить формальное развитіе въ свѣтла и перейти къ воображаемому первоисточнику этого слова, то получимъ свѣтъ; отсюда, строя первоначальное предложеніе вода — свѣтъ, вода какъ свѣтъ, получаемъ такимъ образомъ къ прежнему представленію новый признакъ (157).

Стоитъ сравнить послѣднія построенія Потебни съ общими, ничего не дающими разсужденіями Штейнталя (*Gram., Log. und Psych.* 327), чтобы вполне оцѣнить взглядъ Потебни. Что первоначальное двучленное предложеніе создано именно путемъ сложенія, путемъ сравненія, на это указываетъ и объясненіе первоначальнаго происхожденія самого слова путемъ сравненія. Стоитъ сравнить также и съ тѣмъ выясненіемъ сужденія, которое мы находимъ у Вундта. Опредѣляя предложеніе, какъ *den sprachlichen Ausdruck für die willkürliche Gliederung einer Gesamtvorstellung in ihre in die logischen Beziehungen zu einander gestellten Bestandteile* (*Völkersp.* II, 245), Вундтъ совершенно не даетъ намъ убѣдительной схемы появленія и развитія *willkürliche Gliederung einer Gesamtvorstellung*; въ своемъ психологическомъ анализѣ предложенія онъ переноситъ насъ лишь въ область того отвлеченія, которое мы можемъ произвести, анализируя современную рѣчь. Мы схватываемъ нѣчто цѣлое, воспринимаемъ извѣстное представленіе, состоящее, въ сущности, изъ различныхъ элементовъ, мы воспринимаемъ такимъ образомъ единое изъ многого. Но затѣмъ наступаетъ анализъ благодаря нашему вниманію,

благодаря апперцепціи, выдѣляются такимъ образомъ отдѣльныя части. вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ и синтезъ, производящій сужденіе и благодаря этому синтезу обставляется шире наше представленіе даннаго воспріятія. Но какъ происходитъ эта перемежающаяся работа анализа и синтеза, Вундтъ не обнаруживаетъ. И повидимому, ему это и представлялось не такъ, какъ представляется Потебнѣ, а проще: Вундтъ не улавливаетъ огромнаго значенія сравненія, такъ удачно выдвинутаго Потебнею.

Въ 10-й главѣ Потебня сближаетъ отдѣльное слово съ произведеніями искусства, вскрывая въ послѣднемъ такіе же процессы творчества (синтезъ трехъ мотивовъ — внѣшней формы, внутренней формѣ и содержанія), говоритъ о выдѣленіи изъ поэзіи и прозы — науки, стремится выяснитъ разницу между поэзіей и прозой, проводитъ мысль о необходимости для языка достиженія извѣстной отвлеченности, глубины, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы для освѣженія, возврата къ прежнимъ источникамъ вдохновенія, къ болѣе яркому представленію понятій. Настоящая глава нашла себѣ развитіе въ „Изъ записокъ по теоріи словесности“ Потебни (Харьковъ 1905 г.); вмѣстѣ съ тѣмъ естественнс, здѣсь-же частично развиваются и повторяются и другія мысли, положенныя въ основѣ „Мысли и языка.“

„Мысль и языкъ“ Потебни не является, какъ мы могли уже замѣтить, вполне самостоятельнымъ изслѣдованіемъ. Основныя мысли внушены изслѣдователю современной нѣмецкой наукой. И вотъ предъ нами цѣльное продуманное изслѣдованіе, передававшее итоги новой психологической школы языкознанія, съ развитіемъ нѣкоторыхъ сторонъ, сдѣланнымъ самимъ Потебнею; изслѣдованіе это вполне могло имѣть большое значеніе для русской науки. И мы видимъ, что цѣлый рядъ учениковъ и послѣдователей Потебни развиваютъ мысли, положенныя въ основѣ разсмотрѣннаго сочиненія. Упомяну о статьяхъ и брошюрахъ гг.: Овсяннико-Куликовскаго, Ветухова, Харціева, Горнфельда и

Лезина. Правда, мысли эти встрѣчали и несогласія: по поводу статьи г. Горнфельда „Муки слова“ была написана статья г. Батюшкова „Въ борьбѣ со словомъ“ (Ж. М. Н. Пр. 99 г. февраль), въ которой авторъ проводитъ мысль о необходимости раздѣлить форму и содержаніе, языкъ и мысль, выводы Потебни называетъ неясными, терминологию — двойственной. Будучи правъ въ нѣкоторыхъ частныхъ опроверженіяхъ заключеній г. Горнфельда, проф. Батюшковъ въ общемъ недостаточно вдумчиво оцѣнилъ положенія Гумбольдта и Потебни и самъ впасть въ нѣкоторыя противорѣчія, не говоря уже о томъ, что совершенно не доказалъ своей основной мысли.

Гумбольдтъ въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи *Ueber die Kawisprache auf der Insel Java* (Berlin, 1836) положилъ собственно начало новаго отношенія къ языку. Начало это лишь здѣсь какъ-бы намѣчается, такъ какъ и Гумбольдтъ во многихъ пунктахъ остается вѣренъ прежнему. Мы находимъ у Гумбольдта уже вполне обоснованную точку зрѣнія на глаголь и его значеніе въ предложеніи, точку развитую и въ трудахъ дальнѣйшей разработки языковъ. Хотя нужно замѣтить, что и вызвавшій позже столько нападковъ на свою систему Беккеръ („*Organism. der Sprache, als Einleitung zur deutschen Grammatik*“, Frankf. 1827), еще раньше выдвигалъ также сказуемое-глаголь, считая его логически первымъ въ предложеніи предикативномъ (правда, здѣсь лишь отчасти сходились результаты, основныя-же точки зрѣнія были разныя). Глаголу приписывается та особая сила, которая даетъ возможность къ синтезу, къ составленію предложенія. Гумбольдтъ пытался войти въ лабораторію нашей мысли и слова, и здѣсь онъ положилъ начало дальнѣйшему психологическому направленію въ языковѣдѣніи.

Гумбольдтъ стремился выяснитъ отношеніе языка къ мышленію. Языкъ онъ считалъ орудіемъ образованія мысли. Такимъ образомъ онъ, хотя раньше и говорилъ, что однимъ

изъ основныхъ началъ употребленія звуковыхъ формъ является мышленіе, но это послѣднее, какъ оказывается, въ своемъ развитіи находится въ зависимости отъ языка. Сколько новаго, свѣжаго вносила съ собою мысль Гумбольдта — *die Sprache ist das bildende Organ der Gedanken*: она прежде всего устраняла то установившееся чисто механическое отношеніе, которое признавалось между языкомъ и мышленіемъ. Къ образованію представленій Гумбольдтъ не относился такъ легко, какъ то замѣчаемъ у его современниковъ, онъ не считалъ наши представленія лишь воспринятіемъ окружающаго посредствомъ нашихъ чувствъ: процессъ этотъ онъ считалъ болѣе сложнымъ — къ дѣятельности чувствъ присоединялъ онъ дѣятельность ума, результатомъ уже совокупной дѣятельности образуется представленіе. Чтобы это представленіе сдѣлалось объектомъ, необходимо слово, благодаря послѣднему представленію, выйдя какъ бы внѣ, снова получаетъ при новомъ воспріятіи возможность сдѣлаться субъективнымъ элементомъ. На такомъ процессѣ развитія представленія основывается и образованіе понятій. Безъ словъ послѣднія не возникали бы, а безъ понятій невозможно и мышленіе.

Гумбольдтъ наглядно выясняетъ субъективную и объективную сторону слова и дѣлаетъ понятнымъ парадоксальное на первый взглядъ положеніе, что „всякое пониманіе есть непониманіе“. Всѣ эти положенія, какъ и положенія о томъ, что языкъ въ своей жизни, въ дѣйствительности, представляется чѣмъ то постоянно измѣняющимся, непрерывно текущимъ (§ 8, LVII), что языкъ получаетъ жизнь только въ употребленіи (§ 8, LXXIX), — были развиты Потебнею.

За Гумбольдтомъ шелъ Потебня въ развитіи слѣдующихъ вопросовъ: о внутренней формѣ языка, о первоначальномъ синтетическомъ процессѣ образованія предложеній, о параллелизмѣ языка и искусства, націонализмѣ, индивидуализмѣ языковъ; „Мысль и языкъ“ Потебни закан-

чивается изложеніемъ тѣхъ же вопросовъ, какъ и Гумбольдтовское введеніе — вопросомъ о поэзіи и прозѣ, при чемъ здѣсь также развитіе воззрѣній Гумбольдта.

Та идея о языкѣ какъ о живомъ организмѣ, которую проводилъ Гумбольдтъ была рельефно развита во всѣхъ изслѣдованіяхъ Потебнею. И что особенно также важно, идея была связана тѣсно съ другой: эволюція языка тѣсно связывалась съ развитіемъ мышленія. Отсюда ясны причины, обусловившія у Потебни совсѣмъ иную постановку анализа язычныхъ явленій сравнительно съ тѣмъ, что находимъ въ трудахъ предшественниковъ Потебни по разработкѣ русскаго синтаксиса. Если мышленіе находится въ тѣсной зависимости отъ языка, отъ его развитія, то съ другой стороны изслѣдователь язычныхъ явленій можетъ почерпнуть для себя уясненіе измѣненій строя языка въ сферѣ измѣненій мышленія. Если наше міросозерцаніе сильно разнится отъ міросозерцанія прежнихъ временъ, то и нашъ языкъ долженъ также разниться отъ предыдущихъ періодовъ своего развитія. Отсюда уже ясно, насколько новая постановка изученія строя нашего языка въ трудахъ Потебни должна была быть широкой по своимъ горизонтамъ и глубокой по анализу. Если же Потебня входилъ часто въ анализъ деталей, то это было вполнѣ необходимо для построенія широкихъ перспективъ. Мелочи, детали важны были Потебнѣ не сами по себѣ, а важны были по той роли которую онѣ играли и играютъ въ исторіи и жизни языка, какъ цѣлаго отдѣльнаго организма. Изученіе отдѣльныхъ фактовъ строя языка и могло повести къ построенію гипотезы о текучести, измѣняемости нашей рѣчи. Изученіе различныхъ фактовъ измѣненія въ роли и назначеніи частей рѣчи теперь и въ болѣе ранніе періоды жизни языка привело Потебню къ построенію цѣлой гипотезы о жизни грамматическихъ категорій въ связи съ исторіей измѣненія цѣлаго міросозерцанія. Мы видимъ, что главная интенсивность работы Потебни направлялась

къ тому, чтобы дать картину постепеннаго развитія языка, опредѣлить тѣ возможныя начальныя точки, „откуда“ мы идемъ, и какъ идемъ, сообразно съ этимъ намѣчался путь, „куда“ мы идемъ въ своемъ развитіи языка.

II.

Переходя къ разсмотрѣнію „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (I. Введеніе. II. Составные члены предложенія и ихъ замѣны — I-е изд. „Введенія“ въ Филолог. Запискахъ 1874 г., 1-ое изд. Составные, Харьковъ 74, 2-ое изданіе всего сочиненія — Харьковъ 1888 г.), я остановлюсь и на первой части этого труда въ виду разнообразія и важности затронутыхъ здѣсь общихъ вопросовъ 2-я же часть должна быть признана особенно для насъ важною, въ виду той самостоятельности и глубины анализа, которыя проявляются здѣсь, и въ виду того, что 2-я часть, специальная, имѣетъ особенное отношеніе уже чисто къ синтаксису славянскихъ языковъ, и въ частности, языка русскаго.

Въ первыхъ главахъ „Введенія“ выясняются элементы „слова“ т. е. затрогивается вопросъ въ общемъ уже разобранный въ предыдущемъ изслѣдованіи Потебни („Мысль и языкъ“). Развертывая передъ читателемъ исторію слова „верста“, Потебня нагляднымъ примѣромъ показываетъ, какимъ образомъ получается возникновеніе различныхъ значеній въ словахъ, возникшихъ при помощи различныхъ признаковъ, связанныхъ съ представленіемъ версты.

Путь развитія слова — выдѣленіе извѣстнаго признака, который является уже какъ знакъ новаго представленія. Постепенно выясняется, что, кромѣ извѣстнаго значенія, слово имѣетъ знакъ (который въ исторіи слова можетъ быть затемненъ, потому можетъ и исчезнуть для

нашего сознанія), что каждое слово въ языкѣ, прошедшее стадію простѣйшаго строенія, обладаетъ уже извѣстными грамматическими формами. Впрочемъ, нужно замѣтить, что тоже слово верста, давая жизнь новымъ словамъ, входило въ составъ этихъ словъ не какимъ-либо однимъ своимъ признакомъ, а представленіемъ цѣльнымъ (хотя и выдвинуть былъ-бы одинъ только признакъ); вѣдь идя за Потемной, мы должны сказать, что если со словомъ верста соединяется нѣсколько значеній, то это будетъ не одно слово, а нѣсколько словъ. Тотъ путь отвлеченія, который представляется съ выдѣленіемъ извѣстнаго признака, характеризуетъ уже нашу аналитическую работу. Вѣдь примѣняя слово верста къ понятію верзила и пр., мы не отвлекаемъ извѣстный признакъ, а примѣняемъ цѣльное представленіе. Въ такомъ духѣ должна была-бы быть измѣнена характеристика пути образованія слова, если идти за Потемной. Затронувъ вопросъ о корняхъ слова, Потемня указывалъ на то, что создаваемые научнымъ творчествомъ „первоначальные“ корни въ большинствѣ своемъ — фикціи, отвлеченія, никогда не бывшія въ жизни языковъ, что для опредѣленія корней необходима цѣлая генеологическая таблица, при чемъ отношеніе корня къ производнымъ сравнивается съ отношеніемъ родоначальника къ потомству („странно было-бы утверждать, что родоначальникъ живетъ въ своемъ потомствѣ хотя-бы и не „самъ по себѣ“, а въ соединеніи съ чѣмъ-то постороннимъ. Онъ въ немъ не живетъ никакъ; онъ былъ лишь виновникомъ того, что въ потомствѣ сохраняются, хотя и ненеизмѣнно, нѣкоторыя черты. Точно такъ нельзя думать, что въ производныхъ живетъ какъ-бы ни было корень, какъ слово“, 16). Говоря о постепенномъ исчезновеніи вещественнаго значенія различныхъ грамматическихъ формъ, Потемня высказывалъ мысль, что количество формъ не уменьшается съ развитіемъ языка, а увеличивается. Формы, часто по внѣшности своей одинаковыя, если взять ихъ отдѣльно, внѣ предположенія, обна

руживаются въ предложени, въ связной рѣчи, различныя свои значенія. Какъ форма раба можетъ быть формою разныхъ падежей, такъ и одна форма творительнаго падежа, по Потевнѣ, является не одной грамматической категоріей, а нѣсколькими категоріями; даже одно и тоже слово въ различныхъ падежахъ является уже разными словами (ср. 29, 56 стр). Въ послѣднемъ случаѣ, кажется, является уже нѣкоторая крайность въ выводѣ, потому что по существу даже малѣйшаго измѣненія въ словѣ нѣтъ; относительно же нѣсколькихъ значеній, соединяемыхъ въ одной формѣ, нельзя не согласиться и нельзя не отгнать такимъ образомъ разницу въ синтаксическомъ отношеніи. Вполнѣ былъ правъ Потевня, когда возражалъ противъ тѣхъ языковѣдовъ (и, въ частности, противъ Буслаева), которые въ исчезновеніи и разрушеніи прежнихъ грамматическихъ формъ видѣли упадокъ языка. Желаніе внести большую цѣльность въ дѣленіе грамматики заставило Потевню иначе формулировать, чѣмъ то было принято, понятія „этимологія“ и „синтаксисъ“. Потевня не считалъ этимологію особой частью грамматики, а этимологія, по его мнѣнію, есть особая точка зрѣнія на явленія языка — историческая. Слѣдовательно, если мы будемъ изучать современный строй языка, то назовемъ это изученіе синтаксическимъ (синтаксическимъ, по Потевнѣ); если будемъ разсматривать въ исторіи развитія — этимологическимъ. „Этимологія и синтаксисъ относятся другъ другу какъ исторія и описаніе современнаго состоянія“ (38). Подобныя точки зрѣнія можно было-бы примѣнить и къ изученію внѣшняго состава словъ — фонетикѣ, „хотя здѣсь менѣе побужденій держать ихъ раздѣльно“. Поэтому Потевня отрицалъ терминъ „историческій синтаксисъ“. Трудно вполнѣ согласиться съ проводимымъ здѣсь взглядомъ. Думается, напр., что терминъ „этимологія“ вполнѣ-бы можно сохранить по отношенію къ изученію отдѣльнаго слова. Затѣмъ, когда мы говоримъ о „частяхъ рѣчи“, мы естественно выдвигаемъ извѣстныя группы, кате-

горіи словъ ; мы эти слова разсматриваемъ уже не въ рѣчи, а внѣ ея, разсматриваемъ какъ элементы этой рѣчи. Потенія называлъ всякое слово, взятое внѣ предложенія, „искусственнымъ препаратомъ.“ Это такъ, но при изученіи какой-либо науки вовсе не возбраняются эти „искусственные препараты,“ а даже наоборотъ, такое изученіе извѣстныхъ частей способствуетъ лучшему знанію цѣлаго. Отвлекая часть изъ рѣчи, дѣлая ее искусственнымъ препаратомъ, мы въ тоже время можемъ всегда имѣть въ умѣ связь этой рѣчи съ цѣлымъ. Въ вопросѣ о частяхъ рѣчи и объ отношеніи частей рѣчи къ частямъ предложенія Потенія далъ ученіе лишь въ общихъ чертахъ, не доразвивъ вполнѣ, и его послѣдователямъ пришлось уже заканчивать въ обработкѣ мысли своего великаго учителя. Задача оказалась трудной и мысли Потенія до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ пунктахъ не удалось его послѣдователямъ развить въ вполнѣ убѣдительной системѣ. Съ другой стороны, появились и возгласы противъ основныхъ возрѣній въ данномъ случаѣ Потенія. Неудивительно поэтому, что нашей школьной грамматикѣ приходится или слѣдовать за прочно утвердившимися ранѣе положеніями, выработанными такъ называемой „логической“ школой во главѣ съ Буслаевымъ (системы, въ корень разрушенной Потеніей), или дѣлать попытки слѣдовать новымъ вліяніямъ, но только — попытки, ограничиваясь лишь громкими указаніями на ложность прежней системы, на необходимость чисто „грамматическаго“ пониманія, а, въ сущности, оставаясь подъ этимъ новымъ флагомъ съ прежнимъ содержаніемъ

У Потенія мы находимъ попытку дать болѣе научное опредѣленіе грамматическихъ категорій. Онъ былъ совершенно правъ, когда писалъ, что опредѣленія Буслаева (и, конечно, предшественниковъ Буслаева) совершенно не вѣрны, что эти опредѣленія не даютъ возможности различать, напр., по категоріямъ : бѣлизна-бѣлый, доброта-добрый, и пр., потому что тамъ и тамъ названія качества. И вотъ, находя общее между именемъ прилагательнымъ и существитель-

нымъ, заставляющее выдѣлить то и другое первоначально въ одно цѣлое-имя, Потенбня и стремится прежде всего объяснить разницу между именемъ и глаголомъ. Здѣсь онъ становится вполне на психологическую точку зрѣнія, „Имя относится къ глаголу, какъ воспоминаніе прежде познаннаго къ познаваемому вновь.“ Затѣмъ: „въ имени представляется признакъ не какъ производимый предметомъ (солнце, свѣтъ), а какъ данный въ предметѣ, находящійся въ немъ“ (свѣтлое солнце, свѣтъ солнца) (86—87).

Выставляя это, какъ различіе имени и глагола, Потенбня въ дальнѣйшемъ своемъ анализѣ стремится обосновать и развѣтвленія, происшедшія въ самомъ имени — опредѣлить природу отличія имени существительнаго отъ имени прилагательнаго. „Существительное первоначально есть признакъ, заключенный (данный, уже готовый) въ чемъ-то опредѣленномъ для мысли и безъ помощи другого слова: бѣлокъ есть бѣлая часть яйца... старикъ — старый человѣкъ...“ (90). „Прилагательное есть признакъ, данный въ чемъ-то, что безъ помощи другого слова остается со стороны содержанія неопредѣленнымъ“ (87) Слѣдовательно въ существительномъ подчеркивается его субстанціальныи характеръ. Принимая во вниманіе, что первоначальные признаки, заложенные въ основѣ существительныхъ, забываются на извѣстной ступени развитія, Потенбня давалъ опредѣленіе: „существительное конкретное есть такое названіе опредѣленнаго вмѣстителя или вмѣстилища признаковъ, которое не даетъ возможности опредѣлить, какой изъ этихъ признаковъ ближе къ сознанію“ (92).

Если еще въ древнихъ грамматикахъ мы видимъ выдѣленіе причастія въ особую группу, выставленіе его осо-

бой частью рѣчи, то нѣчто подобное находимъ и у Потебни. Исходя изъ того воззрѣнія, что до раздѣленія имени и глагола существовавшее слово было подобно причастію, Потебня говоритъ, между прочимъ: „собственно и о позднѣйшихъ причастіяхъ, понимаемыхъ въ тѣсномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ относительно значительной ихъ части, нельзя сказать съ увѣренностью, что они произведены отъ глагола (v. finitum): фактъ состоитъ только въ общности темы глагола и причастія, общности, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ могла произойти и наоборотъ, вслѣдствіе отпричастности нѣкоторыхъ глагольныхъ разрядовъ“ (88). Разбираясь въ вопросѣ исторіи образовація имени-глагола, Потебня указывалъ на первоначальность мѣстоименныхъ корней. „Они (т. е. мѣстоименные корни) такъ же означали не субстанцію отдѣльно отъ атрибута, а цѣльное воспріятіе“ (83). И устанавливая терминъ для первоначальнаго имени-глагола, какъ отдѣльнаго воспріятія, Потебня называлъ его корнемъ безотносительнымъ, качественнымъ, объективнымъ, а корень мѣстоименный — относительнымъ, указательнымъ или субъективнымъ (83).

Потебня дальше замѣчаетъ: „различіе корней качественныхъ отъ указательныхъ относится къ глубочайшей древности; но если судить по позднѣйшимъ языкамъ, оно можетъ быть непервобытно“ (83—84). Въ дальнѣйшемъ (93) Потебня относитъ мѣстоименія къ именамъ существительнымъ и прилагательнымъ. Интересно здѣсь отмѣтить то, что, развивая свой взглядъ, Потебня исходитъ изъ критики взгляда Фика (Vergl. Wörterb.), который считалъ мѣстоименные корни первоначальными на ряду съ глагольными. Фикъ видѣлъ въ мѣстоименіяхъ настоящія древнія имена, болѣе имена, чѣмъ позднѣйшія имена (существ.) Потебня правъ былъ, разрушая взглядъ Фика, переносившаго современныя свойства къ періоду первоначальному, правъ былъ, когда говорилъ, что нельзя считать мѣстоименія въ первую эпоху ихъ образовація чистыми именами.

Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, Потебня стремился проникнуть въ сущность мѣстоименія, а не ограничивался лишь извѣстными формальными отличіями.

Имя прилагательное не сразу было выдѣлено. Въ данномъ случаѣ интересно, что чутье еще древнихъ грамматиковъ подмѣтило общность прилагательнаго и существительнаго и обобщило эти части рѣчи подѣ однимъ терминомъ — и м я. Научное языкознаніе теперь выказываетъ вполне общій источникъ обѣихъ категорій, при чемъ отмѣчается первоначальность въ этомъ источникѣ свойства прилагательнаго — обозначеніе признака.

Потебня сближаетъ нарѣчіе и дѣепричастіе. Само нарѣчіе онъ опредѣлилъ, какъ признакъ признака. На предлоги онъ смотрѣлъ, какъ на извѣстнаго рода связки объекта, ставшія таковыми послѣ потери нарѣчіями ихъ вещественнаго значенія. Здѣсь онъ сравнивалъ съ тѣмъ, что происходитъ съ отношеніемъ къ глаголу вообще связки есть. Какъ есть иногда можетъ дѣлаться вполне вещественнымъ глаголомъ такъ и предлогъ можетъ иногда пріобрѣтать свое прежнее значеніе нарѣчія: ходитъ около чего-либо, ходитъ около (123).

Потебня выдѣляетъ въ особую группу „связку“, отдѣляя ее такимъ образомъ отъ глагола. „Предикативная связка есть грамматическая форма личнаго глагола, есть то, почему этотъ глаголъ есть глаголъ, а не другая часть рѣчи; связка же есть особое слово, но важное не само по себѣ, а какъ средство присоединенія атрибута къ подлежащему“ (110).

Судя по дальнѣйшему (123), отношеніе связки къ глаголу представляется аналогичнымъ отношенію предлога къ нарѣчію.

У Потебни можно насчитать 10 частей рѣчи. Вполнѣ разграниченными въ опредѣленіяхъ нужно признать у него тѣ части рѣчи, которыя принято называть знаменательными. Здѣсь послѣдовательно проводится принципъ дѣленія — въ основѣ этихъ знаменательныхъ частей рѣчи ложится

то или иное выраженіе признака. Относительно частей рѣчи, въ которыхъ этого признака нѣтъ, Потебня былъ особенно оригиналенъ въ вопросѣ о связкѣ.

У Потебни при грамматическихъ опредѣленіяхъ мы встрѣчаемся, въ сущности, съ отсутствіемъ указаній чисто грамматическихъ, формальныхъ. Указываются психологическія основы, выдѣляется семасіологическая сторона, но не выдвинуты тѣ черты, которыя съ формальной стороны отличаютъ, напр., глаголъ отъ имени существительнаго и пр.

Здѣсь уклонъ въ сторону отъ того, что пыталась дать даже строго осуждаемая „логическая“ грамматика. Желаніе связать „части рѣчи“ съ „членами“ предложенія, проявившееся прежде всего въ трудѣ Потебни, вполне понятно. Части рѣчи образовывались въ рѣчи, какъ носители извѣстныхъ функций. Такимъ образомъ вполне естественно, что для выраженія извѣстныхъ функций, въ качествѣ извѣстныхъ членовъ предложенія, и должны выступать извѣстныя части рѣчи. Если Потебнѣ и его послѣдователямъ, не вполне удалась ихъ задача согласованія то и это понятно, принимая во вниманіе прежде всего „текучесть“ частей рѣчи, ихъ замѣны другъ другомъ. О томъ, насколько не поддается стремленіе согласовать части рѣчи и члены предложенія, можетъ свидѣтельствовать классификація, данная Дельбрюкомъ, проводившимъ мысль о тождествѣ частей рѣчи и членовъ предложенія. Если удалить изъ его классификаціи связки (къ которымъ причисляются и предлоги) и усилительныя слова, то останется дѣленіе на три категоріи: субстантивныя, предикативныя и атрибутивныя слова. Въ роли, напр., предикативныхъ словъ выступаетъ не только *verbum*, но и *nomen*, въ роли атрибутивныхъ выступаютъ не только имена прилагательныя (которыя входятъ и въ субстантивныя имена), но и сами субстантивныя имена („*Einleitung in das Sprachstudium.*“ Leipzig 1880). Попытка Потебни связать части рѣчи съ членами предложенія наняла себѣ особенно критика въ лицѣ

проф. Добіана (Опытъ симазіологіи частей рѣчи). Добіашъ видитъ неправильность метода въ изслѣдованіи Потевни о частяхъ рѣчи и членахъ предложенія, выставляя неустановленность въ данномъ случаѣ исходной точки Потевни. Добіашъ по началу экскурса Потевни даже не понимаетъ, изъ чего исходитъ изслѣдователь, изъ частей-ли рѣчи или членовъ предложенія. Между тѣмъ, исходная точка зрѣнія Потевни вполне ясна; она такова же, какъ и у Дельбрюка — отождествленіе части рѣчи и членовъ предложенія, та, слѣдовательно, точка зрѣнія, проведеніе которой Дельбрюкомъ, Добіашъ считалъ „громаднымъ шагомъ впередъ“ (Опытъ 57, 61).

Затѣмъ, мнѣ кажется, что исходя изъ настоящаго пониманія семазіологіи, трудно было упрекать Потевню, какъ дѣлаетъ это Добіанъ (Опытъ, 59 стр.), въ созданіи „затрудненій“ при выясненіи творительнаго падежа — за дѣленіе его на: тв. соціативный, мѣста, времени и пр. (12 подраздѣленій). Выясненіе характера этихъ разнообразныхъ значеній творительнаго падежа помогло Потевнѣ разобратъся въ исторіи этого падежа.

Добіанъ вполне правильно отмѣчаетъ противорѣчіе, въ которое впалъ Потевня, говоря о переходѣ въ нарѣчія словъ дополнительныхъ въ такихъ, на примѣръ, случаяхъ, какъ „копье приломити конецъ поля Половецкаго“ (Опытъ, 51). Разъ конецъ потеряло свое значеніе дополненія и сдѣлалось связующимъ звеномъ между приломити и поля, то оно, естественно, должно выступить въ качествѣ предлога.

Указанія Добіаша на то (Опытъ, 55—56 стр.), что Потевня сталъ на неправильный путь, устанавливая составное сказуемое, руководясь общимъ смысломъ, могутъ, думается, быть устраненными тѣми разсужденіями, которыя находимъ у Потевни относительно потери конкретности. Если раньше подобное выраженіе, какъ будучи, состояло несомнѣнно изъ 2-хъ смысловыхъ эле-

ментовъ, то этого мы никакъ теперь не скажемъ: теперь одинъ элементъ, что особенно выражено и формально въ сербскомъ и малорусскомъ языкахъ.

Насколько вообще трудно поддаются опредѣленію такія термины, какъ „дополненіе“ и др., показываютъ попытки опредѣленія и у Потебни. Опредѣленіе Потебни въ данномъ случаѣ — болѣе тѣсная или болѣе отдаленная связь, вызываемая формальнымъ значеніемъ слова, какъ справедливо замѣчаетъ Добіашъ (Опытъ 57—8), примѣнимо и къ другимъ членамъ предложенія. Мысль Потебни о томъ, что безъ *verbum finitum* не можетъ быть самостоятельнаго предложенія находила и находить себѣ противниковъ. Такимъ противникомъ былъ ученикъ Потебни Поповъ, Добіашъ въ упомянутомъ изслѣдованіи „Опытъ симазіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка“ Пр. 97 г. (стр. 54—55), наконецъ въ новѣйшее время педагогъ Гуссовъ въ своей небольшой статьѣ „Принципы грамматическаго анализа простаго предложенія“ (Воронежъ 1907 г. изъ Филологич. Записокъ). Опроверженія эти на нашъ взглядъ не особенно удачны. Если теперь для насъ совершенно не нуженъ глаголъ есть въ такихъ предложеніяхъ, какъ онъ молодой и пр., то не нужно забывать, что свойство глагола можетъ переходить на другія части рѣчи, которыя оглаголиваются.

„Покойный лингвистъ-мыслитель, одинъ изъ самыхъ большихъ ученыхъ умовъ вѣка, обезсмертилъ въ исторіи науки свое имя открытіемъ измѣняемости предложенія и опредѣленіемъ того направленія, въ которомъ оно измѣняется. Его глубокія изслѣдованія по синтаксису были отвѣтомъ на вопросъ, который онъ самъ формулировалъ такъ: „какъ и куда развитіе языка ведетъ мысль человѣческую“ ?

„Весь погруженный, продолжаетъ тотъ-же авторъ (Овсяннико-Куликовскій), въ изслѣдованіе эволюціи рѣчи и мысли, онъ скептически и отрицательно относился къ

общимъ опредѣленіямъ, игнорирующимъ принципъ развитія и дающимъ общую и неподвижную формулу для явленія, которое измѣняется.“

Признавъ вслѣдъ за Потебнею малосодержательность общихъ формулъ, опредѣляющихъ предложеніе, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій въ то-же время не считаетъ эти формулы ненужными (Рус. Мысль 96 г. 12 кв. 30); — ихъ пригодность признается особенно въ цѣляхъ пропедевтическихъ, затѣмъ для цѣлей классификаціи явленій. Овсяннико-Куликовскій прибѣгаетъ къ остроумному сравненію: „Протестъ Потебни противъ общихъ и неподвижныхъ опредѣленій предложенія былъ внушенъ тѣмъ чувствомъ, которое заговорило бы въ ученомъ зоологѣ — трансформистѣ, погруженномъ въ глубокія и захватывающія изслѣдованія измѣняемости видовъ, — если-бы его вдругъ оторвали отъ этихъ изслѣдованій наивнымъ и, съ его точки зрѣнія, иррациональнымъ вопросомъ: ну, а скажите-ка, профессоръ, что такое животное вообще? Быть можетъ и этотъ зоологъ въ концѣ концовъ призналъ бы полезнымъ, въ интересахъ пропедевтики и популяризаціи знанія, дать общее опредѣленіе животнаго, по возможности отвѣчающее современному состоянію зоологіи. Но, кажется, мы не ошибемся, если скажемъ, что въ естествознаніи предварительныя общія опредѣленія далеко не имѣютъ того значенія, какое они имѣютъ въ наукахъ психологическихъ. Въ этихъ послѣднихъ чрезвычайно важно съ самаго начала отмежевать изучаемую область отъ другихъ, съ нею смежныхъ, потому, что не только „профаны,“ но и ученые спеціалисты нерѣдко смѣниваютъ явленія одной съ явленіями другой.“

Можетъ показаться страннымъ на первый взглядъ, почему Потебня, проводившій идею тѣсной связи языка и мысли, возсталъ противъ близости грамматики къ логикѣ. Самъ Потебня, требовавшій въ грамматикѣ строго грамматическихъ анализовъ, отступилъ въ своихъ изысканіяхъ въ область психологіи. Во всей вѣроятности, кромѣ слѣдо-

ванія въ данномъ случаѣ за Штейнталемъ, на Потebníю оказывало вліяніе то оппозиціонное отношеніе, которое вообще проводилъ онъ къ создавшейся у насъ „логической“ школѣ.

При изложеніи и оцѣнкѣ „Введенія“ я для удобства отступилъ отъ послѣдовательности изложенія у Потební. Тѣмъ болѣе представляется это необходимымъ при изложеніи и оцѣнкѣ „Составныхъ членовъ“ Послѣдовательно итти за Потebníей въ данномъ разборѣ потребовалось во многихъ случаяхъ привлеченія хотя отчасти того богатаго матеріала, которымъ пользовался Потebníя изъ языковъ славянскихъ, литовскаго, латышскаго, отчасти нѣмецкаго, изъ древнихъ разноязычныхъ памятниковъ, что сдѣлало-бы настоящую работу выходящей изъ намѣченной задачи. Поэтому я затрону лишь главные выводы Потební и лишь нѣкоторыя частности.

Главная мысль всей этой части изслѣдованія такова: строй древнеславянскаго предложенія, въ частности древне-цер.-славянскаго и древне-русскаго, и строй современнаго русскаго (и вообще славянскаго) предложенія нѣсколько различаются. Въ древне-церковно-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ нѣтъ такой компактности, какъ теперь у насъ. Современное предложенія стремится къ усиленію сказуемости. Стоитъ въ данномъ случаѣ сравнить такіе обороты, какъ:

Древніе тексты.	Современ. рѣчь.
И есть церкви та стоящи въ Корсунѣ	— церковь стояла
отъселѣ чловѣкы бждеши лова	— будешь ловить
Григорій поставьенъ бысть патріархъ	— поставленъ былъ
	патріархомъ
сътвориѡ ва ловьца чловѣкомъ	— васъ ловцами
	и пр. и пр.

Приведенныя изъ текстовъ предложенія распадаются какъ-бы на 3 акта мысли: сказуемое состоитъ изъ 2-хъ

частей, при чемъ одна часть „тянетъ“ къ подлежащему, съ которымъ согласуется. Въ современной рѣчи 2 акта. То же при измѣненіи падежа, согласованнаго съ подлежащимъ или дополненіемъ, въ творительный.

Нѣтъ нужды, что и въ греческомъ языкѣ мы находимъ соотвѣтствующіе обороты. Къ тѣмъ многочисленнымъ примѣрамъ, которые приводитъ Потебня, примѣрамъ вполне доказывающимъ во многихъ случаяхъ незаимствованіе изъ греческаго, можно прибавить еще цѣлый рядъ дополненій, данныхъ Овсяннико-Куликовскимъ въ его „Синтактическихъ наблюденіяхъ“ (Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1897 г., май), позволяющихъ перенести подобныя сочетанія вообще на индоевропейскую почву. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ для нашихъ текстовъ не исключается и возможность вліянія. Такъ Мар. Е. Марка 26 бѣахж же едини отъ кѣнижникъ тоу сѣдѣште и помыслѣжште: *ἦσαν καθήμενοι καὶ διαλογιζόμενοι*. Я сомнѣваюсь даже, что примѣръ, приводимый Потебнею изъ Остромирова Евангел.: *ѣако нѣсмь ѣако и прочи чловѣци . . . алъчм . . . деслтинж даж*, не могъ бы имѣть въ греческомъ текстѣ чего-либо подобнаго, хотя и въ извѣстныхъ греческихъ текстахъ 1 лицо — *ἤστέω, ἀποδεκατῶ*, чему находимъ соотвѣтствія въ другихъ евангельскихъ текстахъ.

Усиленіе сказуемости, мѣну въ строѣ предложенія Потебня ставилъ въ связь съ мѣной міросозерцанія, начинавшемъ видѣть въ окружающемъ не субстанціальность, а процессуальность, проявленіе энергіи, силы.

Въ древне-цер.-славянскомъ и древне-русскомъ языкахъ обычно вообще соединеніе причастій дѣйствительныхъ для выраженія составнаго сказуемаго (кромѣ причастій на лъ, которыя образовали описательное время): бждешилова Л. 510, бждешимлъчм Л. 120 (Зогр. Ев.), бысть іоанъ крѣстм Мр. 14, и бѣ сѣдм . . . и грѣсм (Мар., Мр. 14⁵⁴): *καὶ ἦν συναθήμενος . . . καὶ θεωροῦμενος* бѣахж бо вѣси чажште его: *ἦσαν*

γάρ πάντες προσδοκῶτες αὐτόν (см. различн. примѣры у Потевни Изъ Запис. II 129—130 и особенно Овсян.-Куликовскаго „Синтак. наблюденія“ Ж. М. И. Пр. 97 № 5). Между приведенными примѣрами и нашими выраженіями: будетъ ловить, будешь молчать и пр. заключается огромная разница въ самой исходной точкѣ зрѣнія. И эта разница вскрыта съ замѣчательной научной проницательностью Потевней. Если мы говоримъ: будешь ловящій (собственно у насъ ловящимъ), то мы выдвигаемъ какъ бы извѣстный признакъ, въ будущемъ присущій данному лицу, если-же говоримъ: будешь ловить, то обращаемъ вниманіе на дѣйствіе, энергію подлежащаго.

Говоря о постепенной потерѣ предикативности причастіями, мы должны помнить, что одно изъ причастій, именно прошедшее на лъ, пріобрѣло эту предикативность въ самой сильной степени, стало изъяснительнымъ наклономъ. Между тѣмъ первоначально въ *къ смъ дѣлалъ* и пр. было такое же сочетаніе какъ *бѣ оуча и пр.* Уже въ древне-церк.-славянскихъ текстахъ это причастіе съ вспомогательнымъ глаголомъ не образовывало составного сказуемаго, а уже являлось описательнымъ временемъ.

Потевня наглядно многими примѣрами показываетъ извѣстную предикативную силу, которой обладало въ древности причастіе. Невольно здѣсь приходитъ на мысль, не являлась ли эта доля сказуемости въ силу того, что само причастіе замѣняло первоначальный предикатъ. Можетъ быть, развитіе въ связуемости предложеній заставило прежде всего прибѣгнуть къ помощи причастій. Такимъ образомъ: *мъ нитъ с ъ м и мы*, МѠ. 25 29, (Мар., Зогр.) будетъ дальнѣйшимъ развитіемъ первоначальнаго: *мъ нитъ с ъ м и матъ* (т. е. имѣть). Причастіе, такимъ образомъ выступаетъ въ роли показателя болѣе тѣсной связи между предложеніями. Особенно характерно, что въ греческомъ *ὁ δοκῶν ἔχειν*. Изъ сказаннаго намъ будутъ понятны обороты: *нѣсть кто милоуѣ*, Супр. 41 24 *не вѣста с ъ м* чего просашта

Мѣ. 20 22, *οὐκ οἶδατε τί αἰτεῖσθε*. Иногда подобнымъ оборотомъ находимъ соотвѣтствіе и въ греческомъ: *εὗρον τὸ παιδίον βεβλημένον ἐπὶ τὴν κλίνην καὶ τὸ δαυμόνιον ἐξεληλυθός* Мр. 7 30, обрѣте отроковицѣ лежашщѣ на одрѣ и бѣ съ ишѣдъшѣ. Мы ожидали бы въ силу этого такого оборота: кого глѣжтъ млчлвци сжшт а ѿна члвческаго. Но на ряду съ подобнымъ оборотомъ въ Мар. Ев. Мѣ. 16 13, встрѣчается: кого быти (тамъ же 16 15). Весьма вѣроятно, что послѣдній оборотъ употребленъ сообразно съ греческимъ текстомъ.

На 205—231 стр. своего изслѣдованія Потеня даетъ цѣлый рядъ примѣровъ (изъ славянскихъ языковъ, литовскаго и латынскаго яз.) употребленія причастія, какъ сказуемаго придаточнаго предложенія, и анализъ этого употребленія. Эта глава наглядно можетъ показать, какъ развилось нане современное придаточное предложеніе въ сущности изъ одного самостоятельнаго, вродѣ приведеннаго выше примѣра — *нѣсть кто милоуѣ*.

Вникнувъ въ приводимыя Потеней здѣсь многочисленныя примѣры, принявъ во вниманіе высказанное ниже отрицательное отношеніе къ ученію о такъ называемыхъ „сокращенныхъ“ иридаточныхъ предложеніяхъ, можно было-бы построить цѣлую картину образованія и соотношенія этихъ сокращенныхъ и „полныхъ“ предложеній — совсѣмъ, конечно, иную, чѣмъ то находимъ въ современныхъ намъ, даже новаго направленія учебникахъ по русскому синтаксису.

Русской рѣчи, какъ извѣстно, несвойственъ дательный самостоятельный. Лишь путемъ подражанія возникло частое употребленіе дательнаго самостоятельнаго въ древне-русской письменности. Отголоски этого употребленія мы находимъ въ дальнѣйшемъ времени, напр., у Жуковскаго: и кругомъ взгроможденному морю, видимъ . . . Весьма вѣроятно, что дательный самостоятельный, какъ объяснялъ Потеня, могъ возникнуть въ пѣкоторыхъ случаяхъ изъ простого дательнаго падежа съ причастіемъ, но это возникновеніе обусло-

влено опять - таки особымъ свойствомъ причастія, свойствомъ, котораго причастіе въ настоящее время не имѣеть: большей своей предикативной силой. Принимая за основу возникновенія подобныхъ оборотовъ глагольность причастій, я, въ то же время не склоненъ былъ-бы принять то объясненіе, которое далъ Потебня (330) о пути образованія дательнаго „самостоятельнаго“, именно воображаемымъ повтореніемъ одного изъ дательныхъ (не причастія).

Примѣръ, какъ въ вставъ и рече — выраженіе для насъ совершенно невозможное: мы не можемъ сказать: онъ вставшій и сказалъ. Между тѣмъ въ вставъ, играя роль аппозиціи, имѣло долю сказуемости, но именно долю, такимъ образомъ предложеніе: онъ вставшій и сказалъ было возможно именно въ силу нецѣльности строя предложенія. Идя вслѣдъ за прежними воззрѣніями Бу-слаева и Срезневскаго, въ приведенной фразѣ нужно было-бы видѣть два предложенія (въ вставъ есть и рече), но идя за болѣе правильнымъ пониманіемъ Потебни, здѣсь найдемъ предложеніе одно, но какъ-бы распадающееся, не такое цѣльное, какъ наше современное. Союзъ *и* употребленъ для того, чтобы болѣе соединить какъ-бы распадающіяся части предложенія.

Насколько подобные обороты трудно поддавались объясненію и насколько они противорѣчили нашему языковому чувству, указываетъ тотъ, напр., фактъ, что Миклошичъ считалъ *и* въ подобныхъ случаяхъ ошибками переписчиковъ, при чемъ, такимъ образомъ, не принялъ во вниманіе многочисленности подобныхъ ошибокъ (827). Ак. Ягичъ справедливо ставитъ вопросъ, что заставляло-бы переписчиковъ дѣлать подобныя вставки (Beiträge, 70, тамъ-же указаніе на то, что Миклошичъ при редакціи текста Несторовой лѣтописи выпускалъ находившіеся союзы въ подобныхъ случаяхъ). Беря примѣры: вставъ и рече; убося побѣже Олегъ; есть церковь . . . стоящи и руководствуясь разбросанными въ разныхъ частяхъ изслѣдованія Потебни

выводами, можно было-бы построить наглядную картинку постепенныхъ переходовъ прежняго причастія въ современной нашей рѣчи въ дѣеиричастіе, въ самостоятельное сказуемое вмѣстѣ съ другимъ глаголомъ (бывшимъ ранѣе сказуемымъ) или отдѣльно. Въ однихъ случаяхъ бывшее причастіе уже въ древности, очевидно, играло роль аппозиціи, отсюда и его большая самостоятельность и появленіе союза *и*, въ другихъ — оно болѣе примыкало къ сказуемому, при посредствѣ котораго оно примыкало уже къ подлежащему.

Выдвинувъ самостоятельность причастныхъ формъ, Потенбня тѣмъ самымъ подошелъ къ освѣщенію страннаго для насъ оборота „именительный самостоятельный (194 и слѣд.)

При сравнительномъ анализѣ строя современной и древнерусской рѣчи Потенбня подчеркивалъ развитіе въ современной рѣчи двойкой замѣны прежняго характера причастій въ сторону именную или глагольную, въ виду болѣе рѣзкаго проведенія разницы между именемъ и глаголомъ. Въ настоящее время употребленіе причастія при вполнѣ конкретномъ глаголѣ обращаетъ это причастіе въ аппозицію. Анализъ значенія различныхъ глаголовъ, картина, какъ постепенно терялась конкретность многихъ глаголовъ и что въ силу этого происходило съ предложеніями, представляютъ блестящія страницы въ изслѣдованіи Потенбни. Потенбня подробно выясняетъ разницу между составнымъ сказуемымъ и описательнымъ временемъ, отмѣчая одноактность послѣдняго для сознанія. И вотъ мнѣ думается, что слѣдя за исторіей развитія составнаго сказуемаго, можно прибѣгнуть къ сравненію его съ описательнымъ временемъ именно въ позднѣйшій періодъ его развитія, хотя-бы въ нѣкоторой части — въ тѣхъ случаяхъ, когда глаголь-сказуемое постепенно теряетъ свою конкретность.

Излагая нѣкоторые взгляды Потенбни, легко въ то же время произвести и сравнительную оцѣнку этихъ взглядовъ съ тѣмъ, что было высказано по тому же поводу Микловичемъ. Такимъ образомъ можетъ выясниться и сравнительная

цѣнность изслѣдованій того и другого ученаго. Частично можно привлечь воззрѣнія и другихъ изслѣдователей.

Одной изъ лучшихъ иллюстрацій въ усиленіи сказуемости у Потевни является анализъ перехода составнаго сказуемаго съ прилагательнымъ.

Прилагательное въ составномъ сказуемомъ, ранѣе стоявшее въ именительномъ падежѣ, переходило во многихъ случаяхъ либо въ нарѣчіе, либо ставилось въ творительномъ падежѣ (послѣдній появляется и на мѣстѣ вторыхъ падежей — випительнаго и родительнаго; на стран. 305 и слѣд. выясняется Потевней однородность вторыхъ косвенныхъ падежей со вторымъ именительнымъ). Какъ показываютъ примѣры, приводимые Потевней, при многихъ глаголахъ у насъ уже невозможенъ второй именительный (или вторые косвенные падежи). У Миклошича (727), между тѣмъ, какъ и у Шлейхера (Lit. Gr. 270-I; ср. Буслаевъ § 248, 3), мы находимъ мысль о томъ, что творительный предикативный болѣе древній оборотъ въ данномъ случаѣ и что лишь его остатки удерживаются въ настоящее время. Миклошичъ вообще находилъ, что въ данномъ случаѣ — въ постепенной замѣнѣ древняго творительнаго именительнымъ — славянскіе языки идутъ на встрѣчу основамъ синтаксиса классическихъ языковъ. Этотъ вполне апріорный взглядъ Миклошича о какомъ-то вліяніи другихъ языковъ на славянскіе въ данномъ случаѣ совершенно опровергнуть фактическими данными, приводимыми Потевней. Въ дополненіе къ этимъ даннымъ можно привести еще и то, что говоритъ Ягичъ въ своихъ *Beiträge zur slawischen Syntax* (Wien 1899, 52—53), отрицательно относящійся къ мысли Миклошича; а именно, что изъ славянскихъ языковъ второй именительный особенно употребителенъ въ сербскомъ языкѣ, наименѣе сравнительно съ польскимъ, чешскимъ и русскимъ языками испытавшемъ вліяніе западно-европейскихъ языковъ. Само собой напрашивается на умъ и то общее замѣчаніе, которое сдѣлалъ Ягичъ, что если бы творительный падежъ принадлежалъ въ разсматриваемыхъ оборотахъ болѣе на-

чальному періоду, чѣмъ именительный (и вторые косвен. падежи), то онъ былъ бы и болѣе употребителенъ въ древнѣйшихъ славянскихъ памятникахъ, чего на самомъ дѣлѣ не наблюдается. Разсматриваемый творительный падежь Потенбня называетъ, въ сущности, только условно предикативнымъ. Онъ уже, вопреки Миклошичу, Гатталъ, Смиуту, не считаетъ его, соотвѣтственно своей теоріи, составляющимъ часть сказуемаго, а лишь дополненіемъ къ послѣднему; въ данномъ случаѣ Потенбня сходится съ ранѣе высказаннымъ мнѣніемъ Востокова (Рус. грамм. § 121).

Основная мысль, легшая въ основу изслѣдованія о замѣнѣ второго именительнаго, проникаетъ собой и тѣ страницы изслѣдованія, въ которыхъ Потенбня далъ исторію замѣны вторыхъ косвенныхъ падежей. Потенбня устанавливаетъ, что вторые косвенные падежи (какъ и второй именительный) тѣсно примыкаютъ къ первымъ косвеннымъ падежамъ, завися, правда, въ то же время и отъ глагола. На сходство и родство вторыхъ падежей косвенныхъ и прямого указываетъ уже и то обстоятельство, что эти падежи часто связывались съ одними и тѣми же глаголами въ разныхъ оборотахъ.

Наблюденія надъ исторически проявлявшейся замѣной въ составномъ сказуемомъ прилагательнаго нарѣчіемъ дали Потенбнѣ возможность дать примѣры особенно яркаго укомпактованія прежняго предложенія по направленію къ большій цѣльности и по направленію усиленія сказуемости. Приводимые примѣры можно значительно увеличить тѣми, которые привелъ Овсянико-Куликовскій въ своихъ синтаксическихъ наблюденіяхъ (Ж. М. Н. Пр. 1898 г. № 5, 6—11) и которые шире захватываютъ область другихъ языковъ. Одно изъ яркихъ превращеній прилагательнаго въ нарѣчіе въ составномъ сказуемомъ Потенбня указывалъ въ нѣмецкомъ оборотѣ *diese Frau ist schön* и пр., не сходясь такимъ образомъ съ современными ему авторитетами нѣмецкой науки и въ то же время предвосхитя то мнѣніе, которое позже было высказано Паулемъ. Но далеко не всѣ при-

лагательныя въ составномъ сказуемомъ подверглись измѣненію, перейдя въ нарѣчія или творительный предикативный падежъ. На ряду съ этимъ мы видимъ сохраненіе иногда прилагательнаго въ именительномъ падежѣ въ именной формѣ, а иногда, вмѣсто этого древняго оборота, въ формѣ мѣстоименной. Разбираясь въ послѣднихъ случаяхъ, Потеня приходилъ къ тому заключенію, что здѣсь особенно важно значеніе глагола, входящаго въ составное сказуемое; въ такихъ глаголахъ, какъ становиться, казаться и под. нѣтъ такой самостоятельности, цѣльности для мысли, какъ въ глаголахъ: итти и под. И вотъ „чѣмъ менѣе самостоятеленъ глаголь, тѣмъ менѣе самостоятельно прилагательное“ (177), „безчленное прилагательное, какъ болѣе древнее, чѣмъ членное, тѣмъ самымъ болѣе близко къ хаотическому состоянію мысли въ языкѣ, тѣмъ самымъ есть форма менѣе обособленная, менѣе прилагательная, болѣе близкая къ причастію.“ Въ силу этого безчленное прилагательное является особенно нужнымъ, дабы показать, что оно является результатомъ дѣйствія глагола. „Такая причинная зависимость въ „становится старъ“ не выражена сама по себѣ, тѣмъ не менѣе замѣтно, что въ „старъ“ заключенъ послѣдній моментъ энергіи „становиться“ (177). Мнѣ казалось бы, что здѣсь опять-таки можно было-бы выдвинуть то, что составное сказуемое нѣсколько приближается къ описательному времени. Говоря о „сочетаніи по смыслу,“ вникая въ лексическое значеніе глаголовъ, Потеня открывалъ въ послѣднихъ разряды по своему значенію большей или меньшей энергичности. И вотъ соединяя съ глаголами большей энергичности остатки употребленія именныхъ прилагательныхъ (онъ сдѣлался старъ), какъ непосредственное выраженіе этой энергіи, Потеня отмѣчалъ, что существительныя при многихъ глаголахъ большей энергичности уже должны были ранѣе мѣнять свой падежъ согласуемый на несогласуемый (178—181), и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе наблюдается замѣна, такъ что въ настоящемъ

времени употребленіе творительнаго сдѣлалось въ нашей литературной рѣчи правиломъ; а немногочисленнымъ остаткамъ употребленія именительнаго (при параллельномъ употребленіи творительнаго) языкъ придаетъ уже извѣстный оттѣнокъ значенія (509 и слѣд.). Возникновеніе же творительнаго, а не другого какого-либо падежа, Потебня объяснялъ вліяніемъ близкихъ иногда по смыслу оборотовъ съ творительнымъ образа дѣйствія (499 и слѣд.). Если и здѣсь мы сравнимъ тѣ немногія строки, которыя были посвящены Миклошичемъ объясненію предикативнаго творительнаго (Vergl. Gr. IV, 727) и тщательный подборъ примѣровъ, сдѣланный Потебней, то увидимъ, что заключеніе Потебни гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ болѣе апріорныя мысли Миклошича, что „diese wahre Natur . . . in einer ideellen Bewegung — die auch im Lat. tollere aliquam ad uxorem, afr. eslire à roi und im Deutschen durch den dat. mit zu „zum Bettler werden“ und durch analoge Sätze anderer Sprachen angedeutet erscheint. Правъ былъ ак. Ягичъ, возражая противъ подобной мысли, что въ славянскихъ языкахъ указанная Миклошичемъ черта находить себѣ выраженіе въ оборотахъ съ предлогами (Beitrage, 56). На ряду съ этимъ можно отмѣтить, что разъясняя разницу оборотовъ: онъ былъ офицеръ, онъ былъ офицеромъ, Потебня далъ болѣе удовлетворительно объясненіе, чѣмъ объясненіе Миклюшича („творит. предикат. означаетъ то, чѣмъ подлежащее становится дѣйствительно или только въ мысли; именительный предикативный — то, что подлежащее есть“ . . . 737). По Потебнѣ, именительный предикативный въ разсматриваемыхъ оборотахъ представляетъ признакъ существенный, мысль сосредоточивается какъ-то болѣе на этомъ признакѣ, чѣмъ въ оборотѣ „былъ офицеромъ,“ гдѣ признакъ выражень уже какъ дополненіе, и не мыслится уже въ подлежащемъ.

Критикуя взгляды на неопредѣленное наклоненіе, Бу-слаева (Буслаевъ считалъ неопредѣленное наклоненіе по

этимологическому образованію существительнымъ отглагольнымъ, гр. § 195) и Некрасова (Некрасовъ называлъ неопредѣленное существительною формою глагола, при чемъ дѣлалъ невозможныя сближенія: честь (читать) и честь, власть — власти, владѣть, печь — печь и пр; въ данныхъ случаяхъ, какъ справедливо указывалъ Потевня (343—4) лишь звуковое совпаденіе), Потевня выдѣляетъ послѣднее, какъ самостоятельную часть рѣчи, болѣе все-же сближая съ глаголомъ. Что неопредѣленное наклоненіе не имя, по Потевнѣ, говоритъ прежде всего то, что оно не является носителемъ субъекта, а само требуетъ такового. Отличаясь отъ *verbum finitum*, оно является съ неопредѣленнымъ лицамъ, является такого рода оглаголиваніемъ имени, пазначеніе котораго служить второстепеннымъ зависимымъ сказуемымъ (349).

Въ мысляхъ Потевни, что назначеніе неопредѣленнаго наклоненія служить второстепеннымъ, зависимымъ сказуемымъ, мнѣ думается, сказалось вліяніе нѣсколько недоразвитыхъ и нѣсколько непонятныхъ на первый взглядъ мыслей Штейнталя (*Gram., Logik . . . 372*), что неопредѣленное наклоненіе хотя и не имѣетъ силы образовать предложеніе (*Satzbildende Kraft*), но зато все-же имѣетъ предикативную силу (*Prädicative Kraft*).

Тоже вліяніе мыслей Штейнталя можно отмѣтить на мысли Потевни, что въ неопредѣленномъ наклоненіи лицо неопредѣленное (изъ *Запис., II, 348; Grammatik, Logik . . . 371*).

Въ отдѣлѣ о неопредѣленномъ наклоненіи Потевня въ нѣкоторыхъ общихъ положеніяхъ идетъ параллельно Л. Шредеру (*Ueber die formelle Unterscheidung der Redeteile im Griechischen und Latein. Leipzig 1874 г.*). У Потевни, впрочемъ, доказательства отдаленности неопредѣленнаго наклоненія отъ существительнаго и близости къ глаголу обставлены лучше и полнѣе. Совершенно справедливыми представляются мнѣ слова Потевни (345 II): „Не смотря

на то, что въ числѣ защитниковъ совершенной номинальности этой формы (т. е. неопред. наклон.) были знаменитыя въ языковѣдѣніи имена (напр., Боппъ), въ настоящее время можно считать рѣшительно и прочно господствующимъ мнѣніе, что инфинитивъ только былъ нѣкогда именемъ, но не остался имъ, или, какъ говорятъ иначе, что онъ есть имя въ этимологическомъ и родъ глагола въ синтаксическомъ отношеніи.“

Древніе грамматики причисляли неопредѣленное наклоненіе то къ глагольнымъ формамъ (въ этомъ случаѣ особенно играло значеніе, присущее неопредѣленному наклоненію, обозначеніе времени и управление глагольное), то считали особой частью рѣчи, то причисляли къ нарѣчіямъ. Противъ послѣдняго въ новое время у насъ возсталъ Добіашъ (Опытъ, 161—2), считая неопредѣленное наклоненіе чистымъ *ρῆμα* (*α ῥάφω* — *εἰς* . . . не такимъ чистымъ уже *ρῆμα*).

Мысли Потевни объ исключительной сказуемости неопредѣленнаго наклоненія находили себѣ не безосновательную критику въ статьяхъ проф. Е. Θ. Будде и г. Андреева. Будде (Ж. М. Н. Пр. 93, 231) указывалъ на приближеніе неопредѣленнаго наклоненія къ имени существительному и на легкость превращенія въ нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ неопредѣленнаго наклоненія въ имя существительное *wissen* — *das Wissen*, *savoir* — *le savoir* и пр. Иногда можно и въ русскомъ провести нѣкоторую аналогію: я хочу знать, я хочу знанія, я люблю путешествовать, путешествія; но не всегда можно провести подобную аналогію: напр. я люблю пѣть, пѣніе (хотя проф. Будде предполагаетъ возможнымъ пѣтіе, которое-де было въ этомъ случаѣ двузначнымъ). Съ другой стороны у г. Андреева мы находимъ, между прочимъ, указанія на невозможность считать сказуемымъ неопредѣленное наклоненіе въ такихъ случаяхъ, какъ: охотники таскаться по пирамъ явились изъ первыхъ, имѣющей уши слышать да слышитъ и прочее. Здѣсь, конечно, если брать подобныя выраженія сами по себѣ (безъ

отношенія, какъ они сложились) нельзя конечно говорить и о „второстепенномъ“ сказуемомъ.

Намъ думается, что неопредѣленное наклоненіе (принимая это названіе, конечно, условно) форма въ настоящее время несомнѣнно глагольная, но все же особая среди другихъ глагольныхъ формъ. Съ именемъ существительнымъ ее сближаютъ прежде всего не признаки какого-либо сходства, а нѣкоторыя черты, отсутствующія сравнительно съ другими глагольными формами (каковыхъ чертъ нѣтъ и въ имени существительномъ).

Формы болгарскаго неопредѣленнаго наклоненія, потерявшія окончанія и представляющія изъ себя чистую глагольную тему на гласную, могутъ вполне, думается, подтверждать наше мнѣніе. Окончаніе здѣсь сдѣлалось ненужнымъ, потому что этой формой выражается именно то, что заключается въ глагольной темѣ. Если у насъ удерживаются окончанія *ти, ть, чь*, то благодаря, можетъ быть, и литературной традиціи, а собственно эти окончанія являются, дѣйствительно ненужными въ нѣкоторыхъ особенно случаяхъ, напр. въ соединеніи вспомогат. глагола + неопр. наклоненіе (ср. напр, малорус. братиму, или серб. — *ћу*).

III.

Потребнѣ вполне принадлежитъ заслуга выясненія такъ называемыхъ полныхъ и сокращенныхъ придаточныхъ предложений. Многочисленными примѣрами изъ памятниковъ онъ доказалъ, что такъ называемыя сокращенныя придаточныя предложенія древнѣе даже полныхъ, слѣдовательно здѣсь ни о какомъ „сокращеніи“ не можетъ быть и рѣчи, затѣмъ, что употреблявшееся въ „сокращенныхъ“ предложеніяхъ причастіе не предполагало какого-либо пропуска глагола, а употреблялось самостоятельно въ силу своей прежней предикативности.

Идя вслѣдъ за ученіемъ Потевни, нѣкоторые составители новѣйшихъ учебниковъ по русскому синтаксису вполне справедливо удаляютъ такъ называемое сокращеніе придаточныхъ предложеній (см. напр. учебники С. Н. Брайловскаго — Учебный курсъ русской грамматики литер. русс. языка СПБ. 1904., Д. К. Брешенкова — Курсъ русскаго синтаксиса — Москва 1907; Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго — Грамматика русскаго языка, М. 1907.

Правы, конечно, упомянутые составители учебниковъ, поступая такъ съ пресловутымъ сокращеніемъ, но въ то же время нужно сознаться, что разрушая прежнюю школьную традицію, они не попытались дать ясное представленіе о дѣйствительномъ соотношеніи между „полными“ и „сокращенными“ придаточными предложеніями. Возьмемъ для примѣра учебникъ г. Брешенкова. О такъ называемыхъ придаточныхъ сокращенныхъ предложеніяхъ онъ говоритъ въ отдѣлѣ частей предложенія, при чемъ говоритъ въ примѣчаніяхъ даже не всецѣло своими словами, а прибѣгая къ выдержкамъ изъ Потевни и Овсяннико-Куликовскаго (ср. 29—30, 38—40, при чемъ въ примѣчаніи II даже путаница въ разъясненіи разницы во взглядахъ Потевни и Овсяннико-Куликовскаго).

Частичный вопросъ, какимъ является вопросъ о „сокращеніи“ придаточныхъ предложеній, можетъ служить яркимъ, типичнымъ доказательствомъ того, какъ трудно задаваться „реформой“ грамматики, если не усвоена сущность самаго научно-новаго теченія и если авторъ не обладаетъ способностью представить результаты новаго въ видѣ доступной цѣльной картины. Невольно появляется вопросъ, что лучше въ педагогическомъ отношеніи: прежняя, хотя и невѣрная постановка и прежнее изложеніе вопроса, или новыя разъясненія, безсистемныя, не особенно ясно представляемыя. Я думаю даже, что не всякій изъ преподавателей, не ознакомившійся лично съ трудами Потевни или Овсяннико-Куликовскаго, могъ-бы разобратъся въ примѣчаніяхъ, напр.,

учебника г. Брешенкова, не говоря уже, конечно, объ учащихся.

Въ древне-русскихъ памятникахъ есть наглядные примѣры того, что зависимость между такъ называемыми главными и придаточными предложеніями, или лучше назовемъ ихъ самостоятельными и зависимыми, была не такая тѣсная, какъ теперь. На это уже обратилъ вниманіе Буслаевъ (Грамм. § 268), но особенно рельефно это представлено у Потебни (III 337 и слѣд.)

Послаша Псковичи . . . ко князю Ив. Вас . . . которой князь Пскову любь (Пск. Л. I. 222, Потебня III, 339).

Чтобъ они къ тому дни, въ который день. — (Изъ Котошихина, Потебня *ibid*).

Подобные примѣры показываютъ исторію образованія на первый взглядъ непонятныхъ по согласованію предложеній: здѣсь былъ человѣкъ, котораго ты вчера видѣлъ. Примѣры приведенные выше говорятъ о пропускѣ въ придаточномъ предложеніи первоначально стоящаго дополненія — человѣка. Пропускъ послѣдняго слова сдѣлалъ въ данныхъ сочетаніяхъ предложеній то, что они болѣе какъ-бы срастаются, а ранѣе такъ называемое придаточное обладало большей самостоятельностью. Бѣлая самостоятельность придаточныхъ предложеній дѣлала возможнымъ ихъ постановку передъ „главными“.

Котораго князя хочеше и язъ вамъ того дамъ (Пск. I. 222 Потебня III. 345). Котрий чоловік отця своего, матер штить, поважае, тому Богъ . . . (Потебня — *ibid* 346). Потебня совершенно правильно отмѣчаетъ (III, 342), что эта препозитивная постановка придаточныхъ предложеній въ данныхъ и подобныхъ случаяхъ была болѣе естественна, такъ какъ содержаніе придаточнаго предложенія предшествовало содержанію главнаго. „Намъ кажется (Пот. III 342—3) естественнымъ порядокъ: „я видѣлъ человѣка, который приходилъ“ . . . и „когда онъ приходилъ“, между тѣмъ, какъ это есть извращеніе первоначальнаго порядка, ради

выраженія подчиненности придаточнаго. Первообразнѣе: „(который, когда) человекъ приходилъ, (и) я (того, его) видѣлъ.“

Если мы согласимся съ тѣмъ общимъ воззрѣніемъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ предложенія принимаютъ болѣе компактный видъ, то должны въ вышеприведенныхъ примѣрахъ видѣть образцы очень древняго языка, когда этой компактности не было. Какъ-же теперь согласовать съ этими примѣрами слѣдующія предложенія, которыя такъ же характеризуютъ древніе памятники: Иже бо не видѣвъ тоя радости въ той день, то неиметь вѣры . . . Ту стояху вси, иже отъ Галилеи пришедше . . . (прим., привед. во II ч. изъ Запис. Потевни 207) т. е. когда вмѣсто „изъявительнаго“ наклоненія выступаетъ причастіе. Вѣдь, повидимому, послѣдніе примѣры ужъ показываютъ бѣольшую несамостоятельность предложеній съ иже? Здѣсь, конечно, можно выдвинуть на первый планъ предикативность прежнихъ причастій, такъ что тѣ предложенія, которыя намъ кажутся такъ тѣсно примыкающими къ другимъ, ранѣе не представлялись таковыми. Не даромъ же являлась возможность постановки между ними союза и.

Я привелъ изъ матеріала, собраннаго Потевней, лишь 2 примѣра, въ которыхъ наши такъ называемыя опредѣлительныя придаточныя предложенія передаются мѣстоименіями и глаголами въ причастныхъ формахъ вмѣсто изъявительнаго наклоненія. Матеріалъ, собранный Потевней, даетъ возможность представить примѣры и другихъ придаточныхъ предложеній, въ которыхъ также вмѣсто нашего изъявительнаго наклоненія выступаютъ причастія. Напр. такъ называемыя придаточныя дополнительныя: невѣста сѧ, чесо просяща; невѣдаты бо сѧ, чыто творяще; аште добро твориши, вѣжъ сѧ, кому твора; придаточныя подлежащія: нѣсть, кто милоумъ; небѣдетъ, кѣто послышамъ . . . не бысть, кто княжа; — придаточныя обстоятельства мѣста: невѣдяхоу бо, камо бѣжаще;

куда же ходяще путемъ.... не дайте пакости дѣяти отрокомъ....; а друзіи разбѣжались, куда кто поспѣвъ; придаточныя предложенія сравнительныя и изъяснительныя: а како ся нагадавъше вси, тако же съ тобою уладимся; какъ мога, такъ имъ бобра ловити; до приходячи Русь съльбноіе емлють, велико хотячи; убогихъ незабывайте, но, елико могуще, по силѣ кормите;... я отписую до честности твоей, якъ умѣя; придаточныя обстоятельства времени: коли хотяче молитву творити болному, преже глаголи...; якоже внидучи въ градъ.... когда отъимая.... придаточныя условныя: а гдѣ (въ смыслѣ если) будете хотя послали на мое лихо и вамъ тамо отослати...; аще усрѣсти вѣрующе (См. Потебня Изъ записокъ II 205—218).

Я сгруппировалъ данный матеріалъ по извѣстнымъ категоріямъ съ цѣлью нагляднѣе показать, какъ наши придаточныя предложенія передавались причастными формами, при чемъ о какомъ-то сокращеніи ихъ сравнительно съ придаточными „полными“ не могло быть и рѣчи. Здѣсь вопросъ только въ томъ, обладали-ли дѣйствительно эти причастныя формы въ такой степени предикативностью, какъ то имъ приписывалъ Потебня. Если возьмемъ для примѣра предложеніе: невѣдѣтъ бо см, чѣто творѣще, то здѣсь наше изъяснительное наклоненіе появляется, нужно думать, позже, какъ писалъ Потебня вопреки обратному мнѣнію Востокова (II 208); но почему появляется: потому-ли что причастіе теряетъ предикативность или потому, какъ намъ кажется, что причастіе не обладало настолько предикативной силой, чтобы удержать вновь полученную позицію. Если было-бы не такъ, то причастія настоящаго и прошедшаго времени должны были бы постепенно пріобрѣсти ту-же предикативную силу, которую пріобрѣли II причастія прошедшаго времени, сдѣлавшіяся вполнѣ формами изъяснительнаго наклоненія.

Итакъ, считая ранѣ приведенныя „придаточныя“ предложенія развившимися, отколовшимися отъ предложеній самостоятельныхъ, считая, что причастіе вмѣстѣ съ тѣмъ получало и извѣстную долю еще большей предикативности, я вмѣстѣ съ тѣмъ не могу вполне согласиться съ мнѣніемъ Потевни о силѣ этой предикативности. Мнѣніе Потевни нашло себѣ также продолжателя въ лицѣ ак. Ягича. Послѣдній уравнивалъ предикативную силу причастія прошедшаго съ той предикативной силой, которую приобрѣли П причастія прошедшаго времени на *лз* послѣ постепеннаго исчезновенія вспомогательнаго глагола (Beitrag 69—70). Но важно было-бы обратить вниманіе на то, какъ получалась предикативная сила причастій на-*лз*; здѣсь было именно постепенное исчезновеніе вспомогательнаго глагола, значеніе этого послѣдняго какъ-бы впитывалось остававшимися причаст. *ф.* на *лз*, а вѣдь ничего подобнаго не было съ причастіемъ на *з*, *вз*, или причастіемъ настоящаго времени. Иначе мы должны бы и при этихъ причастіяхъ подразумѣвать пропуски вспомогат. глагола, чего ни Потевня, ни Ягичъ, вопреки прежнимъ мнѣніямъ, не допускаютъ.

И дѣйствительно, такіе примѣры, какъ нѣсть просл, затѣмъ нѣсть кѣто просл и изъ этого еще, въ сущности, одного предложенія путемъ постепеннаго усиленія второй части: нѣсть, кѣто просл, могутъ показать, что въ уже отдѣлившемся придаточномъ предложеніи нѣтъ вспомогательнаго глагола, но онъ былъ тогда лишь, когда причастіе составляло одно цѣлое съ образовавшимся теперь „главнымъ“ предложеніемъ. Причастіе очутилось безъ бывшей опоры, оно начало употребляться вмѣсто уже изъяснительнаго наклоненія, вполне же стать на мѣсто этого послѣдняго ему не удалось. Еще большой вопросъ въ томъ, что не подразумѣвался-ли иной разъ, когда причастіе являлось въ качествѣ самостоятельнаго сказуемаго, и вспомогательный глаголъ при немъ.

Теперь вопросъ заключается въ слѣдующемъ. Можно-ли

уподобить наши „сокращенныя“ придаточныя предложенія тѣмъ, которыя я раньше приводилъ, и можно-ли считать послѣднія прототипами, источниками нашихъ сокращенныхъ придаточныхъ предложений. На этотъ вопросъ, мнѣ кажется дать положительный отвѣтъ нельзя. Причины тѣ, что въ приведенныхъ мною и иодобныхъ примѣрахъ мы не видимъ удержанія причастій, а ихъ замѣну изъявительнымъ наклоненіемъ (въ такихъ примѣрахъ, какъ не вѣдахоу камо бѣ жаще, — замѣна: бѣ жать т. е. неопред. наклоненіемъ). Но эти примѣры могутъ говорить о возможности вліянія па замѣну (на „сокращеніе“) несамостоятельныхъ предложений со стороны близкихъ оборотовъ, въ которыхъ причастіе или позже дѣепричастіе непосредственно примыкало къ глаголу или подлежащему, входило въ составъ составного сказуемаго или было ихъ аппозиціей. Мы находимъ и остатки прежнихъ оборотовъ въ такихъ примѣрахъ: итти куда зря, кто кого смога, тотъ того въ рога; битъ чѣмъ попадя; малорусс., з кимъ попавши, и нѣк. др. (См. Потебня II, 217.)

Итакъ извѣстное расчлененіе, выдѣленіе мысли, заключавшейся въ глаголѣ предложенія и причастіи, образовавшихъ составное сказуемое, могло повести къ образованію придаточнаго предложенія. Въ этомъ придаточномъ предложеніи, еще очень сильно тяготѣвшемъ къ своему „главному“, въ качествѣ сказуемаго выступало причастіе, при которомъ можетъ быть иной разъ въ началѣ подразумѣвался вспомогательный глаголъ; но въ заключеніе это причастіе замѣнялось изъявительнымъ наклоненіемъ и образовавшаяся фраза дѣйствительно уже дѣлалась предложеніемъ, хотя и придаточнымъ. Съ другой стороны, прежніе обороты могли и оставаться, давая такъ называемыя наши „сокращенныя“ предложенія.

Что разбираемыя причастія не достигли предикативной силы причастій на — *лз*, указываетъ и то обстоятельство, что въ славянскихъ языкахъ они допускались въ качествѣ

сказуемыхъ лишь при единствѣ подлежащихъ „главнаго“ и „придаточнаго“ предложеній. Это обстоятельство опять наглядно указываетъ на исторію происхожденія данныхъ оборотовъ. Вполнѣ можно согласиться съ той картиной, которую рисуетъ Потебня въ данномъ случаѣ, сближая разсматриваемые обороты съ предикативно-аттрибутивными и аппозитивными причастіями.

Возьмемъ такое предложеніе: и вѣзратися Андрей неврежень, съхранень Богомъ и молитвою родитель своихъ (Потебня II, 154). Здѣсь мы видимъ употребленіе причастій въ видѣ аппозицій и данное предложеніе можетъ быть у насъ передано — невредимый и пр., наряду съ этимъ, конечно, можетъ быть передано: будучи невредимъ. . . .

Затѣмъ такой примѣръ: кто ли ее обрѣте прѣслушавъ сіе мое . . . да приме гнѣвъ . . . (Потебня *ibid.* 155); здѣсь уже меньшая аппозитивность; у насъ можетъ быть передано: нарушившій, или который нарушилъ, преступилъ. . . .

Подобная аппозитивная постановка причастій давала большую возможность развиваться въ дальнѣйшемъ придаточнымъ предложеніямъ; причастіе въ данныхъ случаяхъ было дальше отъ сказуемаго, чѣмъ такъ называемое предикативно-аттрибутивное причастіе, и находясь дальше отъ глагола, примыкая болѣе къ подлежащему или дополненію, оно могло скорѣе стать сказуемымъ. Самъ смыслъ предложенія въ данномъ случаѣ указываетъ на большую самостоятельность аппозитивныхъ причастій предъ причастіями атрибутивно-предикативными. Но съ другой стороны мы видимъ также, что эти бывшія аппозитивныя причастія, какъ показываетъ современный строй рѣчи (переходъ причастія въ дѣепричастіе), начинаютъ тѣсно примыкать къ глаголу, хотя и сохраняютъ признаки былой собственной глагольности. Сравнивая древне-русскую рѣчь, поскольку она отразилась въ древнихъ народныхъ памятникахъ, съ

современной русской по синтаксическому строю и стремясь схватить разницу съ общей точки зрѣнія, можно уподобить первую древнимъ рисункамъ безъ перспективы: въ нихъ нѣтъ центра, предложенія текутъ другъ за другомъ, эти предложенія раздѣльны, самостоятельны, иногда неоконченныя.

Возьму примѣръ изъ одной древней грамоты:

„А ордынцы и делюи, а тѣ знаютъ своя служба по старинѣ, а земель ихъ не купити . . . А городная осада, гдѣ кто живетъ, тому тутъ и сѣсти . . . А которые господине слуги потягли къ дворьскому . . . и мнѣ тѣхъ не примати . . . А приѣдетъ мой приставъ . . . но тѣ люди . . . ино или срокъ. . . .“

IV.

Общая мысль, которая проходитъ въ III ч. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (Харьковъ 1899) А. А. Потебни, это — большая функціональная сила существительнаго имени въ прежніе періоды жизни языка. Существительное обладало силой предикативности и атрибутивности. Въ связи съ этимъ стоитъ мысль о паратактичности древней рѣчи. III ч. имѣетъ своей задачей болѣе исторію слова, но сообразно основной точкѣ зрѣнія Потебни, исторія слова или цѣлаго разряда словъ должна быть выведена изъ исторіи языка, исторіи предложенія. Изслѣдуя, анализируя отдѣльныя сочетанія словъ и ряды словъ, Потебня, конечно, выходилъ уже изъ болѣе узкихъ рамокъ синтаксиса. Онъ переходитъ здѣсь не только въ область теоріи поэзіи и прозы, въ область мѣта (какъ высказался въ небольшомъ предисловіи издававш. III часть „Изъ записокъ . . .“ г. Харціевъ), но особенно входитъ въ область семазіологіи и здѣсь снова мы встрѣчаемся въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ вполне справедливую критику выводовъ Миклошича и нѣк. др. ученыхъ.

Въ общемъ я не поставилъ бы III ч. такъ высоко, какъ I—II: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ данный трудъ лишь детальное развитіе проводимаго въ I—II ч., въ нѣкоторыхъ — поправки частнаго характера къ сказанному въ I—II ч., а представленный новый матеріалъ не даетъ возможности считать вполне убѣдительными нѣкоторые новые выводы Потебни. Само изложеніе носитъ нѣсколько отрывочный характеръ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживается какая-то недоговоренность, отсутствіе строгой послѣдовательности. Происходило это и оттого, что окончательной работы авторъ надъ своимъ изслѣдованіемъ не успѣлъ продѣлать, не успѣлъ слить вполне нѣкоторыя части, написанныя въ разное время. Иногда окончательные выводы дѣлаются не какъ итоги разобраннаго матеріала, а какъ-то сами по себѣ (стоитъ сравнить для примѣра стр. 72 и слѣд. 99 и др.) И это неудивительно: стремясь возсоздать далекую перспективу въ прошлой жизни языка, Потебня, естественно, въ качествѣ доказательства пользуется нерѣдко логико-психологическими соображеніями. Самъ же языкъ не даетъ возможности привести данныя, которыя бы оправдали эти соображенія. Но все это не можетъ обезцѣнить рассматриваемый трудъ. Потебнѣ и здѣсь удалось вполне войти въ духъ древняго строя языка и отбѣнить его несходство съ языкомъ современнымъ, удалось намѣтить пути развитія этихъ несходствъ. Наглядно выступаетъ разница въ древнемъ и новомъ строѣ языка. Мы видимъ послѣдовательно проведенное цѣльное воззрѣніе на явленія того и другого строя. Этому воззрѣнію совершенно противорѣчили тѣ частные выводы, которые находимъ у другихъ изслѣдователей, особенно у Буслаева, Миклошича и Попова; поэтому Потебнѣ приходилось раскрывать несостоятельность выводовъ этихъ изслѣдователей. Анализъ матеріала дѣлается Потебнею на почвѣ исторической перспективы. Потебня стремился всячески избавиться отъ тѣхъ взглядовъ на явленія языка, которые образуются у насъ подъ вліяніемъ строя нашей рѣчи. Поэтому то

многіе факты языка, которые объяснялись Буслаевымъ и Миклошичемъ, какъ отступленія отъ нормы, объяснялись Потебней, какъ совершенно естественные результаты, какъ остатки періодовъ предшествовавшихъ. Въ народной рѣчи, какъ и въ древнихъ памятникахъ, много непослѣдовательностей съ точки зрѣнія современнаго литературнаго языка. Раскрыть пути образованія этихъ непослѣдовательностей бываетъ очень трудно, такъ какъ приходится возстановлять уже несуществующіе обороты. Приходится прибѣгать къ творчеству. Глубокое знакомство съ народной поэзіей, особенно малорусской, дало Потебнѣ возможность подойти ближе къ народному міросозерцанію и освѣтить явленія языка, на первый взглядъ совершенно непонятныя. Правда, не все здѣсь является объясненнымъ убѣдительно: въ нѣкоторыхъ случаяхъ ярко сказывается чисто субъективное освѣщеніе; иной разъ даже можно подмѣтить неправильные пути къ проникновенію въ народное міровоззрѣніе (такъ для показанія того, что качество понимается въ видѣ субстанции — Потебня, между прочимъ, пользуется философскими разсужденіями древности, что не является, особенно удачнымъ для его выводовъ).

Интересно, что съ первыхъ-же страницъ своего изслѣдованія Потебня уклоняется при опредѣленіи грамматическихъ терминовъ въ область логики, противъ чего онъ такъ вооружался въ I-ой части своего труда. Развѣ даваемая здѣсь опредѣленія существительнаго, какъ грамматическаго названія вещи, установленіе, что грамматическому термину „прилагательное“ соотвѣтствуетъ категория качества или свойства вещи, названіе основнаго свойства глагола дѣйствіемъ, страданіемъ и состояніемъ — не сходны съ опредѣленіями „логической“ ніколы, также искавшей сближенія грамматическихъ терминовъ съ философскими наименованіями.

Потебня развиваетъ прежде высказанныя мысли о конкретности первоначальнаго имени, разбивая ученіе М. Мюллера объ отвлеченности первоначальныхъ корней. (Того же

касается онъ и при разборѣ книги Вольтера — Розысканія по вопросу о грамматическомъ родѣ; стр. 634—635). Отвлеченное значеніе, значеніе собирательности основываются на первоначальныхъ конкретныхъ представленіяхъ. Такимъ образомъ, напр., имена, обозначающія собирательность, первоначально употреблялись для обозначенія единичности, а затѣмъ уже начали употребляться для обозначенія множественности. Важно отмѣтить своеобразность первоначальнаго существительнаго, его качественность, поэтому близость къ нашему прилагательному, но въ то же время и субстанціальность. Потебня стремился доказать, что собственно изъ существительнаго подобнаго характера возникаетъ въ дальнѣйшемъ прилагательное, а не наоборотъ, какъ можно было-бы судить, исходя изъ основного пониманія характера первоначальныхъ корней. Поэтому Потебнѣ снова приходится останавливаться на томъ анализѣ первоначальнаго предложенія, который онъ далъ еще въ „Мысли и языкъ.“ Согласованіе прилагательнаго въ родѣ съ существительнымъ Потебня объясняетъ сохраненіемъ въ данномъ случаѣ первоначальной природы прилагательнаго, происшедшаго изъ существительнаго. Къ главѣ, гдѣ объ этомъ трактуется, я бы отнесъ и 3-ю главу приложенія — „грамматическій родъ“, въ которой Потебня является защитникомъ теоріи олицетворенія окружающаго міра.

Какъ я уже сказалъ, Потебня стремится вскрыть прежнее употребленіе имени существительнаго. Выставленный имъ богатый матеріалъ даетъ полное право говорить и объ атрибутивности и извѣстной предикативности именъ существительныхъ, объ усиленіи этихъ свойствъ по мѣрѣ углубленія въ древность. Продѣланный анализъ приводитъ Потебню къ гипотезѣ, нѣсколько отличающейся отъ той, которая выставлена въ I ч. „Изъ Записокъ“ . . . (87 стр.). Дѣло идетъ о первобытномъ имени. Если раньше Потебня смотрѣлъ на него, какъ на причастіе-существительное, то теперь первобытное имя понимается какъ

имя дѣйствующаго лица, *nomen agentis* (102). Выставлена такимъ образомъ новая гипотеза (самъ Потебня, впрочемъ, выразился, что онъ „дополняетъ“ — 102 — ранѣе высказанное мнѣніе). Гипотеза эта имѣетъ подъ собою нѣкоторую почву, но все же отъ приведеннаго и анализированнаго матеріала къ ней нужно дѣлать скачки. Насколько изслѣдователемъ овладѣло сдѣланное имъ общеніе, показываютъ наглядно нѣкоторыя частныя объясненія. Такъ, напр., желая непременно доказать построенную градацію: *nomen agentis*, а изъ него *nomen instrumenti*, *nomen actionis*, *acti*, *iocis*, Потебня, между прочимъ, говоритъ, что „прозвища дѣтей по крику, шуму и происшедшія отсюда личныя собственныя и отечественныя имена . . . отъ *nom. ag.*, а не *actionis*“ (113). Приводятся примѣры: Крикъ Зуковъ, сынъ Тыртовъ, Зыкъ Мосіевъ, Плакса Томило и др. „Если имена, какъ *ревъ*, продолжаетъ Потебня, остались только какъ *n. action.* и если им. дѣйствія могутъ стать именами лицъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подобныя имена (*зыкъ*) съ самаго начала примыкали къ *nom. actionis*, а не къ болѣе первообразнымъ *n. ag.*“ Правда, въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ Потебня представляетъ болѣе или менѣе убѣдительные образцы того, какъ первоначальное *nomen agentis* дало начало *nomen actionis*, *nomen acti* и др. Но конечно, отъ этихъ частныхъ примѣровъ еще далеко до поставленной общей формулировки. Нельзя, въ то же время, не отмѣтить здѣсь очень удачно подмѣченной Потебнею потери нѣкоторыми словами ихъ прежняго значенія какъ *nomina agentis*. Именно въ такихъ словахъ, какъ *ходъ*, *ловъ* и пр., которыя теперь выступаютъ какъ *nomina actionis*, имѣлось значеніе именъ *agentis* и послѣднее подмѣчается на основаніи сохраненія первоначальнаго значенія въ словахъ сложныхъ: *скороходъ*, *звѣроловъ* и пр. Сложныя имена, будучи болѣе ограничены по своему примѣпенію, болѣе способны сохранять первоначальный характеръ выраженія.

Весьма вѣроятенъ начерченный путь происхожденія прилагательнаго изъ имени существительнаго. Наше предложеніе „трава зелена“ возводится къ первоначальному типу „трава зелень“. Первоначальное предложеніе строится изъ двухъ существительныхъ, при чемъ построеніе происходитъ въ видѣ сравненія. Для превращенія существительнаго „зелень“ въ прилагательное необходимо постепенное уничтоженіе этого сравненія, постепенное внѣдреніе существит. „зелень“ въ сущ. „трава“, или, какъ формулируетъ Потенія, „нужно стремленіе къ устраненію двойственности въ сужденіи“ . . . (80). Вполнѣ понятнымъ является при предположеніи о происхожденіи имени прилагательнаго изъ существительнаго (или можетъ быть, лучше : при общности ихъ происхожденія) измѣненіе прилагательнаго по родамъ; въ связи съ этимъ Потеніей отмѣчается и согласуемость именъ существительныхъ въ степени уменьшительности и (рѣже) увеличительности.

Предикативная и непосредственная атрибутивность именъ существительныхъ въ современномъ строѣ рѣчи выясняется Потеніею изъ свойствъ нѣкоторыхъ именъ существительныхъ — сохранять память о своихъ прежнихъ предикатахъ и атрибутахъ. Такимъ образомъ, выраженіе: этотъ человекъ рыба, „т. е. плаваетъ, какъ рыба, или нѣмъ, холоденъ, какъ оно понятно въ силу того, что помнятся сочетанія „рыба плаваетъ, рыба нѣма и др.“ (101). Это совершенно убѣдительное объясненіе можетъ показывать намъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со стремленіемъ къ той же экономіи выраженій, такъ какъ кратко и образно выраженное представленіе является несомнѣнно однимъ изъ актовъ этой экономіи. Съ другой стороны, здѣсь, какъ справедливо замѣчалъ Потенія, мы видимъ такимъ образомъ нарушеніе исключительной предикативности *verbi finiti*, нарушеніе ожидаемыхъ при разграниченіи частей рѣчи функций существительныхъ именъ — быть субъектомъ или объектомъ. Нельзя только согласиться со слѣдующей

формулировкой: „На дѣлѣ къ этому (т. е. чтобы быть предикативнымъ и непосредственнымъ атрибутомъ) лишь приближаются существительныя съ забытымъ признакомъ . . . , которыя однако сохраняютъ въ большей или меньшей степени атрибутивность“ Здѣсь не „приближаются“, а выступаютъ въ качествѣ данныхъ атрибутовъ.

Много приводитъ Потебня примѣровъ атрибутивности именъ существительныхъ, но изъ приводимаго матеріала не всегда можно вывести, что эта атрибутивность является непременно остаткомъ древнѣйшаго строя языка. И теперь является полная возможность образованія атрибутивного существительнаго изъ существительнаго являющагося частью предиката (дрянь люди изъ эти люди дрянь, тоже самое товаръ-заваль, надежа-государь, удача добрый молодець и пр.). Трудно, поэтому, признать неопровержимость мнѣнія Потебни, что дубъ-столъ не можетъ быть выводимо изъ дубовой столъ: ибо дубовой произведено отъ дубъ, а не наоборотъ“ (174). Послѣднее совершенно правильно, но въ то же время не мѣшаетъ признать возможность признанія сочетанія дубъ-столъ при существованіи уже прилагательнаго дубовой. Въмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, я не возражаю въ принципѣ противъ доказываемаго Потебнею положенія о болѣе древности, первоначальности соединенія въ подобномъ видѣ двухъ именъ существительныхъ.

Можно также вполне задаваться вопросомъ, не возникли ли подобныя выраженія, какъ „вечеркомъ зорю“, „холодкомъ нічю“ (175), изъ двухъ самостоятельно стоявшихъ понятій и затѣмъ сблизившихся въ одно представленіе, т. к. и здѣсь одно изъ нихъ выступаетъ въ качествѣ болѣе частнаго, другое — въ смыслѣ болѣе общаго.

Многочисленные примѣры, приведенные Потебнею въ VI главѣ, могутъ ярко иллюстрировать паратактичность древняго строя рѣчи сравнительно съ позднѣйшими периодами; въ нѣкоторыхъ случаяхъ искусно сопоставленный

материалъ можетъ показывать, какъ тотъ или иной оборотъ изъ паратактическаго дѣлается гипотактическимъ. Въ гипотактическомъ оборотѣ мысль дѣлается болѣе цѣльною, объединяется это тѣмъ, что одно изъ существительныхъ начинается какъ бы входить въ составъ другого. Это внѣдреніе происходитъ постепенно. Считая, что Потебнѣ вполне удалось представить богатый материалъ для доказательства паратактическаго строя древней рѣчи, я, въ то же время, долженъ сказать, что въ нѣкоторыхъ частныхъ объясненіяхъ Потебня врядъ ли былъ правъ. Отмѣчая главную мысль, лежащую въ основѣ VI главы, я тѣмъ самымъ какъ бы отчасти возражаю и противъ заглавія этой главы: „атрибутивность существительнаго“. Такое заглавіе далеко не оттѣняетъ сущности излагаемаго, при томъ характеръ атрибутивности сохраняется въ существительномъ и въ позднѣйшихъ гипотактическихъ оборотахъ. Для примѣра частныхъ объясненій, которыя нельзя считать вполне убѣдительными, я остановлюсь на слѣдующихъ. Изъ оборота свѣтъ-Русь Потебня выводитъ не только свѣторусскій, но и святорусскій. Последнее же слово могло возникнуть и независимо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло быть измѣнено въ свѣторусскій. Затѣмъ, такой примѣръ: усѣ лѣсочки усѣ рябина усѣ пташки усѣ кукушки (изъ Шейна); по Потебнѣ, первыя „усѣ“ плеонастичны и произошли (для размѣра) въ силу нѣ котораго рода регрессивной ассимиляціи“ (180). Такъ ли это или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ, если возьмемъ: лѣсочки, усѣ рябина . . . то увидимъ, безспорно, образецъ одного изъ древнихъ оборотовъ, при чемъ атрибутивность существительнаго здѣсь только относительная: рябина болѣе частное представленіе сравнительно съ лѣсочки (какъ и „кукушки“ по отнош. „пташки“).

Въ связи съ ярко иллюстрированной атрибутивностью былого существительнаго стоитъ у Потебни раскрытіе такъ называемаго *hendyadis*. Оборотъ *εὐ δὲ δὴ δὴ* считался явлениемъ позднѣйшимъ. Миклошичъ видѣлъ въ подобныхъ

выраженіяхъ, какъ кита и сватови замѣну киѣени сватови. Потебня доказываетъ, наоборотъ, древность этихъ оборотовъ, указывая на довольно частые случаи раздѣленія двухъ словъ соединенныхъ атрибутивно, такъ какъ атрибутивъ, выраженный субстантивно, могъ какъ субстанція отдѣляться отъ опредѣляемаго. Единство нашего выраженія замѣняется въ народномъ и особенно въ древнемъ языкѣ двойственностью въ силу особаго міросозерцанія. Двойственность субстанцій высказывается уже въ кита и сватови. Если не совсѣмъ можно согласиться съ приводимой даже параллелизаціей приведеннаго оборота съ оборотами: въ ставъ и рече, то во всякомъ случаѣ въ дальнѣйшихъ словахъ Потебни мы находимъ убѣдительное указаніе на психологическую подкладку *hendyadis* — медленность процесса мысли и въ связи съ этимъ медленность процесса выраженія. Необходимо было бы такое подчеркнуть, что въ употребленіи плеонастическихъ выраженій въ народной поэзіи не приходится искать какихъ-либо особыхъ оттѣнковъ, а необходимо видѣть требованія пѣсеннаго размѣра, при чемъ, конечно, здѣсь вполне примѣнима приведенная мысль о медленности выраженія воспріятій. Для выясненія *hendyadis* Потебня указывалъ на раздѣляемость въ такихъ случаяхъ, какъ: я и мое счастье, я и моя доля, при чемъ счастье, доля понимаются, какъ какіе-то „двойники“ человѣка.

Выясненіемъ атрибутивности именъ существительныхъ занимается Потебня въ 1-й гл. Приложенія — „формальные (синтаксическіе) признаки конкретности существительнаго“. Поясненіе слова „формальные“ указываетъ на ту точку зрѣнія, съ которой разсматриваются обороты. Правда, наряду съ этими въ данной главѣ захватываются и другіе вопросы. Отмѣчая уже извѣстное явленіе, что въ славянскихъ языкахъ преобладаетъ сравнительно съ другими родственными языками употребленіе прилагательнаго (тамъ, гдѣ въ греческ. и латин. языкахъ употребляется родительный надежъ принадлежности), Потебня даетъ новые матеріалы,

при чемъ выдвигаетъ широкое значеніе прилагательнаго въ древній періодъ, его отличія въ данномъ случаѣ отъ прилагательнаго въ современной рѣчи (для образца изъ др. ц. сл. яз.: притъчѣж ножьножъ, т. е. о ножѣ; звѣрьскоуж смърть, т. е. отъ звѣря; дѣтское лишеніе, т. е. потеря дѣтей; изъ рус. памят.: а дали намъ за дворовое поставленіе и за полевую распашку и за поженную росчистку и за изгородное поставленіе . . . 489, 491). Въ двойкой замѣнѣ (посредствомъ прилагательнаго и род. над. принадлежности) прежняго паратактическаго соединенія гипотактическимъ Потебня видитъ разницу въ томъ, что замѣна прилагательнымъ сохраняетъ большую конкретность въ обрисованіи содержащаго опредѣляемаго (494). Употребленіе прилагательныхъ тамъ, гдѣ мы ставимъ другіе обороты, способствуетъ болѣе конкретному выдѣленію существительнаго, такъ какъ представляемое отношеніе мыслится, какъ качество даннаго субъекта. Поэтому не одно и то же, если сказать: „отцовскій домъ“, или „домъ отца“. Въ первомъ случаѣ вниманіе сосредоточивается вполне на существительномъ „домъ“, которое благодаря прилагательному „отцовскій“ дѣлается изъ родового видовымъ. Въ послѣднемъ же случаѣ опредѣленіе данной субстанціи происходитъ посредствомъ другой субстанціи. Конкретность древняго языка отмѣчается Потебнею въ выраженіихъ количества. Слѣды этого отмѣчаются теперь въ образномъ выраженіи понятія много и мало посредствомъ людно, ни зги и пр., а въ древнемъ языкѣ въ передачѣ прилагательными: малые люди и пр. Въ новомъ языкѣ въ послѣднемъ случаѣ мы видимъ уже нарѣчіе. Въ переходѣ малые люди при обозначеніи количества въ мало людей, Потебня видитъ такое же поступательное движеніе языка, какъ при переходѣ вторыхъ согласуемыхъ падежей къ ихъ замѣнамъ. Подобное же поступательное движеніе отмѣчается въ случаяхъ замѣнъ: городское сидѣніе — сидѣнье въ городѣ, въ мое Иваново мѣсто — вмѣсто меня Ивана.

Стремясь выяснитъ разницу между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ, какъ грамматическими категоріями, Потенбня подробно входитъ въ разсмотрѣніе суффиксовъ. Его выводъ тотъ, что окончательная разница между существительнымъ и прилагательнымъ образовалась съ мѣстоименнымъ склоненіемъ, что до этого нельзя открыть въ суффиксахъ какихъ-либо специфическихъ обозначеній той или другой категоріи, что всматриваясь глубже мы находимъ все большее и большее сходство между именемъ существительнымъ и именемъ прилагательнымъ. Оказывается, разница кроется не во внѣшнемъ обликѣ, а въ значеніи, въ чисто внутреннихъ отношеніяхъ.

Постепенное устраненіе субстанціальности Потенбня отмѣчаетъ и на переходѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существительнаго въ предикатъ въ имя прилагательное. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, Потенбня обнаруживаетъ умѣнье проникнуть въ духъ древняго языка, въ строй древняго міросозерцанія. Отмѣчу, повидимому, частности, но частности очень характерную: прилагательныя типа „дивнѣнь, обиднѣнь“, по Потенбнѣ, обозначали не только „тотъ, кто удивляетъ“, „тотъ, кого обижаютъ“, но и „тотъ, кто удивляетъ“, „тотъ, кто обижаетъ“. При послѣднемъ значеніи послѣдователенъ былъ переходъ отъ выраженія: нѣкто есть обида къ обиденъ.

Далѣе Потенбня вноситъ совершенно новый взглядъ на метонимію, именно на ходъ ея образованія. Принятое пониманіе этого тропа, какъ производной формы, онъ отрицаетъ, и считаетъ метонимію въ ея основѣ формою первообразною. Не останавливаясь на разсмотрѣніи даннаго вопроса, не затрагивая также цѣнныхъ указаній о различеніи значеній прилагательныхъ ранѣе и теперь, а также выясненія постепеннаго хода нѣкоторыхъ измѣненій въ этихъ прилагательныхъ, я остановлюсь лишь на попыткѣ объяснить такія соединенія, какъ: домъ Маріинѣнь, матере Іоанновы; въ дому Симоновѣнь усмаря. Потенбня указываетъ здѣсь на то, что

данныя притяжательныя прилагательныя обладали большей конкретностью, чѣмъ, то находимъ у насъ; слѣдовательно, эти прилагательныя были ближе къ существительнымъ и потому облегчалась возможность соединенія съ приведенныхъ приложеніяхъ (послѣднія относились къ прилагательному, „такъ, какъ если бы на мѣстѣ ихъ стояло существительное“ 522). Трудно согласиться съ подобнымъ объясненіемъ. Если нужно было, чтобы чувствовалось существительное, то незачѣмъ было бы употребленіе прилагательнаго. Естественнѣе было бы объяснить эту непослѣдовательность изъ соединенія двухъ разныхъ оборотовъ: домъ Маріинъ и домъ Маріи, матере... Допуская взаимодѣйствіе подобныхъ оборотовъ, мы можемъ говорить, что указанная непослѣдовательность могла существовать и даже иногда расширяться, потому что, говоря Маріинъ, могли при дальнѣйшемъ приложеніи держать въ сознаніи имя существительное Маріи. Зато примѣры, какъ хлѣбъ-соль, отецъ-мать и пр., наглядно выясняются Потебнею, какъ стремленіе представить нѣчто цѣлое, стремленіе обобщить. То же стремленіе къ обобщенію (съ оттѣнкомъ иногда „идеализаціи въ смыслѣ“, 533) въ такихъ примѣрахъ, какъ калина-малина, гдѣ на первый взглядъ поражаетъ какая-то логическая несообразность“, сопоставленіе несомвѣстимыхъ частныхъ“. Иногда сказывается въ подобныхъ соединеніяхъ, какъ скрипка-дудка, выраженіе неопредѣленности. Въ нѣкоторомъ отношеніи продолженіемъ разсмотрѣнной главы является 2-я глава приложенія, въ которой Потебня проводитъ мысль, что сочетаніе синонимовъ дѣлаетъ ярче высказанную мысль, что нѣкоторые современные синонимическіе обороты не были таковыми раньше.

Измѣненіе взгляда Потебни въ анализѣ „бить небитаго везетъ“, характерно въ томъ отношеніи, что новый взглядъ соотвѣтствовалъ тому общему воззрѣнію, которое проводилъ въ III ч. Потебня. То же самое сказывается и въ признаніи Потебнею ошибочности его прежняго сомнѣнія въ томъ,

что „черное“ въ подобномъ выраженіи: „шея у гоголя между плечъ черная, а подлѣ чернаго по обѣ стороны свѣтлосѣрая“ употреблено въ смыслѣ существительнаго (60). Оказывается, что „черное“ употреблено въ смыслѣ „названія конкретной вещи, точнѣе неопредѣляемой“. Безспорно, Потебня иногда впадаетъ въ ту же ошибку, о которой онъ самъ говоритъ — *ὄστερον-πρότερον*. Такъ, въ примѣрѣ: „еарядила Оксану въ свое жіноче“, конечно, нѣтъ нужды подразумѣвать теперь опущеніе „платья“, „вбрання“, но изъ этого не слѣдуетъ, что жіноче не имѣло ранѣе при себѣ опредѣляемыхъ (именно, можетъ быть, не одно опредѣляемое). Если „жіноче“ выступаетъ теперь въ качествѣ существительнаго, то нельзя утверждать, что слово это не вышло изъ формы прилагательной: вѣдь самъ же Потебня приводитъ прилагательныя, употребляемыя въ качествѣ существительныхъ, при чемъ трудно даже открыть ранѣе бывшія при нихъ опредѣляемыя (напр., за частую и др.).

Нужно помнить также, что въ подобныхъ случаяхъ, какъ „криво-лукаво! куда побѣжало?“ и пр., т. е. въ загадкахъ, коими пользуется Потебня, нельзя считать, что прилагательное является въ качествѣ существительнаго; нужно имѣть въ виду всегда отвѣтъ, который предполагается загадкой, слѣдовательно — въ основѣ имя существительное. Прилагательное выступаетъ часто въ качествѣ существительнаго, но путь такого новаго существительнаго, судя, конечно, по образованіямъ на нашихъ глазахъ, — возможность пропуска существительнаго и постепенная даже ненадобность въ его употребленіи. Далѣе, такія, напр. выраженія, какъ по моему, по Божьему и пр., вовсе не произведены отъ существительныхъ, производныхъ отъ притяжательныхъ и относительныхъ прилагательныхъ: мое, Божье и пр., а подобныя сокращенныя выраженія явились въ силу общаго стремленія къ экономіи выраженія, слѣдовательно здѣсь необходимо предположить пропускъ первоначально употреблявшагося слова (напр. мнѣнію и

пр. и во всякомъ случаѣ, не можетъ подразумѣваться, на-
примѣръ, значеніе, заключающееся въ понятіи „мое“).

Потебня даетъ такое построеніе постепенности образо-
ванія: рѣка Дунай, Дунай-рѣка, Дунай. Потебня
приводитъ любопытныя указанія на кн. Большого чертежа
(конц. XVI — 1627 г.), гдѣ часто употребляется слово
рѣка при чемъ въ первый разъ обозначенія какой-
либо рѣки само слово рѣка ставится препозитивно, а
при повтореніи постпозитивно (164). Я думаю, что выра-
женіе Дунай-рѣка могло образоваться не только изъ
первоначальнаго рѣка-Дунай, но изъ оборота Дунай—
рѣка, т. е. Дунай это рѣка; могло образоваться нако-
нецъ, отъ такихъ оборотовъ: отъ Дуная отъ рѣки.
Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ
другихъ, врядъ ли можно останавливаться на одномъ обо-
ротѣ, какъ на первоисточникѣ. Изъ приведенныхъ примѣ-
ровъ у Потебни мы замѣчаемъ, что повтореніе слова рѣка
послѣ того, какъ только что было уже упомянуто это на-
званіе при собственномъ имени, являлось ненужнымъ, и это
названіе могло быть употреблено какъ какое-то напоминаніе,
подпорка мысли. Та любовь къ предлогамъ въ народной
рѣчи, которая обыкновенно отмѣчается, могла быть ничѣмъ
инымъ, какъ остаткомъ древнихъ оборотовъ; изъ „на Бу-
нар на воду“ могло получиться „на Бунар воду“,
затѣмъ „Бунар-вода“, „на Дунай на рѣку“ — „на
Дунай рѣку“ и пр. Потебня отмѣчаетъ, что при равной
субстанціальности родового и видового понятій въ такихъ
соединеніяхъ, какъ городъ Ливны и др., можетъ воз-
никать такое согласованіе: городъ Ливны стоятъ на
рѣкѣ Соснѣ. Трудно думать, что это равенство полу-
чалось постепенно и самостоятельно въ подобныхъ оборо-
тахъ. Возможность же подобнаго согласованія объясняется
вліяніемъ самостоятельныхъ соединеній: Ливны стоятъ . . .

Потебня приводитъ много любопытныхъ примѣровъ
образца церковь Спасъ; церковь Святая Софія,

церкви камена Святая Богородица и пр. Мы видимъ обороты и такого рода: Дирови могила за Святою Ориною и пр., т. е. опускается названіе церковъ. Безспорно, во всѣхъ этихъ и подобныхъ примѣрахъ мы видимъ паратактическое соединеніе, столь несвойственное нашему строю рѣчи. Мнѣ думается, что приводимый въ данномъ случаѣ матеріалъ могъ бы быть сближенъ съ примѣрами рѣка Дунай и др.: при наличности въ сознаниіи того, къ чему примѣняется названія „Святая Богородица . . .“ ненужно было упоминаніе: церковъ, монастырь. При объясненіи данныхъ оборотовъ Потебня исходилъ изъ примѣровъ древне-индус. языка, изъ котораго особенно выдвигалъ такіе примѣры, какъ: раздавлены ногами слонами (209, ср. 207). Я бы выдвинулъ при объясненіи различныхъ паратактическихъ соединеній, сразу для насъ непонятныхъ, пропускъ предлоговъ. Такъ, напр.: удари громъ вельми сильно в маковицю святаго Θεодора церковъ и зажже — необходимо, думается, подразумѣвать пропущенное въ передъ святаго церковъ. То же, напр.: ѣхати . . . къ верху рѣчкамъ Ливнамъ — пропускъ предлога къ. Въ другихъ примѣрахъ, извлеченныхъ Потебнею изъ разныхъ памятниковъ, мы и видимъ употребленіе вторыхъ предлоговъ. Въ данномъ случаѣ противоположно мнѣніе Потебни (ср. 234).

Дѣлая подобныя возраженія, я въ то же время долженъ отгнать безспорно тонко подмѣченный и въ данныхъ процессъ оборотахъ исчезновенія ранѣе бывшей паратактичности. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прежде бывшее атрибутивное существительное не переходитъ въ имя прилагательное, а инымъ путемъ нѣсколько лишается своей субстанціальности, что необходимо было для бѣльшаго выдѣленія опредѣляемаго имени существительнаго, выдѣленія, которое было результатомъ постепеннаго перехода къ гипотактичности. Въ выраженіяхъ: „Дунай-рѣка“, „Дунай-рѣки“ и пр. мы видимъ переходъ атрибутивнаго имени въ несклоняемую

часть. Немудрено, поэтому, что Потебня выдѣляетъ значеніе въ потери субстанціальности бывшаго атрибутивнаго имени мѣсто его постановки и отмѣчаетъ значеніе мѣста постановки и въ другихъ случаяхъ.

Вмѣсто образца множество злато (247) я бы поставилъ злато множество, потому что первоначально являются такіе обороты: и приспѣкъ нимъ дружина вся многое множество а конѣ и оружье многое множество , затѣмъ уже является: множество злато и серебро. Съ образцомъ множество злато (или лучше, какъ сказано, злато множество) я бы соединилъ образецъ деньги часть (250). Какъ къ первому, такъ и второму вполне могутъ быть отнесены слова Потебни: „Препозитивность имени дѣлимаго, измѣряемаго здѣсь и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (указываетъ на то), что мысль сначала останавливается на болѣе близкомъ непосредственному воспріятію, потомъ переходитъ къ его количественному отношенію: „заложиша стѣну (сразу видно, что это стѣна; но лишь дальнѣйшія соображенія показываютъ, что они заложили стѣну) свою треть“. Только въ пояснительныхъ словахъ, поставленныхъ въ скобкахъ, мнѣ думается, вкралось недоразумѣніе: дальнѣйшія соображенія должны говорить именно о количественномъ отношеніи, должны выставить обозначеніе трети.

Потебня ставитъ вопросъ, существовало ли сочетаніе *лть хлѣби*, *пятиѣ хлѣбы* соотвѣтственно образцамъ множество злато, стадо овци, и отвѣчаетъ утвердительно, объясняя отсутствіе подобныхъ формъ въ письменности тѣмъ, что въ данномъ случаѣ подобныя формы не были пропущены въ письменность благодаря ея „олигархической односторонности“ (261). Но это не объясненіе. Необходимо принять во вниманіе, что паратактическія данныя разныхъ памятниковъ лишь остатки прежняго и къ тому времени, когда сохранялись эти остатки въ однихъ

сочетаніяхъ, въ другихъ они могли исчезнуть и въ народныхъ говорахъ.

Благодаря правильно поставленному и разрѣшенному общему вопросу у Потевни получается правильное разрѣшеніе различныхъ частныхъ вопросовъ, относительно которыхъ другіе изслѣдователи давали иные отвѣты. Такъ, напр., возьмемъ обороты древн. памятниковъ: къ тому половинѣ селу . . . , въ томъ половинѣ селѣ Покровскомъ. Буслаевъ относилъ „тому“ къ „половинѣ“, при чемъ послѣднее слово, по его мнѣнію, уподоблялось въ родѣ „селу“. Съ подобнымъ объясненіемъ Потевня вполне правильно не соглашается. „Оборотъ“ къ тому половинѣ селу“, замѣчаетъ Потевня (252), предполагаетъ „къ тому селу (къ) половинѣ (его)“ и также не указываетъ на измѣненіе рода существительнаго половина, какъ оборотъ „къ той половинѣ селу“ не указываетъ на измѣненіе рода въ село. Постановка имени части иередь именемъ дѣлимаго направлена къ объединенію мысли, къ устраненію двойственности субстанціи (какъ препозитивность родительн. принадлежности „помѣщика его Ларіона Сатина по земли“), на еще далека отъ этой цѣли, которая достигается въ оборотахъ, какъ „въ томъ полу-селѣ . . . “

Отмѣчая различнаго рода паратактическія соединенія, Потевня стремится показать въ то же время ихъ основную разницу. Такъ, напр., церковь Спасъ и под., люди мужескъ полъ и под. онъ отличаетъ отъ об.: шуба сукно малиново и под. Паратактическимъ соединеніемъ вполне соотвѣтствовалъ и взглядъ на то, что соединяются отдѣльныя самостоятельныя части (хотя и неодинаковаго объема). Какъ не было связи въ выраженіи, такъ не было ея и въ міросозерцаніи. Въ то же время паратактическіе обороты отмѣчаются и въ нашей рѣчи. Возьмемъ хотя бы такой примѣръ, который приводится Потевнею (254): деньги пять рублей. Правда, подобная фраза употребляется

теперь лишь въ томъ случаѣ, если объемъ понятій одипаковъ. Изъ отсутствія твердой связи въ выраженіи вытекала и отмѣченная уже непослѣдовательность. Въ этой непослѣдовательности причина тѣхъ несогласованій приложенія въ падежѣ съ опредѣляемымъ, о чемъ говоритъ Потебня въ VII главѣ. Потебня выдвигаетъ здѣсь, какъ причину несогласованія, вліяніе одного оборота на другой. Такъ, напр., оборотъ : Іюдкою зовутъ Григорьевъ необходимо объясняютъ вліяніемъ оборота, въ которомъ слова Іюдка и Григорьевъ выступаютъ въ именительномъ падежѣ. Вотъ впрочемъ, какъ говоритъ по этому поводу Потебня. „Первоначальное возникновеніе этого несогласованія можно представить себѣ какъ сдѣлку между двумя актами мысли : мыслью „заднею“ предыдущею, съ согласованіемъ въ именительномъ : „Михайло Казарянинъ“, и мыслью послѣдующею, которая преобразуетъ опредѣляемое, согласно съ новыми своими требованіями, но не въ силахъ подчинить тому же плану опредѣлительное : „зовутъ меня Михайлою Казарянинъ“ (Изъ зап. ²101). Затѣмъ эти послѣдніе обороты могутъ строиться по готовому образцу.“ (263).

Если мышленіе не привыкло еще къ сосредоточенности, сжатости, то неудивительно, что отдѣльныя части получаютъ значеніе чуть не самостоятельныхъ предложеній. Легка поэтому возможность перехода приложеній въ предложенія. И вотъ въ IX главѣ, оспаривая неправильные взгляды Буслаева и Попова, Потебня совершенно ясно устанавливаетъ возможность подобныхъ переходовъ. Въ оборотѣ „на иву, вверху суковата“, гдѣ — непослѣдовательное паратактическое соединеніе, приложеніе постепенно начинаетъ пріобрѣтать самостоятельность, эта самостоятельность усиливается съ прибавленіемъ, напр., она : на иву, она вверху суковата. Эти, однако, прибавленія являются уже какъ слѣдствіе пріобрѣтенной самостоятельности, слѣдствіе того, какъ выражался Потебня, что „вверху суковата“ чувствовалось какъ выраженіе глагольное. „Нѣкоторые изъ приведенныхъ

примѣровъ, замѣчаетъ Потебня, показываютъ, что оба пониманія разсматриваемаго оборота могутъ совмѣщаться въ одномъ говорящемъ. Тотъ, кто сказалъ „шубу кумачь турской“ (безглагольно), могъ и продолжать въ томъ же родѣ: „пугвицы серебряны“; но удалившись отъ опредѣляемаго, онъ превратилъ приложеніе въ предложеніе: „на ней п. серебр.“ Невѣрно мнѣніе Попова, будто такія прибавки („на ней“) рѣдки, и что онѣ рѣдки потому, что ими „еще болѣе нарушается стройность рѣчи“. . . . Стройность есть и въ паратактичности. При томъ, разъ приложеніе почувствовано, какъ предложеніе, никакая новая нестройность (если нестройность была и прежде) не будетъ внесена въ него болѣе явственнымъ выраженіемъ его отношенія къ опредѣляемому“ (321). Приводимымъ матеріаломъ Потебня вполне удачно опровергаетъ слиткомъ поспѣшно высказанную мысль Ѡ. Е. Коршемъ (Способы относительнаго подчин., 47 и слѣд.) о несвойственности славянскимъ языкомъ придаточныхъ предложеній безъ относительнаго мѣстоименія или союза, Мы видимъ также, что чѣмъ дальше вглубь, тѣмъ болѣе усиливается самостоятельность придаточныхъ предложеній. Въ связи съ этой самостоятельностью стоитъ выдвигаемый Потебнею въ X гл. болѣе естественный порядокъ придаточныхъ предложеній — ихъ препозитивная постановка.

Мнѣ кажется, что Потебнѣ удалось ярко нарисовать картину постепеннаго образованія и развитія придаточныхъ предложеній. Мы видимъ, что въ образованіи этихъ послѣднихъ имѣло значеніе то же общее начало, которое отмѣчено и въ другихъ случаяхъ — постепенный переходъ отъ паратактическаго построенія рѣчи въ рѣчь гипотактическую. Несомнѣнна та большая свобода, отмѣчаемая Потебнею, которою пользовались первоначальныя придаточныя предложенія, это выходило изъ того же паратактическаго соединенія.

Нельзя не согласиться съ Потебнею также относительно

объясненія такихъ оборотовъ, какъ „туръ золотые рога“ : Потепня въ противоположность Буслаеву не видѣлъ здѣсь сокращенія изъ: „туръ, у котораго золотые рога“, а наоборотъ, это послѣднее выраженіе выводилъ изъ предыдущаго, говоря и здѣсь о постепенномъ образованіи придаточнаго предложенія изъ приложенія благодаря внесенію глагольности.

Подъ предикативностью существительнаго Потепня подразумѣвалъ, какъ оказывается, не то, что существительное можетъ быть сказуемымъ, „а то, что въ старинномъ языкѣ (и въ новомъ какъ архаизмъ) существительное съ глаголомъ общаго значенія (быть, стать, жить и нѣкот. др.) стоитъ тамъ, гдѣ въ новомъ языкѣ одно глагольное сказуемое“ (351). Въ дальнѣйшемъ, дѣйствительно, Потепня приводитъ довольно много примѣровъ, изъ которыхъ видно, что часто тамъ, гдѣ теперь мы видимъ простой глаголь, ранѣе стояло существительное съ глаголомъ. Но вѣдь здѣсь оно постепенно стало болѣе „предикативнымъ“ : необходимо вѣдь обратить и на то вниманіе, что глаголы общаго значенія не были таковыми ранѣе, а въ старинномъ языкѣ подобные обороты являются остаткомъ древности. Необходимо обратить вниманіе и на то, что въ образцѣ: сюда я больше не ѣздокъ — ѣздокъ имѣетъ соотвѣтствующіе глаголы (какъ и въ другихъ случаяхъ, при чемъ приводимыя имена существительныя и по образ. своему не могутъ быть признаны первообразнѣе соотвѣтствующихъ глаголовъ, напр., оберегатель, досадитель и др.). Затѣмъ въ такихъ случаяхъ, какъ: жалоба моя (т. е. есть) = я жалуюсь, гдѣ исчезаетъ какъ бы само сказуемое въ силу общности своего значенія, то это опять результатъ позднѣйшихъ періодовъ языка. Въ указанномъ образцѣ: „не ѣздокъ.“ . . . необходимо при сложеніи данныхъ стариннаго и новаго языка, можетъ быть, больше, чѣмъ сдѣлано то Потепней, войти въ выясненіе черты сохранившейся особенно въ современной рѣчи при выраженіи сказуемаго посредствомъ имени съ глаголомъ — обозначенія чего-то бо-

лѣе постояннаго. Если эта черта является особенно характерной для современныхъ оборотовъ, если она характеризуетъ собою и многіе обороты стариннаго языка, то вѣдь съ этой чертой вносится нѣчто противоположное основному свойству глагола, а свойственное имени.

Соотвѣтственно проводимой общей точкѣ зрѣнія о предикативности существительнаго Потевня объясняетъ подобные обороты, какъ: Псковское взятіе, какъ взятъ и (т. е. Псковъ) князь Великій Василій Ивановичъ такимъ образомъ: сначала вполне удовлетворяло одно выраженіе „Псковское взятіе“, такъ какъ чувствовалась предикативность существительнаго, затѣмъ эта предикативность мало по малу исчезаетъ и вотъ для восполненія этой исчезающей предикативности появляется слѣдующее глагольное выраженіе. Такимъ образомъ думалъ Потевня устранить тавтологичность подобныхъ оборотовъ. На самомъ дѣлѣ, то объясненіе, которое давали раньше, что здѣсь заключается поясненіе мысли, мнѣ кажется вѣрнѣе. И при послѣднемъ объясненіи здѣсь нѣтъ тавтологіи въ настоящемъ смыслѣ этого слова, а необходимое ограниченіе. Такіе обороты можно уподобить нашимъ заголовкамъ съ подзаголовками. Послѣднее сравненіе можно примѣнить и къ другимъ примѣрамъ, приводимымъ Потевнею, относительно которыхъ уже никоимъ образомъ нельзя говорить о потерѣ прежней предикативности поясняемыхъ существительныхъ. Вотъ, напр.: а помнилъ бы еси, отче свой обѣтъ, какъ ся еси обѣщалъ по своемъ постановленьѣ; уложилъ Князь В. Иванъ Васильевичъ . . . о судѣ, како судити бояромъ и окольничимъ. . . . Насколько трудно было Потевнѣ примѣнить проводимую точку зрѣнія, указываютъ особенно такіе примѣры: о дружкѣ, како ходитъ царя спрашивать о здоровьѣ (397, изъ Котошихинъ). Здѣсь Потевнѣ являлась уже необходимость предполагать вставку „о хожденъѣ“, такимъ образомъ строить фразу такъ: о дружкѣ о хождепѣ. . . .

Если Потебнѣ удалось собрать большой матеріалъ примѣровъ, въ которыхъ мы видимъ, что сила мысли сосредоточивается на имени, то это не значить, что на имени сосредоточена предикативность. Нѣтъ доказательства послѣдняго и въ томъ, если вмѣсто прежнихъ примѣровъ съ сосредоточеніемъ мысли на имени у насъ выступаютъ примѣры съ сосредоточеніемъ мысли на глаголѣ. Необходимо, какъ я уже сказалъ, обратить вниманіе на то, что ранѣе мышленіе было болѣе субстанціально. Если мы согласимся съ Потебнею, что не только качество, но и дѣйствіе мыслились субстанціально, то все же при соединеніи двухъ именъ требовалось еще что-то для обозначенія предикативности. Если мы возьмемъ примѣры, приводимые Потебнею не только изъ русскихъ памятниковъ, но изъ санскрита, изъ языка латышскаго, то во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ присутствуетъ или подразумевается тотъ глаголъ „общаго“ значенія, который является необходимымъ для построенія предложенія. Какъ я отмѣтилъ, правъ былъ Потебня, что въ древнемъ языкѣ не было присвоено составному сказуемому съ *nom. agentis* непремѣнно выраженія постоянного качества (хотя это часто бывало и въ древнемъ языкѣ), тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ примѣрахъ, приводимыхъ изъ древнихъ памятниковъ, иногда съ увѣренностью нельзя опредѣлить, не выражается ли въ нихъ болѣе постоянное дѣйствіе, чѣмъ то кажется на первый взглядъ. Затѣмъ, возьмемъ такой примѣръ: чтобъ государи его пожаловали, то его подмосковное помѣстье велѣли ему продать въ вотчину . . . а впредь де онъ о подмосковномъ помѣсѣ не челобитчикъ. Послѣднее выраженіе Потебня замѣняетъ: не будетъ просить. Между тѣмъ здѣсь необходимо считаться съ характеромъ приказнаго стиля, и теперь руководствуясь канцелярскими рамками можно было бы употребить: „не проситель“. Другой примѣръ: тотъ король Додонъ будетъ нашему граду здержатель и отъ всѣхъ странъ оберегатель (тамъ же стр. 359). Здѣсь и въ настоящее время можно подставить: „защитникъ“.

V.

XII глава „Изъ заисокъ“ . . . представляетъ собою цѣнное изслѣдованіе вопроса о безсубъектныхъ предложеніяхъ. Я останавливаюсь на этой главѣ спеціально, желая указать такимъ образомъ, что изслѣдованіе Потебни въ данномъ случаѣ можетъ быть признано одной изъ лучшихъ работъ.

Основная точка зрѣнія Потебни видна уже изъ заглавія XII главы —“ устраненіе подлежащаго.“ Потебня, исходя изъ основъ міросозерцанія, говоритъ о необходимости предположенія первоначальности субъектныхъ оборотовъ, изъ которыхъ постепенно образовались обороты безсубъектные. Въ послѣднихъ онъ видѣлъ эволюцію мысли, признаки новой стадіи развитія мысли. Какъ я уже ранѣе сказалъ, Потебня стремился показать въ исторіи языка постепенную потерю субстанціальности, а безсубъектность оборотовъ является въ данномъ случаѣ уже извѣстнымъ завершеніемъ. При разборѣ отдѣльныхъ образцовъ, подводя къ нимъ богатый матеріалъ, выбранный преимущественно изъ русскихъ памятниковъ, Потебня стремился показать, какъ эти образцы безсубъектныхъ оборотовъ возникли изъ оборотовъ субъектныхъ. Правда, нельзя сказать, чтобы Потебнѣ удалось для всѣхъ образцовъ возстановить субъектные обороты, а также, что всѣ возстановляемые обороты были бы убѣдительны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это стремленіе Потебни вполне увѣнчалось успѣхомъ. Потебнѣ приходилось прибѣгать къ построенію гипотетическихъ звеньевъ въ переходѣ одного оборота къ другому гипотетически строить обороты первоначальные. Въ послѣднемъ случаѣ иногда и была полная необѣдительность, чисто субъективное освѣщеніе. Иное дѣло, если бы здѣсь Потебнѣ удалось дать какое-либо фактическое подкрѣпленіе изъ памятниковъ, но это оказывалось невозможнымъ. Но все это не разрушаетъ того общаго освѣщенія исторіи развитія данныхъ оборотовъ, которое находимъ у Потебни. Все это не

мѣшаетъ также сказать, что интересъ XII главы заключается въ анализѣ отдѣльных безсубъектных оборотовъ.

Если мы согласимся съ тѣмъ, что въ начальные періоды образованія и развитія языка господствовало субстанціальное мышленіе, если мы примемъ во вниманіе вообще міровоззрѣніе древняго человѣка, видѣвшаго въ явленіяхъ природы проявленіе добрыхъ и злыхъ духовъ, то намъ станетъ понятною точка зрѣнія, отрицающая возможность появленія безсубъектныхъ предложений въ эти древнѣйшія стадіи исторіи языка. Если субстанціальность начала мало-по-малу въ нѣкоторыхъ оборотахъ стираться, явилась возможность развитія другихъ грамматическихъ категорій. Что могло вліять на забвеніе субъекта въ предложеніи? На это мы находимъ вполне удовлетворительные отвѣты у Потебни. Иногда при обозначеніи грозныхъ явленій природы человѣкъ прямо-таки боялся назвать демоническое существо, иногда причина того или другого явленія оставались неизвѣстною. Затѣмъ, въ періодъ болѣе трезваго мышленія прежній миѳическій дѣятель не могъ уже считаться за таковой, оставалось отъ этого дѣятеля только названіе, безъ прежняго содержанія, и получалась такимъ образомъ опять возможность перехода къ оборотамъ безсубъектнымъ. Здѣсь же нельзя не отмѣтить выдвинутыхъ Потебнею сравненій особенно отрицательныхъ, которыя, безспорно, ведутъ къ неопредѣленности субъекта (ср. 411—13 и сл.).

Иногда, какъ справедливо замѣчаетъ Потебня (417), контекстъ даетъ возможность возстановить подлежащее на первый взглядъ безсубъектнаго предложенія. „А тѣхъ человѣкъ 7, которыхъ молнія опалила, 4 человѣка отволочили, а три человѣка таки до смерти заразило“ (изъ Пск. Л. I, 235). Подобные примѣры важны и въ томъ отношеніи, что они являются предшественниками оборотовъ: туча ровъ учинило. Послѣдній образецъ Потебня разбираетъ нѣсколько дальше (441 и сл.) и считаетъ его переходнымъ типомъ отъ оборотовъ субъектныхъ къ безсубъектнымъ. Здѣсь, мнѣ

кажется еще большой вопросъ, образовались ли подобные обороты, какъ переходныя ступени къ оборотамъ безсубъектнымъ. Мнѣ, напр., кажется, что подобные обороты образовались подѣ вліяніемъ уже существовавшихъ оборотовъ безсубъектныхъ. Въ данномъ случаѣ, мнѣ кажется, была сдѣлка между оборотами: туча учинила . . . несла — тучей учинило . . . снесло. Въ такихъ примѣрахъ, какъ: тогда побил морозомъ рожь . . . и съ того году стало гладь — первоначальная постановка сказуемаго, отдѣленнаго рядомъ словъ отъ подлежащаго, опять-таки могла способствовать проникновенію уже существовавшихъ безсубъектныхъ оборотовъ, могла способствовать вообще постановкѣ средняго рода. Иногда постановка подобной формы вызывается дальнѣйшимъ перечисленіемъ: мѣсяца ноября . . . горѣло . . . мостъ да опечекъ. Да той же зимы згорѣло трапеза . . . Въ послѣднемъ предложеніи „згорѣло“, очевидно, подѣ вліяніемъ предыдущаго „горѣло“. Въ примѣрѣ: да съ нимъ пошло осталой его товаръ: 17 фунтовъ шелку да 10 аршинъ выбойки (442, изъ Ак. до Ю. Б. II, 330, 1684 г.) мы видимъ согласованіе не съ товаръ, а, очевидно, съ послѣдующимъ перечисленіемъ. Вообще въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ показываетъ собранный Потебнею матеріалъ, мы наглядно видимъ переходъ субъектныхъ оборотовъ въ безсубъектные. Другой вопросъ, какъ это происходило. Для разрѣшенія этого вопроса не все сдѣлано Потебнею, какъ не сдѣлано и другими изслѣдователями. Иногда въ такихъ переходахъ нельзя отыскивать внутреннихъ причинъ. Напримѣръ, въ приведенномъ у Потебни (изъ Каликъ Перех. I, 310):

не чудо тамъ сочудилося

а се проява проявилоса . . .

нельзя не видѣть только вліянія стиха.

Безспорно, нагляднымъ примѣромъ перехода оборотовъ субъектныхъ въ безсубъектные являются случаи, когда мы можемъ констатировать переходъ бывшихъ подлежащихъ въ особыя нарѣчныя выраженія. Одинъ и тотъ же примѣръ

иногда можетъ быть оставленъ въ субъектномъ или безсубъектномъ выраженіи. Особенно наглядно это сказывается въ оборотахъ, къ которымъ можно примѣнить вопросъ; „сколько“. Такъ, напр.: пришли три человѣка и пришло три человѣка. Потенія отмѣчаетъ, что подлежащее благодаря внесенію значенія количественности теряетъ постепенно свою субстанціальность.

Нельзя не признать того критическаго замѣчанія, которое находимъ у Потенія, относительно мнѣнія Миклошича объ оборотахъ типа „пять шло“. Потенія считаетъ оборотъ „пять ихъ шло“ безсубъектнымъ, при чемъ бывшее подлежащее пять уже не принимается „за субстанцію производящую дѣйствіе“ (452). Распространенію здѣсь безсубъектности могло содѣйствовать отсутствіе согласованія съ числительными: „пять ихъ...“ „два сизыхъ голубя...“ пр.

Потенія предполагалъ, что первоначальными оборотами являются: громъ гремитъ (для гремитъ), стукъ стучитъ (для стучитъ) и пр. Онъ возражаетъ противъ необходимости подразумѣвать въ оборотѣ „гремитъ“ и под. первоначально стоявшее будто бы имя божества (признавая впрочемъ, для нѣкоторыхъ оборотовъ возможность послѣдняго). Съ этимъ можно согласиться, зато ни въ коемъ случаѣ нельзя признать естественности подобныхъ построеній: чудится изъ чудо чудитъ чудо и пр. под. (422). Кромѣ того необходимо добавить, что не изъ всякаго приводимаго субъектнаго оборота могъ возникнуть сходный оборотъ безсубъектный. Такимъ образомъ подборъ къ безсубъектнымъ оборотамъ сходныхъ субъектныхъ еще, конечно, ничего не говоритъ. Изъ того, что въ сербскомъ: санакъ иде узъ улицу нельзя сказать, что въ основѣ „снится“ лежитъ опущенное слово „сонъ“, при чемъ строится подобная первоначальная фраза: сонъ снитъ сонъ.

Если предполагаемое выраженіе: „сонъ снитъ сонъ“ можетъ поражать на первый взглядъ своей искусственностью, можетъ показаться даже какой-то совершенно ненужной,

выдумкою, то этотъ же примѣръ получить совсѣмъ иное освѣщеніе, если мы поставимъ его въ связь со всей развитой теоріей Потембу.

Эволюція языка идетъ отъ постепенной потери субстанціальности къ возрастанію предикативности. Если изъ первоначальнаго: „язва язвила“ черезъ посредствующее выраженіе „язва язвило“ вырабатывается „язвило“, то послѣдовательно предположить пропускъ и въ предполагаемомъ оборотѣ „сонъ снилъ“ подлежащаго „сонъ.“ Вопросъ представляется, какъ же объяснить форму „снилось“ именно ея возвратность? Эта форма также находитъ себѣ объясненіе въ ослабленіи субстанціальности, но только въ дополненіи, въ объектѣ. Если мы не можемъ согласиться въ примѣненіи всего этого при объясненіи разбираемаго выраженія, то должны отгнать слѣдующее. Предположеніе о первоначальной постановкѣ въ приведенномъ случаѣ „сонъ“ въ качествѣ дополненія связывается у Потембу съ мыслью о первоначальности подобныхъ построеній: „думать думу“, „скокъ скочить“ и пр., связывается вообще съ теоріей о большей древности построеній фразъ: имѣть разговоръ вм. разговаривать, поѣздку чинить и пр. Такимъ образомъ проводится мысль, что такъ называемый „внутренній объектъ“ является остаткомъ ранѣе вполне обычныхъ оборотовъ, а не является какимъ-то усиленіемъ выраженія, выработаннымъ сравнительно новымъ временемъ. Если это такъ, то дѣлается вполне понятнымъ, почему нѣкоторые наши такъ называемые непереходные глаголы соединяются съ винительнымъ падежомъ.

Говоря о постепенномъ исчезновеніи объекта въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ другихъ объ ослабленіи его значенія, Потембу такимъ образомъ проводитъ ту же мысль о постепенномъ ослабленіи субстанціальности и усиленіи сказуемости.

Стремленіе уравнивать оборотъ „говорится“ — *man spricht* со страдательными оборотами: *непройдено*, *бито*, *пито* и пр. по отсутствію отгнѣнка, сказывающагося въ *man*, не-

вполнѣ удается Потевнѣ (ср. примѣры, приводимые имъ на стр. 438, гдѣ безличность оборота — по формѣ — совмѣщается съ указаніемъ дѣятеля: у дороднаго молодца много было на службѣ послужено и пр.).

Весьма возможенъ переходъ сообразно приведеннымъ примѣрамъ „видно городъ“ изъ „виденъ городъ,“ при чемъ именительный падежъ чувствуется какъ падежъ винительный.

Устанавливая три стадіи развитія безсубъектныхъ оборотовъ типа: „язвило“ — язва явила, язва явило, явило, Потевня замѣчаетъ, что обороты типа „пора было“ прошли двѣ первыхъ изъ этихъ стадій, такъ какъ существительное не могло быть здѣсь опущено въ виду того, что глаголь „быть“ не могъ передать значенія опущеннаго, какъ то было съ оборотомъ „язвило“.

Попутно затрагиваетъ Потевни такіе примѣры, какъ полск. — *wstyd mię było*, при чемъ рядомъ параллелей указываетъ на возникновеніе здѣсь винительнаго падежа по аналогіи (465—7). На примѣры, какъ „нужно“, „дивно“ и под., Потевня смотрѣлъ, какъ на первоначальные субъектные, при чемъ „нужно“, „дивно“ первоначально были подлежащими; эти слова, ранѣе бывшія существительными, затѣмъ уже переходятъ въ нарѣчныя слова (467 и сл.). Область безсубъектныхъ предложеній Потевня расширяетъ сравнительно съ господствовавшими воззрѣніями. Онъ не считаетъ возможнымъ дѣлать, какъ, напр., дѣлалъ Миклошичъ и нѣк. др., предложенія съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ на субъектныя и безсубъектныя. Также не считалъ онъ возможнымъ признавать подлежащими цѣлыя придаточныя предложенія (475). На безсубъектныхъ отрицательныхъ предложеніяхъ Потевня останавливается вскользь (480 — 4), при чемъ объясняетъ (какъ и ранѣе — во II, 254) замѣну именительнаго падежа утвердительныхъ субъектныхъ выраженій родительнымъ падежомъ удаленія и лишненія.

*

*

*

Въ своемъ разборѣ III ч. „Изъ записокъ...“ я останавливался на всѣхъ затронутыхъ Потемней вопросахъ, имѣющихъ большее или меньшее отношеніе къ поставленной мною задачѣ (3-я глава приложенія — „о грамматическомъ родѣ“ оставлена безъ разсмотренія). Я выдѣляю только разсмотрѣніе XII гл., трактующей о безсубъектныхъ предложеніяхъ. Здѣсь замѣчу только, что эта глава является какъ бы заключительнымъ аккордомъ изслѣдованія Потемни: въ безсубъектныхъ предложеніяхъ мы видимъ особенное проявленіе глагольности, т. е. какъ бы завершается та эволюція языка, которая шла постепенно отъ именного строя къ строю глагольному.

Какъ я уже сказалъ, I—II „Изъ записокъ по грамматикѣ“ я ставлю выше III „Изъ зап. по р. гр.“. И если я подробнѣе останавливаюсь на III ч., то это объясняется тѣмъ, что эта часть не подвергалась у насъ еще разбору, между тѣмъ, какъ значеніе I—II въ общемъ и въ нѣкоторыхъ частностяхъ является вполне уже оцѣненнымъ.

Въ своемъ разсмотрѣніи я выдвигалъ почти исключительно примѣры изъ русскаго языка. Происходило это оттого, что примѣры изъ русскаго языка брались Потемнею за образцы, къ этимъ же образцамъ приводился сравнительный матеріалъ изъ другихъ славянскихъ языковъ (а также изъ литовскаго, латышскаго и нѣк. др.). Правда, въ III ч. сравнительно со II ч. „Изъ зап.“ Потемня менѣе обращается къ сравнительному матеріалу, тѣмъ не менѣе значеніе III ч. чрезвычайно важно въ исторіи изученія синтаксиса славянскихъ языковъ, такъ какъ параллельно многимъ образцамъ изъ русскаго языка имѣются данныя изъ другихъ славянскихъ языковъ.

III ч. „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ подаетъ читателя огромностью приводимаго матеріала. Груды

матеріала могутъ заставитьъ не замѣтить той картины, которая за этимъ матеріаломъ скрывается, не замѣтить тѣхъ окончательныхъ цѣльныхъ выводовъ, къ которымъ приходитъ изслѣдователь. Остается пожалѣть, что самимъ Потбнею не сдѣланы окончательные итоги всего его изслѣдованія.

Примѣчанія.

Къ стр. 25. Мысль о томъ, что существуютъ предложенія безъ глаголовъ, предложенія безъ предикатовъ, доказывалъ въ послѣднее время Вундтъ. Такимъ образомъ и здѣсь несогласіе съ основной точкой зрѣнія Потебни, отождествлявшаго предикативность съ понятіемъ предложенія. Въ нашемъ сознаніи, дѣйствительно, предикативность и глагольность сливаются въ силу того, что почти исключительно у насъ предикатомъ выступаетъ глаголь. Въ силу этого мы и стремимся во всѣхъ случаяхъ отсутствія глагола найти хотя „оглагольваніе“. Иногда, какъ справедливо замѣчалъ Дельбрюкъ (*Grundfragen der Sprachforschung*, 149), такой предидирующей силой обладаетъ удареніе. Подобныя предложенія, въ которыхъ нѣтъ глагола, особенно трудно поддаются анализу относительно функций сказуемаго, и если, какъ справедливо замѣчалъ Зѣньковскій (*Кіевск. Ун. Изв.*, 1908 г., сент., 23), грамматика не имѣетъ средствъ рѣшить вопросъ, предикативны они или нѣтъ, то вопросъ этотъ разрѣшается психологіей, а не логикой.

Къ стр. 69. Значеніе XII гл. уже отмѣчено проф. Овсяннико-Куликовскимъ въ его статьѣ „Изъ синтактическихъ наблюденій“. Здѣсь авторъ проводитъ параллель между изслѣдованіемъ Миклошича *Subjectlose Sätze* и названной главою. Работу Миклошича О. К. называетъ образцовой въ смыслѣ собранія матеріала и систематики этого матеріала. Этой систематичной стройности нѣтъ у Потебни, зато здѣсь „глубокое проникновеніе въ психологію языка“. Я бы не сказалъ только, что трудъ Миклошича является въ видѣ какого-то „инвентаря безсубъектности въ индо-европейскихъ языкахъ, преимущественно славянскихъ“. У Миклошича нѣтъ дѣйствительно такого анализа отдѣльныхъ оборотовъ, самый методъ работы иной, чѣмъ у Потебни. У Миклошича мы находили стремленіе проникнуть въ историческія судьбы языка, только пользуясь для этого какъ бы грудами матеріала.

Къ стр. 71. Я позволю себѣ привести нѣсколько примѣровъ показывающихъ наглядно вліяніе аналогіи въ образованіи безсубъектныхъ предложеній (примѣры взяты изъ собранія арханг. былинъ Григорьева — М. 1904 г.) и вообще путь образованія нѣкоторыхъ безсубъектныхъ оборотовъ.

И было на томъ пирѣ гости собрано (197)

— здѣсь сближеніе съ безсубъектными оборотами, показывающее, насколько сильны были послѣдніе по своему вліянію. Ср. слѣд.:

А и шо тибѣ тако надобно . . .

Ишта надобно ле двory мои . . . (385)

А и не надобно мнѣ двory твои (385).

Перенесеніе „надобно“ въ послѣднее предложеніе безъ измѣненія формы можетъ ясно показывать, чѣмъ объясняется полученіе безъ согласованія соединеніе.

Еще ли всё здраво въ нашемъ городѣ
 Въ нашемъ городѣ да князья да бояра?
 Еще ли здраво всё гости да торговые
 На моёмъ двори да моя молода матушка (28).

Здѣсь интересно отмѣтить постановку „здраво“, правильно согласуемаго въ первомъ предложеніи съ всё, во второмъ предложеніи, куда оно проникаетъ именно благодаря значенію перваго оборота и, въ сущности, разрушаетъ всякую грамматическую послѣдовательность; возможность подобнаго проникновенія обуславливается, конечно, и тѣмъ, что въ первомъ предложеніи существуютъ, кромѣ общаго подлежащаго, еще подлежащія частныя. Нѣсколько иной уже характеръ въ:

А сдраво ли живётъ да молода жона
 Здорово живётъ да здоровешеньку (30) . . .
 Эти рѣци Митрею въ слухъ пришли
 Васильевицу да за бѣду пали (62) . . .
 Митрію кнезю въ слухъ пришло,
 Васильевицу за бѣду стало (49) . . .

при чемъ въ послѣднемъ случаѣ подразумевается цѣлая рѣчь, слова, сказанныя объ этомъ князѣ (эта рѣчь выражена нѣсколькими предложеніями). Такимъ образомъ послѣдній примѣръ ярко можетъ показывать начало безсубъектнаго оборота.

Деять сынковъ да въ разбой пошли . . .

Туть наѣхало деветь разбойниковъ . . .

Моёго то мужа онѣ пограбили,

Моёго то сына да въ воду спустили (109, 110)

Интересно соединеніе „наѣхало-пограбили“, „спустили“. Мнѣ думается, что подобные примѣры могутъ раскрывать предъ нами причину соединенія „наѣхало“ съ „деветь“. То же въ такихъ примѣрахъ:

Налитало два голуба . . .

Они стали (28)

— именно обозначается извѣстная коллективность, благодаря этому обуславливается и чисто самостоятельное употребленіе: наѣхало, налетѣло и др.

Що же у насъ тамъ удѣялосе-учинилосе?

Тамъ запыркало залягой, тамъ за дѣтковой за пожней,
 за сосновымъ неволокомъ;

Тамъ пищить-верещить; тамъ не кошка ли курнѣ?

Не собака ли ревѣ? вѣрно, скотину дерѣ (572) —

Здѣсь мы видимъ безсубъектные обороты при чемъ подлежащаго нѣтъ, но оно какъ то носится въ сознаниі, благодаря сосѣднимъ оборотамъ съ подлежащимъ.

Не во сняхъ-то это тебѣ-то видѣлось . . .

Мнѣ ночесъ спалосъ да во сняхъ видѣлось:

Що два заяца собѣгалоса (602).

Отъ перваго оборота переходя ко второму, мы видимъ, какъ постепенно могло образовываться безсубъектное предложеніе: сначала подлежащее „это“, потомъ новое предложеніе, затѣмъ уже являлась возможность и употребленія безъ „это“. Или подобное же:

Не во сняхъ тебе царю привиделось
 На яву тебе все показалось (610)
 Колько жыто быто, столько плакано
 Все Василья князя домой дожиданось. (364).
 Да какъ мѣсто гласъ (з) было врѣзано
 Да по дорогу по самоцвѣтному по камешку,
 Да какъ мѣста ковровъ было положеное
 Да по черному сибирскому по соболу
 Да какъ мѣсто ушей было повѣшеноё
 Да по дорогой лисици по заморскіе. (116)
 Приупито было, приуѣдено
 Въ красни, въ хорошѣ да приухожено
 На бѣлой груди да приулежано. (75)
 Въ пяхахъ тамъ шито всё по Божьему
 Ай не столько шито, вдвоё плакано
 Все князюшка домой дожидано. (59)

Считая 1-е и 4-е изъ приведенныхъ мѣсть болѣе древними по образованію, я думаю, что изъ нихъ можно объяснить обороты безъ подлежащаго.

Щобы солнышко на ё не оппѣкло

Щобы буйнымъ вѣтромъ не оввѣяло. (76)

Здѣсь можно задаваться вопросомъ, не относится ли „не оввѣяло“ къ солнышко, тогда станеть понятнымъ и возникновеніе вполсѣдствіи самостоятельнаго оборота: вѣтромъ оввѣяло.

(Въ параллель къ этому можно было бы привести изъ Куліша (Черная рада): се так, як от інком схопиться заверуха — громом гримить, вітром бурхае поламае старое дерево, повиворочуе . . .)

Не поимать же будё намъ разбойника (534)

Но топеря хилину да не по соснамъ летать, да не насъ пугать (566)

Скрыцьялъ какъ онъ во всю буйну голову,

Щобы цють по всей каменной Москвы (476)

Я приѣду домой, да що мнѣ дѣлати (413)

Нащо было рубашка здѣть (432)

Подобныхъ примѣровъ можно привести очень много. Первое предложеніе (какъ и послѣднее) намъ важно, потому что можетъ указывать, какъ безсубъектный оборотъ, состоящій изъ вспомога-тельнаго глагола и неопредѣленнаго наклоненія, можетъ переходить въ безсубъектный же оборотъ съ пропускомъ глагола (съ другой стороны, для такихъ оборотовъ, какъ щ о б ы ц ю т ь, важень послѣдній примѣръ).

Нѣсколько непонятными на первый взглядъ являются слѣдующія сочетанія (пользуюсь все примѣрами изъ былинъ собранныхъ Григорьевымъ):

Выпилъ рюмку, выпилъ двѣ — зашумѣло въ головѣ,

Зашумѣло въ головѣ, загремѣло; скажи правду обо мнѣ (189).

Неизвѣстно, что здѣсь за шумѣло. Въ другихъ случаяхъ можно найти подлежащее къ этому безсубъектному обороту; вино.

Разбирая такіе примѣры, какъ: прошло мѣсяць, прошло годъ, прошло тысячу лѣтъ, *τρίτην ταύτην ἡμέραν αἶει* (идеть 3-й день), Поповъ (Синтакс. изслѣдов. 110—11) видитъ здѣсь подлежащее, поставленное въ винительномъ падежѣ. Если мѣсяць и пр. — винительный независимый, какъ думалъ Поповъ, то спрашивается, почему прошло, т. е. нѣтъ согласованія? Данные обороты необходимо сблизить съ такими: служи мнѣ мене треѹ годину, *sedme leto bydlim*, не спать ночь и пр. и трудно говорить здѣсь о какихъ-то независимыхъ падежахъ, когда въ данныхъ оборотахъ эти падежи явились изъ зависимыхъ. Собственно приведенный винительный падежъ можно было бы сблизить особенно съ винительнымъ количества: онъ былъ капельку не увѣренъ (ср. Поповъ, 123). Нельзя ли видѣть здѣсь вліяніе, напр., капельку выпивши, затѣмъ отождествленіе капельку — немножко? Налетѣло чортова пропасть (тамъ же, 123) — не есть ли здѣсь вліяніе „нагнало“, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ, когда обозначается мѣра, количество, наряду съ винительнымъ иногда употребляется именительный: сербс. био литру злата, наше: былъ фунтъ серебра.

Проф. Томсонъ (Изв. отд. р. яз. и сл. ИМП. Ак. Н. 908 г. № 3, 293), обращая вниманіе на такіе примѣры, какъ: набралось воды, народу; есть молодцовъ; е того цвіту; народу як дім иде; када има хлеба, нема соли и др., указываетъ на то, что здѣсь въ качествѣ подлежащаго (по значенію) выступаетъ родительный падежъ и послѣднее является возможнымъ въ силу того, что родительный падежъ отъ именъ вещественныхъ въ качествѣ прямого дополненія обозначалъ неопредѣленность, неограниченность вещества въ пространственномъ отношеніи. Мысль проф. Томсона мнѣ кажется убѣдительной. Дѣйствительно, если въ нашемъ представленіи начало связываться съ извѣстной формой понятіе о чемъ-то неопредѣленномъ, то этой формою языкъ могъ воспользоваться и получился такимъ образомъ одинъ изъ видовъ безсубъектныхъ оборотовъ.

Къ стр. 74. Если возьмемъ такіе примѣры: гласъ трубы услышано будетъ (ср. Овс.-Кулик. 38, Миклош. *Sublecti*, S., 58), чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель (изъ воззванія моск. людей 1611 г. ср. Овс. К., тамъ же), то въ первомъ предложеніи гласъ будетъ чувствоваться скорѣе, какъ винительный падежъ, а второе предложеніе, между тѣмъ, можетъ показать, какъ образовалось подобное выраженіе, т. е. прежде всего потеря согласованія, а потеря эта несмѣнно произошла подъ давленіемъ уже привычнаго оборота „вѣдомо“. Такимъ образомъ эти примѣры и другіе имъ подобные наглядно показываютъ, какъ нѣкоторые обороты, оторвавшись отъ прежняго цѣльнаго выраженія, сами, получивши извѣстную смысловую цѣльность, входятъ затѣмъ въ составъ другихъ оборотовъ, нарушая прежде бывшую тамъ гармонію согласованія. По Потѣбнѣ же, „услышано“ — непосредственно изъ „услышанъ“.

Игра природы и творческая сила земли.

Взгляды на происхождение окаменѣлостей¹⁾ въ древности, въ средніе вѣка и въ XVIII столѣтіи.

Въ настоящее время геологія, именно та отрасль ея, которая посвящена изученію исторіи земли, не можетъ обойтись безъ помощи палеонтологіи, т. е. науки о вымершихъ организмахъ. Эта послѣдняя пользуется данными зоологіи, сравнительной анатоміи, и безъ ихъ контроля не можетъ развиваться. Отсюда естественно вытекаетъ, что для нормальнаго начала изученія исторіи земли человѣкъ долженъ былъ сперва поставить зоологію на должную высоту, а безъ этого — всѣ попытки рѣшеній вопроса о происхожденіи и взаимоотношеніи остатковъ организмовъ,

1) Подъ словомъ „окаменѣлости“ геологи нашего времени разумѣютъ вообще всякіе слѣды и остатки нѣкогда существовавшихъ животныхъ организмовъ. Это — буквальный переводъ стариннаго нѣмецкаго термина „die Versteinerungen“. „Окаменѣлости“ — выраженіе неточное, но краткое, и потому употребляемое исключительно для облегченія стилия. Настоящими окаменѣлостями являются стволы деревьевъ и кости животныхъ, пропитанные минеральными веществами; раковины моллюсковъ и твердые покровы другихъ морскихъ животныхъ обыкновенно сохраняются безъ измѣненія, но внутренняя полость наполняется пескомъ, глиною, разными минералами, и получается т. наз. „ядро“. Если самая раковина или скорлупа исчезнуть, то въ плотныхъ горныхъ породахъ остается все же „отпечатокъ“ наружной поверхности. Оставляютъ отпечатки въ глинистыхъ породахъ и песчаникѣ также листья растеній. Насѣкомыя въ янтарѣ сохраняются столь же мало измѣненными, какъ и въ энтомологическихъ коллекціяхъ.

встрѣчающихся въ пластахъ различныхъ горныхъ породъ, не контролируемая зоологическими знаніями, легко могли привести изслѣдователя на ложный путь.

Если мы обратимся къ зоологическимъ сочиненіямъ Аристотеля и Плинія Старшаго, то найдемъ у нихъ очень неясные видовые діагнозы описываемыхъ ими животныхъ. Примѣромъ можетъ служить описаніе Плиніемъ носорога (*Rhinoceros*) и единорога (*Monoceros*): никакой существенной разницы мы не найдемъ, и современная критика допускаетъ, что описаніе перваго составлено Плиніемъ на основаніи личнаго изученія живыхъ экземпляровъ носороговъ, привозимыхъ для императорскихъ виваріумовъ и цирка, а описаніе единорога — компилировано безъ достаточной критики изъ какихъ-то болѣе старыхъ сочиненій, разумѣвнихъ подъ этимъ названіемъ одного изъ африканскихъ носороговъ¹⁾. Отношеніе Плинія къ эмбріональнымъ процессамъ также весьма поверхностно и невнимательно. Это именно онъ, безъ всякой критики, вводитъ фантастическую теорію оплодотворенія лонядей вѣтромъ изъ пустыни, т. е. относится къ ней такъ же, какъ и поэтъ Вергилій:

1) Для полноты картины приведу литературныя справки: хозеее описаніе единороговъ съ простымъ и съ раздвоеннымъ копытами находится у Гесснера (*Gessnerus Redivivus, auctus et emendatus. Tier-Buch und Fisch-Buch. Frankfurt a/M. 1669—1670*), тутъ же и описаніе нѣсколькихъ носороговъ. Кромѣ того, описаны еще сирены, сфинксы, грифы, морской епископъ, морской монахъ, наяда, морской человѣкъ (стр. 172—173) и нѣсколько драконовъ. Книги эти представляютъ дословный переводъ съ латинскаго изданія конца XVI столѣтія.

Описанія единороговъ (помимо описанія носороговъ) есть и въ книгѣ *Johannis Jonstoni Theatrum universale omnium animalium (ob raritatem denuo impendum suscepit Fr. Jos. Ekkebrecht, bithiopolae Heilbrunnensis, MDCCLV)*. Таблицы VII и VIII — *Monoceros* Табл. XXXVIII *Rhinoceros*. Табл. LII *Martigora*, XLIX — *Gryphus*. Подъ этимъ заглавіемъ переиздано сочиненіе: *J. Johnston. Historia naturalis. Francofurti a. Main. MDCLI*. Я имѣлъ лишь одинъ томъ этого стараго изданія.

Ore omnes versae in Zephyrum, stans rupibus altis,
 Exceptantque leves auras: et saepe sine ullis
 Conjugiis vento gravidae, mirabilie dictu!

(Georgica III, 273).

Теперь же отмѣчу, что взглядъ на огромную творческую силу вѣтра изъ пустыни мы встрѣтимъ не разъ въ поздпѣйшихъ теорiяхъ, разсмотрѣнiемъ которыхъ займемся.

И такъ, чтобы быть краткимъ, я скажу только, что недостаточность диагнозовъ описательной зоологiи ставила наблюдателей въ затрудненiе при находкѣ новаго животнаго или растенiя, сколько-нибудь похожаго на ранѣе описанное или извѣстное. Поэтому и хорошо сохранившiяся окаменѣлости были опредѣляемы наблюдателями древности, какъ формы нынѣживущiя: морскiе ежи, кораллы, рыбы, устрицы, гребешки, букцины — раковины Средиземнаго моря, прекрасно извѣстные грекамъ.

Когда же находили они остатки незнакомыхъ вымершихъ организмовъ, ихъ описывали, просто какъ опредѣленный предметъ, безъ выясненiя природы его, на примѣръ, „аммоновы рога“ — аммониты, или „белемниты“.

Если писатели древности, сознавая недостаточность знакомства своего съ фауною суши и моря, говорили о многихъ окаменѣлостяхъ, что это останки неизвѣстныхъ еще или мало извѣстныхъ животныхъ, то съ развитiемъ описательной зоологiи, все чаще стали разсматривать окаменѣлости, какъ уродства (*monstrositas*) или игру природы (*lusus naturae*), ибо видѣли уже морфологическiя различiя между живущими и вымершими организмами. Наиболѣе свѣтлые умы пытались дать другiя объясненiя, въ основѣ своей сходныя съ указаннымъ сейчасъ выше взглядомъ древнихъ.

Такъ опредѣлились три главныя направленiя въ создании теорiй, объясняющихъ происхожденiе окаменѣлостей, прoderжавшiяся до середины XVIII столѣтiя и до видо-

измѣненія наиболѣе жизненной изъ этихъ теорій уже въ 1800-ыхъ годахъ.

Я предложу рассмотреть теченія эти въ отдѣльности, для чего расположу материалъ такъ :

Первое направленіе я назову естественнымъ, — оно имѣло въ основѣ взглядъ на окаменѣлости, какъ на останки дѣйствительно жившихъ организмовъ, и обнимало три группы теорій: катаклизмовъ, Всемирнаго потопа (дилювіальная теорія), и постепенныхъ и непрерывныхъ измѣненій суши, моря и органическаго міра; второе направленіе — исходило изъ теоріи самопроизвольнаго зарожденія, творческой и пластической силы земли (*generatio aequivoca, vis plastica Terrae, etc.*) и еще нѣкоторыхъ взглядовъ (панспермія и т. п.), оно разсматривало окаменѣлости, какъ останки зародившихся въ землѣ и развившихся организмовъ, но не оживленныхъ или не попавшихъ въ благоприятныя для жизни условія; третье же направленіе пользовалось попеременно то теоріей творческой силы земли, противопоставляя ее Божественной Силѣ шести дней творенія, то теоріей таинственной силы звѣздъ (отголоски Сабейзма), то призывало на помощь чертовщину.

Замѣчу, что вѣдь и русскій народъ называетъ многія окаменѣлости „чортовыми“. Белемниты — „чортовы пальцы“, устрицы — „чортовы ладошки“ (по гр. Уварову — „Каменный вѣкъ“), зубы скатовъ и нѣкоторыхъ костистыхъ рыбъ (по Н. А. Соколову, геологу) — „чортовы зубы“.

Представители деревенскаго раціонализма и клира, большею частью, убѣждены въ томъ, что белемниты образуются отъ удара молніи въ песокъ, мѣлъ, глину. Равнымъ образомъ, находимые на дюнахъ кремневые наконечники стрѣлъ многіе малороссы и казаки предлагали мнѣ не разъ купить у нихъ, какъ „громовыя стрѣлы“. Благодаря такому происхожденію, и стрѣлы, и белемниты являются народными талисманами, а порошокъ изъ нихъ

часто примѣняется знахарками въ качествѣ присыпки для ранъ и въ гинекологической практикѣ.

Но перейдемъ все же пока къ разбору болѣе естественныхъ взглядовъ.

Очень многіе народы имѣютъ сказанія о потопѣ — всемірномъ или частичномъ — безразлично. Даже въ финскомъ эпосѣ, въ космогоническомъ отдѣлѣ его, находимъ мы утвержденіе, что земля первоначально была покрыта сплошь водою, и потомъ изъ скорлупы яицъ водяной птицы образовались острова, шхеры и материкъ.

Вліяніе вавилонской легенды на библейское повѣствованіе Моисея о постройкѣ ковчега, какъ и рассказъ о грѣхопадѣніи, нисколько не ограничиваетъ общности указаннаго. Напомню, затѣмъ, еще мнѣ о Девкальонѣ и Пиррѣ, какъ свидѣтельство существованія и у древнихъ грековъ идеи о возможности всемірнаго потопа, и тѣмъ закончу.

Далеко не всѣ эти легенды примѣнялись къ объясненію находенія окаменѣлостей.

Въ индійской книгѣ „законовъ Ману“ мы находимъ ученіе о многократныхъ катастрофахъ, истреблявшихъ на землѣ все живое водою или огнемъ и измѣнявшихъ ликъ земли. Равнымъ образомъ, и у египтянъ мы находимъ ученіе о періодическихъ катастрофахъ — потопахъ („катаклизмъ“) и міровыхъ пожарахъ („экипирозисъ“, въ передачѣ грековъ). Объ этомъ писали Плутархъ, Кассандръ и Платонъ (въ „Тимей“). Въ нѣкоторыхъ папирусахъ можно найти указація, что нильскій иль, подъ вліяніемъ солнечнаго тепла, можетъ производить лягушекъ, крысъ, птицъ и даже людей. Геродотъ (*Ἑστέρπη* 12) говоритъ, на основаніи рассказовъ жрецовъ египетскихъ и путешественниковъ, что весь Нижній Египетъ и холмы выше Мемфиса, заключающіе огромное число хорошо сохранившихся раковинъ, были нѣкогда покрыты моремъ. Египетскіе жрецы говорили о неоднократномъ измѣненіи

очертаній суши и моря, о появленіи изъ моря и опусканіи цѣлыхъ материковъ, напримѣръ, Атлантиды (то же у Платона, въ „Тимеѣ“).

Жрецы сказали Солону, что древность Вселенной весьма велика, что аеиняне — слишкомъ молодой народъ, чтобы помнить великія катастрофы и даже ранше періоды своей собственной исторіи

Но ученіе о катастрофахъ не пользовалось популярностью въ средніе вѣка; и позже немногіе, подобно Роберту Гуку (R. Hooke въ 1680 или въ 1688. Opera posthuma, editio Rich. Waller. London, 1705), поддерживали его, да Жоржъ Кювье, въ самомъ концѣ XVIII вѣка, выступилъ вновь (въ 1787 г.), и до смерти своей, громаднымъ авторитетомъ своимъ пропагандировалъ ученіе это въ книжкѣ „Discours sur les révolutions de la surface du Globe“ (въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Въ моей библіотекѣ — изд. 1850 г.).

Идея періодической гибели органическаго міра стояла въ связи съ идеей „Великаго Года“, исчислявшагося различно: у Платона — 37.000 лѣтъ, въ орфическихъ гимнахъ — 120.000, у Кассандра — 360.000 лѣтъ. Къ началу этого великаго періода планеты должны собраться всѣ къ одному исходному пункту — созвѣздію зодіака, (или къ одному меридіану), какъ колесницы на ипподромѣ, чтобы сразу начать каждая свое движеніе, по опредѣленнымъ путямъ, и только по истеченіи всего этого періода, вернуться опять одновременно къ этой же точкѣ свода небснаго. А такъ какъ звѣзды вліяютъ на судьбы людей и государствъ, то и исторія опять повторится:

Alter erit tum Typhys, et altera quae vehat Argo
Dilectos heroas; erunt etiam altera bella,
Atque iterum ad Trojam magnus mittetur Achilles.

(Vergili Eclogae IV.)

Конечно, законъ повторяемости историческихъ событій очень привлекательная вещь, но для иллюстраціи требующая

нѣкоторыхъ натяжекъ. Я отмѣчаю это потому, что самъ являюсь сторонникомъ его, и располагаю нѣкоторыми примѣрами осуществленія этого закона. При повторномъ стеченіи сходныхъ обстоятельствъ, повторяются очень сходно однородныя явленія. Такъ было въ эволюціи различныхъ животныхъ группъ, такъ бывало и въ исторіи человѣчества, на примѣръ, въ исторіи Россіи ¹⁾.

Но вернемся къ изложенному ученію. Не только у египтянъ, но и въ нѣкоторыхъ греческихъ сектахъ (религіозно-философскихъ), и у Платона мы находимъ его. Позднѣе — Альбертъ Великій очень интересовался этой теоріей. Онъ училъ, что различныя сочетанія планетъ въ небѣ производятъ соотвѣтствующія свойствамъ этихъ планетъ метеорологическія явленія, а появленіе всѣхъ семи планетъ, съ ихъ разнохарактерными вліяніями, въ въ одномъ мѣстѣ небснаго свода, по истеченіи Великаго Года, должно произвести страшное возмущеніе всѣхъ стихій, страшную катастрофу.

Конечно, при господствѣ христіанства, подобныя ученія не могли имѣть особеннаго распространенія, и Европа обратилась къ Моисею, къ ученію о Всемирномъ потопѣ, для объясненія палеонтологическихъ находокъ.

Знаменитый своими трудами по намѣренному искаженію хронологіи Эратосѣена, для согласованія ея съ хронологіей Библии, кесарійскій епископъ Евсевій, въ концѣ III вѣка, опредѣленно указывалъ на окаменѣлости Малой Азіи и Египта, какъ на доказательства Всемирнаго потопа, пользуясь для этого искусной компиляціей изъ древнихъ авторовъ и собственными наблюденіями: „что Ноевъ потопъ затопилъ высочайшія горы, я самъ могъ убѣдиться съ очевидностью, ибо видѣлъ рыбъ, найденныхъ при мнѣ на вы-

1) Отсутствие поддержки и сочувствія политиковъ внутри государства заставило бросить занятія области: кн. Святослава — Дунайскія земли, кн. Александра Невскаго — устья Невы, донскихъ казаковъ — Азовъ, и наконецъ — Портъ Артуръ.

сотахъ Ливана: именно когда тамъ ломали камень для построекъ, нашли разныхъ рыбъ, погруженныхъ въ камень, и въ такомъ замурованномъ состояніи сохранившихся до нашего времени, въ доказательство Ноева потопа“. Впрочемъ, это доказательство потопа есть и у болѣе раннихъ христіанскихъ писателей, напримѣръ, у Тертулліана, епископа карфагенскаго (III в.), а изъ позднѣйшихъ я отмѣчу Павла Орозія (V вѣкъ, во „Всеобщей исторіи отъ Потопа“) и Оригена.

Средневѣковые христіанскіе писатели пользовались этою теоріей, но алхимики и маги, адепты тайной философіи — призывали на помощь и иныя ученія, которыя мы рассмотримъ позже. Уже арабскіе вольнодумны считали Всемирный потопъ невозможнымъ. — Авицена (980—1038) признаетъ еще его, но Альбертъ фопъ Больштадтъ, заслужившій у современниковъ титулы *Magnus* и *Doctor universalis* (п. 1193 въ Швабіи, † 1280 въ Кельнѣ), критикуетъ взглядъ Авицены: „*Nota, quod impossibile est fieri diluvium universale*“. „Замѣть, милый читатель, что всемірному потопу произойти невозможно“, ибо доказано, что Ноевъ потопъ былъ вызванъ соединеніемъ холодныхъ планетъ въ холодномъ и влажномъ знакѣ [Зодіака] Рыбъ, но когда въ одной половинѣ земли бываетъ холодъ, въ другой — жаръ, иначе говоря, въ этой другой половинѣ не происходило и всемірнаго потопа, а объясненіе исключительно грѣховностью человѣческаго рода — ненаучно¹⁾. . . Это писалъ онъ, по его словамъ, *Parisius morans*, а извѣстно, что этотъ странствующій профессоръ поселился-было въ Парижѣ около 1230 года (по другимъ источникамъ, между 1245 и 1248 г.). Извѣстный Джордано Бруно, сожженный въ 1600 году, какъ еретикъ, училъ, что Всемирнаго потопа вовсе не было, но мѣстныя наводненія бы-

1) *De secretis mulierum, item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium*. Въ библиотекѣ И. Юрьевского Университета есть амстердамское изданіе 1702 года, въ 32 долю печ. листа.

ваютъ, и къ категоріи ихъ нужно относить Ноевъ потопъ. Что же касается ненаучности Моисеевой космогоніи, то нужно имѣть въ виду, что Библия писалась для темной массы народа, неспособной воспринимать глубокія научныя теоріи; кромѣ того, Моисей имѣлъ цѣлью показать въ гиперболахъ могущество Бога, дабы заставить народъ исполнять законы Его.

Замѣчательны вообще его свѣтлыя взгляды по строенію земного шара, происхожденіе складчатыхъ горъ, природу вулкановъ и изверженій, -- читая ихъ изложеніе, я находилъ поразительное сходство съ соотвѣтствующими §§ учебниковъ „Природовѣдѣнія“, по которымъ сейчасъ преподаю я въ первыхъ классахъ реального училища.

Но лучшей критикой диллювіальной теоріи все же остается разсужденіе Леонардо да Винчи.

Не смотря на поразительные словесныя наброски ¹⁾ для картины „Всемирнаго потопа“, мы найдемъ у него удивительно трезвое реалистическое и осторожное отношеніе къ самому факту.

Въ молодости своей, въ 1472 году, онъ составилъ планъ грандіозныхъ ирригаціонныхъ работъ и устройства судоходныхъ каналовъ въ Ломбардіи, часть ихъ осуществилъ; въ 1492 году онъ выполнялъ подобную же работу для Флоренціи (Мартезанскій каналъ между Флоренціей и Треццо), при чемъ ознакомился съ геологическимъ строеніемъ страны, съ богатыми окаменѣlostями пластами. Учтивая размывающую дѣятельность воды и переносъ рѣчныхъ осадковъ, Леонардо высказалъ мысль, что моря постепенно выполняются осадками и превращаются въ сушу. Мнѣ не удалось ознакомиться со всѣми „Кодексами“ Леонардо да Винчи: эта идея находится, между прочимъ, въ кодексѣ Е—J изданія Равессона — Молльена, но самаго интереснаго нѣтъ тамъ.

1) См., напр., у А. Волинскаго. „Леонардо да Винчи, его жизнь и творчество“ (въ обоихъ изданіяхъ).

Даже Д. С. Мережковскій, въ своей трилогіи „Христось и Антихристъ“, видимо, пользовался не оригиналомъ, а книгой Вентури о физико-математическихъ трудахъ Леонардо да Винчи¹⁾, и я, вмѣсто собственнаго пересказа, взялъ бы двѣ страницы изъ этого романа Мережковскаго (въ извлеченіи), еслибы, къ сожалѣнію, авторъ его не отнеся небрежно къ научной терминологіи.

Съ незапамятной древности лицо земли измѣнялось: тамъ, гдѣ нынѣ суша и горы, было дно океана. Вода, двигатель природы — ея возница — создаетъ и разрушаетъ горы. Берега растутъ и надвигаются къ срединѣ морей, внутреннія средиземныя моря постоянно выполняются, обнажаютъ дно и оставляютъ лишь русло единой рѣки, впадающей въ океанъ. Такъ, р. По, превративъ въ сушу Ломбардію, впоследствии сдѣлаетъ то же со всей Адриатикой. Ниль, превративъ Средиземное море въ песчаные холмы и равнины, подобные Египту и Ливіи, будетъ впадать въ океанъ за Гибралтаромъ. Морскія раковины, остатки другихъ животныхъ и растеній доказываютъ, что бывшія морскія пространства испытали именно эту судьбу. Объясненіе всѣхъ этихъ находокъ Всемирнымъ потопомъ не годится, такъ какъ вода стекала съ горъ и должна была все сносить книзу, потомъ вода поднялась на 10 локтей выше самыхъ высокихъ горъ, волненіемъ ея раковины должны сноситься въ беспорядкѣ къ подошвѣ, а не отлагаться всюду ровными горизонтальными пластами, на опредѣленномъ уровнѣ, какъ то наблюдается нынѣ. Притомъ, раковины моллюсковъ, живущихъ стадами, такъ и находятся группами въ пластахъ, а ведущіе одиночный подвижный образъ жизни — разсѣяны отдѣльными экземплярами. Если даже допустить, что моллюскъ доползъ въ дни потопа изъ глубины моря на вершину горы, то и это легко опроверг-

1) Venturi J. B. Essai sur les ouvrages physique et mathématiques de Léonardo da Vinci. Paris 1797.

нута, ибо наблюдение показываетъ, что морскія ракушки (т. е. двустворчатыя) не плаваютъ, а ползаютъ, и притомъ очень медленно: 3—4 локтя въ день, и потому за 40 дней потопа не могли бы проползти 250 миль, отдѣляющихъ холмы Монферрато отъ Адриатики.

Объяснять происхождение окаменѣлостей вліяніемъ звѣздъ тоже нельзя, ибо какъ случилось, что вліяніе однихъ и тѣхъ же звѣздъ образовало въ одномъ и томъ же мѣстѣ животныхъ разныхъ породъ и возрастовъ? (Возрастъ раковинъ можно опредѣлять по слѣдамъ нарастанія раковины, какъ возрастъ рогатаго скота по кольцевымъ утолщеніямъ на рогахъ, а деревьевъ — по годовымъ кольцамъ древесины). „Какъ объяснить тогда, что однѣ раковины цѣлыя, другія сломаны, какъ могутъ звѣзды объяснить происхождение гравія, встрѣчающагося на различныхъ высотахъ и составленнаго изъ камней, округленныхъ какъ бы дѣйствіемъ проточной воды; или какимъ образомъ можетъ такая причина объяснить встрѣчающіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окаменѣвшіе листья, морскія водоросли и краббовъ?“

Въ 1517 г. Фраскаторо (1483—1553) совершенно присоединился къ ученію Леонардо въ вопросѣ о происхожденіи окаменѣлостей пластовъ окр. Вероны, и даже усовершенствовалъ его методъ рѣшенія, введя большую зоологическую точность въ опредѣленіе окаменѣлостей. Есть основанія думать, что толчкомъ къ изложенію взглядовъ Леонардо да Винчи явилась рапсодія Алессандро Алессандри, неаполитанца (1461—1523), объяснявшая появленіе раковинъ на горахъ катастрофическимъ наводненіемъ со стороны океана, отъ внезапнаго измѣненія положенія оси земли¹⁾.

Не смотря на это, дилювіальная теорія держалась до конца XVIII столѣтія въ разныхъ университетахъ и про-

1) Zittel, A. Geschichte d. Geologie. München. 1899. S. 16.

возглашалась съ кафедръ физическихъ наукъ, а не только богословскихъ.

Однимъ изъ наиболѣе выдающихся поборниковъ теоріи, объяснявшей происхожденіе окаменѣлостей въ горахъ Всемирнымъ потопомъ, нужно считать швейцарскаго натуралиста Иоганна Якоба Шейхцера (J. J. Scheuchzer, п. 1672, † 1733; городской врачъ и учитель гимназіи въ Цюрихѣ), оставившаго намъ нѣсколько интересныхъ сочиненій, изъ которыхъ на первомъ мѣстѣ должно ставить „Herbarium diluvianum“ (2-ое изданіе въ 1728 г.), гдѣ авторъ изобразилъ и описалъ очень точно большое число отпечатковъ растеній, хотя принялъ также за растенія выдѣленіе кристалловъ марганцовыхъ солей и перекиси марганца, т. наз. дендриты, и даже включилъ, по невѣдомымъ побужденіямъ, гравюру какаго-то пастуха на буковой дощечкѣ.

Первая его книга — „Specimen lithographiae Helveticae curiosae“ (изд. Tigurii, 1702, т. е. въ Цюрихѣ) разсматривала окаменѣлости, предпочтительнѣе, какъ „Naturae jucantis ludibriae“ (шутливая игра природы), чѣмъ какъ реликвіи потопа — „lugentis reliquiae“, затѣмъ векорѣ, подъ вліяніемъ идей и блестящей аргументаціи англичанина Вудварда [John Woodward, п. 1665, † 1722. Essay towards a natural history of the earth and terrestrial bodies etc. London 1695 = въ латинскомъ переводѣ Шейхцера: Specimen geographiae physicae qua agitur de terra et corporibus terrestribus. Tigurii, 1704], онъ предпочелъ обратное заключеніе.

Сущность ученія Вудварда (1695) и Вистона (1696) сводилась къ тому, что во время Всемирнаго потопа всѣ поверхностныя горныя породы земной горы растворились въ водѣ и осадились вновь, погребая въ себѣ листья, раковины и другіе органическіе остатки.

Въ 1708 году онъ выпускаетъ маленькую книжку — „Жалобы рыбъ“ „Piscium querelae et vindiciae“, всего въ 1 печатный листъ текста, но съ атласомъ, заключающимъ прекрасные рисунки отпечатковъ рыбъ изъ Баваріи и дру-

гихъ мѣсть. Рыбы взываютъ къ читателямъ: „Nos nunc, muta natantium turba, querelam deponimus coram Throno Veritatis, ибо не то зловредная философія, не то все увеличивающаяся любовь къ изученію царства минераловъ, не то царящая нынѣ въ мірѣ несправедливость, не то скромная нѣмота наша — довели до того, что насъ считаютъ просто камнями. А между тѣмъ, мы вовсе не изъ числа тѣхъ ископаемыхъ рыбъ, которыя зародились, по Теофрасту, Аристотелю и Плинію, въ нѣдрахъ горныхъ породъ, а жили дѣйствительно, въ водѣ, до потопа, а во время его — погибли“.

Первая щука изъ энингенскихъ мергелей (недалеко отъ Цюриха) выступаетъ съ язвительнымъ обличеніемъ тѣхъ, кто не замѣчаетъ всѣхъ ея анатомическихъ особенностей, доказывающихъ родство съ нынѣ живущими, — значить, у этихъ наблюдателей схоластическая „*ἀνομαλία*“ мозга (щука говоритъ по-латыни, съ примѣсью греческихъ словъ). Потомъ выступаютъ окуни, *Palaeoniscus* изъ мѣдистыхъ сланцевъ Эйслебена, далѣе Шейхцеръ доказываетъ, что и загадочныя *Glossopetra* или *Orhioglossae*, о которыхъ Плиніей думалъ, что онѣ падаютъ съ неба при ущербѣ луны, не что иное, какъ зубы акулъ¹⁾.

*Glossopetra an mutus lapis est, an lingua loquelae
Expres, an vocem reddere Petra potest?
Vix credo . . .*

И наконецъ, рыбы торжественно свидѣтельствуютъ: „*Ἀλλ' ἡμεῖς τὸ πάλα μὲν ἐλεύθεροι εὐχομεθ' εἶναι...* и ничѣмъ не виноваты въ томъ, что катастрофа ихъ захватила.

Наконецъ, въ отдѣльной брошюрѣ (1726) и въ капитальномъ сочиненіи своемъ „*Physica sacra*“ (1731—1735)

1) Сицилійскій художникъ *Scilla* и *Fabio Colonna* въ срединѣ XVII столѣтія уже свидѣтельствовали о томъ же, что теперь говоритъ Шейхцеръ. Я пользовался, къ сожалѣнію, лишь вторымъ изданіемъ *Scilla* и *F. Columna* (Ed. altera emendatior, Romae MDCCLII).

Шейхцеръ описалъ и скелеть человѣка, погибшаго при потопѣ „*Homo diluvii testis*“, но Кювье, не желавшій допускать существованія человѣка въ третичный періодъ, добылъ этотъ скелеть, изучилъ, доказалъ, что это — амфибія, и описалъ, какъ саламандру *Andrias (Cryptobranchus) Scheuchzeri*.

Какъ извѣстно, Вольтеръ явился самымъ неукротимымъ противникомъ идеи Всемирнаго потопа¹⁾. Онъ выставилъ множество объясненій находокъ окаменѣлостей въ замѣну этой идеи, изъ нихъ одно было очень близко къ истинѣ (о фалѣняхъ Турени), — но у Вольтера не было достаточнаго естественно-историческаго образованія, кромѣ того, его страстность давала право подозрѣвать неискренность, наконецъ, онъ отрицалъ общеизвѣстные факты, пытался подвергнуть сомнѣнію всѣ указанія на находки окаменѣлостей, и потому его походъ оказался безрезультатнымъ.

Но посмотримъ, какую судьбу имѣли самыя естественныя теории, подобныя высказаннымъ Леонардо да Винчи.

Мы видѣли, что египетскіе ученые вполне естественно объясняли происхожденіе раковинъ въ долинѣ Нила, Пизагоръ училъ, что море и земля мѣняются свои очертанія, на мѣстѣ бывшаго моря появляется суша, и твердая земля, погружаясь, покрывается моремъ.

Vidi ego, quod fuerat quondam solidissima tellus,
Esse fretum; vidi factas ex aequore terras,
Et procul a pelago conchae jacuere marinae

(Ovidii, *Metamorph.* XV. 262—264.)

Аристотель, отрицая всемірный потопъ Девкальона, допускаетъ мѣстные, а объ измѣненіи положенія и границъ суши и морей говорить что оно происходитъ столь мед-

1) Въ своихъ комментаріяхъ къ Библии (см. полн. собр. сочиненій), въ статьѣ „*Déluge*“ въ Энциклопедіи, въ замѣткѣ *Digression sur la manière dont notre globe a pu être inondé.* (Т. 43 изд. 1792.)

ленно, что процессъ этотъ ускользаетъ отъ наблюдений (*λανθάνει*) одного поколѣнія. Собственно-геологическія теоріи у Аристотеля разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ сочиненій его, преимущественно въ „Метеорикахъ“, касательно происхожденія окаменѣлостей онъ, повидимому, не высказываетъ опредѣленнаго сужденія, важно только, что онъ признаетъ естественное самозарожденіе низшихъ организмовъ изъ ила, эволюцію и вырожденіе породъ, т. е. видовъ, сопровождающееся вымираніемъ ихъ. Мы еще возвратимся къ этому.

Тѣмъ не менѣе, Аристотель вѣдь имѣлъ уже достойныхъ вниманія предшественниковъ — Ксенофана изъ Колофона (конецъ VII в. до Р. Хр.) и Ксанѳа изъ Сарды (500 годъ), объяснявшихъ происхожденіе слоистыхъ горныхъ породъ съ окаменѣлостями періодическими потопами и перемѣщеніями морей. Эратосѣенъ говоритъ: на растояніи 2000 и даже 3000 стадій отъ моря во многихъ мѣстахъ внутри страны находятъ раковины устриць и другихъ морскихъ животныхъ, а также и солёныя болота, напримѣръ, у храма Аммона, и по дорогѣ къ нему, имѣющей 3000 стадій, — слѣды отступившаго моря.

Далѣе нужно упомянуть Страбона, писавшаго около времени Рождества Христова. Въ I книгѣ, гл. 3, своихъ *Γεωγραφικὰ* онъ разбираетъ взгляды Эратосѣена, Стратона и другихъ на происхожденіе окаменѣлостей и самъ разсматриваетъ ихъ, какъ свидѣтельство вѣковыхъ перемѣщеній моря и суши, вѣковыхъ поднятій и опусканій. Конечно, онъ считаетъ, вмѣстѣ съ названными учеными, окаменѣлости — остатками дѣйствительно жившихъ въ морѣ организмовъ, и вноситъ только частичныя поправки въ ученіе о причинахъ отступанія моря съ ранѣе занятыхъ ими площадей.

Въ средніе вѣка взглядъ этотъ можно было встрѣтить у нѣкоторыхъ арабскихъ писателей. Въ X вѣкѣ Омаръ эль Аалемъ самостоятельно принелъ къ тѣмъ же вы-

водамъ, что и Страбонъ, но поплатился за это обвиненіемъ въ еретичествѣ и изгнаніемъ изъ Самарканда, равно сквозить этотъ взглядъ и въ книгѣ Магомета Кацвини „Чудеса природы“ (XIII вѣкъ), откуда Рюккертъ обработалъ одинъ поэтическій рассказъ въ балладѣ

C h i d h e r.

Chidher, der ewig-junge, sprach :

„Ich führ nach einer Stadt vorbei,
Ein Mann im Garten Früchte brach ;
Ich fragte, seit wann die Stadt hier sei ?
Er sprach und pflückte die Früchte fort :
Die Stadt steht ewig an diesem Ort,
Und wird so stehen ewig fort.

Und aber nach fünfhundert Jahren
Kam ich desselbigen Wegs gefahren.

Da fand ich keine Spur der Stadt ;
Ein einsamer Schäfer blies die Schalmel,
Die Herde weidete Laub und Blatt ;
Ich fragte : wielang' ist die Stadt vorbei ?
Er sprach, und blies auf dem Rohre fort :
Das eine wächst, wenn das andere dorrt ;
Das ist mein ewiger Weideort.

Und aber nach fünfhundert Jahren
Kam ich desselbigen Wegs gefahren.

Da fand ich ein Meer, das Wellen schlug,
Ein Schiffer warf die Netze frei :
Und als er ruhte vom schweren Zug,
Fragt' ich, seit wann das Meer hier sei ?
Er sprach, und lachte meinem Wort :
Solang' als Schäumen die Wellen dort,
Fischt man und fischt man in diesem Ort.

Und aber nach fünfhundert Jahren
Kam ich desselbigen Wegs gefahren.

Da fand ich einen waldigen Raum
Und einen Mann in der Siederlei,
Er fällte mit der Axt den Baum ;
Ich fragte, wie alt der Wald hier sei ?
Er sprach : der Wald ist ein ewiger Hort,

Schon ewig wohn' ich an diesem Ort,
 Und ewig wachsen die Bäum' hier fort.
 Und aber nach fünfhundert Jahren
 Kam ich desselbigen Wegs gefahren.
 Da fand ich eine Stadt, und laut
 Erschallte der Markt vom Volksgeschrei.
 Ich fragte: seit wann ist die Stadt erbaut?
 Wohin ist Wald, und Meer, und Schalmei?
 Sie schriren, und hörten nicht mein Wort:
 So ging es ewig an diesem Ort,
 Und wird so gehen ewig fort!
 Und aber nach fünfhundert Jahren
 Will ich desselbigen Weges fahren.“

Въ X же вѣкѣ Авицена высказывался въ томъ смыслѣ, что ископаемымъ раковины — доказательства существованія моря въ области теперешнихъ горъ въ отдаленныя времена (въ книгѣ „De diluviis“).

Послѣ Леонардо да Винчи, въ началѣ XVI вѣка Фраскаторо, въ концѣ того же вѣка ботаникъ Цезальпинусъ, Джіордано Вруно, съ срединѣ 1600-ыхъ годовъ Николай Стено доказываютъ истинную природу окаменѣлостей и говорятъ, что пласты, ихъ содержащіе, выдвинуты изъ подъ уровня первобытнаго моря подземными силами. При этомъ Стено изучаетъ минеральный составъ пластовъ, характеръ различныхъ горныхъ породъ съ окаменѣлостями, и даетъ принципы выясненія исторіи земли. Продолжателемъ его былъ Робертъ Гукъ (1688), учившій о томъ, что различіе окаменѣлостей въ разныхъ пластахъ свидѣтельствуеетъ о смѣнѣ періодовъ (эпохъ) жизни, но онъ признавалъ необходимость для того катастрофъ, а около 1700 года уже цѣлый рядъ ученыхъ — Лейбницъ, Валлиснери, Антоніо Лацаро Моро и Джене-релли — явились послѣдователями этого ученія и уже шли дальше Гука, предлагая разработывать исторію земли, не прибѣгая къ катастрофамъ. Въ срединѣ 1700-ыхъ годовъ Геттаръ (Guettard), Лемапъ, Фюхсель, а въ

Россіи Ломоносовъ попытались охарактеризовать эти періоды и ихъ отложенія, а черезъ 10 лѣтъ Бюффонъ и Ардуино дали совсѣмъ уже научную классификацію для памятниковъ исторіи земли. Упроченіе и распространеніе номенклатуры Линнея, съ 1740 года, и труды по точному описанію окаменѣлостей дали въ руки геолога могущественное орудіе для этого. Въ 1762 году, въ Германіи, проф. Вальхъ (Walch), продолжая работу скончавшагося Кнорра, издалъ въ 4 томахъ описаніе всѣхъ извѣстныхъ тогда главнѣйшихъ окаменѣлостей, при чемъ очень хорошо классифицировалъ ихъ. Признавая окаменѣлости дѣйствительными остатками животныхъ и растений, Вальхъ постарался опредѣлить и мѣсто въ зоологической системѣ такихъ организмовъ, какъ напимѣръ, трилобиты (ракообразныя). Кромѣ того, онъ сдѣлалъ добросовѣстнѣйшую сводку всѣхъ доселѣ высказывавшихся мнѣній о происхожденіи окаменѣлостей ¹⁾.

Нѣсколько особнякомъ стоитъ ученіе о происхожденіи янтарей. Въ древности уже знали, что янтари представляютъ собою ароматическое горючее вещество, но о природѣ его судили различно. Одни сближали его съ амброю, веществомъ, выдѣляемымъ организмомъ кашалотовъ и нѣк. др. китообразныхъ, съ безоаровымъ камнемъ (аналогиченъ амбрѣ), другіе считали его уплотнившееся мочою европейской рыси и пардовой кошки („пардусъ“ древняго русскаго „Физиографа“, отсюда же — леопардъ).

Однако, большая часть справедливо указывала, что это — отвердѣвшая смола древнихъ хвойныхъ и камедныхъ деревьевъ. Къ этому заключенію приводили находки хорошо сохранившихся вѣточекъ и листьевъ, насѣкомыхъ, пауковъ,

1) Die Naturgeschichte der Versteinerungen, zur Erläuterung der Knorr'schen Sammlung von Merkwürdigkeiten der Natur herausgegeben von J. E. J. Walch. Nürnberg, 1755—1773 (4 тома съ различными дополненіями). Сочиненіе снабжено хорошими гравюрами, отъ руки раскрашенными въ натуральные цвѣта.

червей и, кажется, лягушекъ. У Марціала есть нѣ-
сколько весьма изящныхъ эпиграммъ, описывающихъ насѣ-
комыхъ въ янтарѣ, а одну я приведу здѣсь:

Flentibus Heliadum ramis dum vipera ¹⁾ serpit,
Fluxit in obstantem succina gumma feram,
Quae dum miratur pingui se rore teneri,
Concreto riguit vinceta repente gelu . . .
Nec tibi regali placeat Cleopatra sepulchro,
Vipera si tumulo nobiliore jacet !

(Эпиграммы Марціала переведены на р. яз. Фетомъ.)

Профессоръ Г. П. Михайловскій напечаталъ въ „Журн. Минист. Государств. Имущ.“ за 1903 или 1904 годъ статью о янтарѣ, гдѣ собралъ главнѣйшую литературу. Я воспользовался лишь тѣмъ, что имѣлось у насъ въ библиотекѣ университета. Сочиненіе Филиппа-Якова Гартмана „Succini Prussici Physica et civilis Historia“ (Regiomonti, т. е. въ Кенигсбергѣ, 1677, — форматъ 16⁰, 190 стр.) представляетъ сводъ литературныхъ указаній и, кажется, личныхъ наблюденій. Авторъ склоняется къ мнѣнію о растительномъ происхожденіи янтаря.

Вообще, можно сказать, насѣкомымъ въ янтарѣ особеппо посчастливилось: никто не счелъ ихъ игрою природы. Въ 1742 г. вышло въ Лейпцигѣ прекрасное описаніе „Historia Succinorum“, соч. Nathanael Sandelius, лейбъ-медика и физика саксонскаго короля, (in folio, съ многочисленными таблицами, изображающими насѣкомыхъ, пауковъ и др. въ янтарѣ, — гравюры на мѣди, замѣчательной работы!), а въ 1763 г. Ломоносовъ писалъ отъ лица насѣкомыхъ: „Пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ влажностью растеніямъ, искали и собирали все, что служитъ къ нашему пропитанію; услаждались между собою пріятностью благораствореннаго времени, и послѣдуя разнымъ благовоннымъ духамъ, пол-

1) Вѣроятно, червь? гусеница?

зали и летали по травамъ, листьямъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти. И такъ садились мы на истекшую изъ деревъ жидкую смолу, которая насъ, привязавъ къ себѣ липкостію, плѣнила, и безпрестанно изливаясь, покрыла и заключила отовсюду. Потомъ отъ землетрясенія опустившееся внизъ лѣсное наше мѣсто вылившимся моремъ покрылось; деревья опроверглись, иломъ и пескомъ покрылись, купно со смолою и съ нами; гдѣ долгою времени минеральные соки въ смолу проникли, дали большую твердость, и словомъ въ янтарь претворили, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатныя и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ.

Въ рудныя жилы пришли мы не иначе и не въ другое время, какъ находящееся съ нами окаменѣлое и мозглое дерево“. („Металлургія“. Изд. 1792 г. Прибавл. 2-ое, стр. 379).

Таковъ былъ путь разработки и рѣшенія вопроса о происхожденіи окаменѣлостей методомъ индуктивнымъ.

Но этого мало. Умъ человѣческой всегда ищетъ первопричины вещей или явленій. Древность занималась уже вопросомъ, откуда появилась жизнь на землѣ? Матеріалисты не довольствовались мифами, они искали въ самой природѣ какого-нибудь жизненнаго начала. Въ средніе вѣка европейскимъ ученымъ предоставлялось либо вѣрить Моисею, либо совсѣмъ отрицать сказаніе его. Попытки отысканія животворной силы въ землѣ дѣлались тогда именно въ цѣляхъ согласованія палеонтологическихъ находокъ съ данными Св. Писанія въ тѣхъ случаяхъ, когда условія нахождения окаменѣлостей не допускали примѣненія объясненія происхожденія ихъ всемірнымъ потопомъ. Такихъ случаевъ было немало, и наиболѣе общимъ изъ нихъ нужно считать нахождение органическихъ остатковъ въ толщахъ твердыхъ горныхъ породъ, на значительной глубинѣ.

Созданіе неживыхъ организмовъ внутри скалъ и въ день созданія горъ не согласовалось съ понятіемъ о цѣлесообразности творенія, съ Божественной Премудростію, но

можно было допустить, что Богомъ дана землѣ способность производить животныхъ и растенія, чѣмъ земля и пользуется. Въ кн. Бытія, гл. I: И рече Богъ: „Да произраститъ земля быліе травное, сѣющее сѣмя его по роду и подобію, и древо плодовитое“ . . . и бысть тако (ст. 11). И рече Богъ: „Да изведуть воды гады душъ живыхъ“ . . . и бысть тако. И сотвори Богъ киты великіе, и всяку душу животныхъ гадовъ, яже изведоша воды (ст. 20 и 21). И рече Богъ: „Да изведетъ земля душу живу по роду, четвероногая и гады, и звѣри земли“ . . . (ст. 24). Текстъ „Вульгаты“: *Et ait: „Germinat terra herbam virentem, et facientem semen, et lignum pomiferum“ . . . (11). Et protulit terra herbam lignumque . . . Dixit etiam Deus: „Producant aquae reptile animae viventis“ . . . (20). Creavit Deus cete grandia, et omnem animam virentem atque motabilem, quam produxerant aquae (21) . . . Dixit quoque Deus: „Producat terra animam viventem in genere suo jumenta et reptilia“ . . . (24).* Этимъ толкованіемъ воспользовался Джіордано Бруно. Для насъ также важно замѣтить, что Василій Великій въ 9-ой „бесѣдѣ на Шестодневъ“ именно такъ истолковываетъ библейскій текстъ (Творенія Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадокійской. Т. 1, Москва 1891 г., стр. 133). Въ этомъ же направленіи были использованы христіанскими учеными указанія древности, указанія алхимиковъ, указанія народныхъ суевѣрій.

Древніе мыслители пытались дать отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи жизни на землѣ. Припомнимъ сцену на Фарсальскихъ поляхъ и на берегу моря — изъ 2-ой части „Фауста“.

Θαλεσς спорить съ Анаксагоръ :

Природы ключъ великъ: не можетъ онъ
Въ предѣлахъ дня и ночи быть стѣсненъ;
Въ ея дѣлахъ, средь образовъ обилья,
Есть правильность: въ великомъ нѣтъ насилья.

Nie war Natur und ihr lebendiges Fliesen
Auf Tag und Nacht und Stunden angewiesen;

Sie bildet regelnd jegliche Gestalt,
Und selbst im Grossen ist es nicht Gewalt.

Онъ предлагаетъ Гомункулу, желающему воплотиться и стать человѣкомъ, обратиться за содѣйствіемъ къ Протею, символизирующему вѣчную переменную форму въ круговоротѣ вещества; Протей отвѣчаетъ:

И нечего тутъ много размышлять:
Въ широкомъ морѣ долженъ ты начать!
Сперва тамъ въ маломъ влага жизнь слагаетъ,
А малое малѣйшихъ братій жретъ
И понемногу все растеть, растеть, —
И такъ до высшей точки достигаетъ.

Doch gilt es hier nicht viel Besinnen,
Im weiten Meere musst du anbeginnen!
Da fängt man erst im Kleinen an
Und freut sich, Kleinste zu verschlingen;
Man wächst so nach und nach heran
Und bildet sich zu höherem Vollbringen.

Θалесъ въ восторгѣ:

Цвѣтущею радостью духъ мой согрѣтъ,
Прекрасная истина въ сердце проникла:
Живое изъ влаги возникло!
Въ ней жизни таятся источники вѣчно.
Твори жъ, океанъ, — о, твори безконечно!

Wie ich mich blühend freue,
Vom Schönen, Wahren durchdrungen . . .
Alles ist aus dem Wasser entsprungen!
Alles wird durch das Wasser erhalten!
Ocean! gönn' uns dein ewiges Walten!

Goethe.

(Переводъ профессора зоологіи Н. А. Холодковскаго.)

Гёте самъ былъ трансформистомъ въ зоологіи и непутистомъ въ геологіи ¹⁾).

1) Ср. G. Linck. Goethes Verhältniss zur Mineralogie und Geognosie. Jena, 1906.

Θалесъ Милетскій (род. около 640 г. до Р. Хр.) училъ о происхожденіи земли и всего, что на ней, изъ воды океана, и даже о томъ, что солнце, луна и звѣзды поддерживаютъ свое существованіе водными испареніями океана, къ которому спускаются на закатѣ и отъ котораго поднимаются на восходѣ. Комментаторы объясняютъ это увлеченіе сильными впечатлѣніями отъ иутешествія по Египту, гдѣ роль воды въ жизни человѣка и природы выступаетъ съ разительною ясностью.

Несравненно болѣе опредѣленные взгляды находимъ мы у его ученика Анаксимандра: изъ первичнаго океана выдѣлился илъ, солнечная теплота, дѣйствуя на первоначальную тинистую землю, производила покрытые колючею оболочкою пузыри, изъ которыхъ выходили животныя, какъ изъ яйца. Въ началѣ животныя эти были плохо организованы, несовершенны, частію погибали, частію размножались, приче́мъ, въ поколѣніяхъ, совершенствовались. Человѣкъ появился сначала въ видѣ рыбы, и такъ жилъ въ тинистой водѣ, пока не получилъ организаціи, приспособленной для жизни на твердой землѣ. (Въ XVIII в. мы найдемъ возрожденіе ученія этого у французскаго консула въ Каирѣ de Maillet). Анаксагоръ Клазоменскій, учитель Эврипида, Перикла и Сократа, говорилъ о происхожденіи земли и моря изъ хаоса стихій, точнѣе — элементовъ, среди которыхъ фигурируютъ и столь странные, какъ холодъ, цвѣтъ, хлѣбъ, кровь и т. п. Животныя низшія зарождаются въ илу и постепенно эволюционируютъ. Ликъ земли измѣняется катастрофами, дно морское можетъ подниматься надъ уровнемъ воды, а суша можетъ погружаться въ волны океана.

Мнѣнія Пиеагора (род. около 540 г. до Р. Хр.) о первичномъ зарожденіи очень мало извѣстны. У Овидія мы находимъ (*Metamorph.* XV, 365) пересказъ его взглядовъ: изъ гніющихъ внутренностей быка могутъ выйти пчелы, изъ трупа коня — шершни, изъ трупа изуродован-

наго рака — скорпионъ, въ илу находится сѣмя, изъ котораго рождаются лягушки; нѣкоторые думаютъ, что изъ спинного мозга человѣка, когда зароютъ позвоночный столбъ и дадутъ ему сгнить при извѣстныхъ условіяхъ, образуется змѣя и т. д.

Аристотель говоритъ, что всякое сухое тѣло, дѣлающееся влажнымъ, и всякое влажное, дѣлающееся сухимъ, производитъ животныхъ. Это было очень распространеннымъ мнѣніемъ.

Землѣ приписывали произведеіе кротовъ, мышей, змѣй; тинѣ — лягушекъ и нѣкоторыхъ рыбъ; гніющимъ трупамъ, навозу, соломѣ — червей и личинокъ насѣкомыхъ. Даже въ Библии, въ книгѣ Судей, мы находимъ разсказъ о томъ, какъ изъ гніющей головы льва вышелъ рой пчелъ.

Въ началѣ второго тысячелѣтія нашей эры былъ поставленъ на очередь разрѣшенія вопросъ: необходимо ли сѣмя для зарожденія простѣйшихъ животныхъ, или они могутъ сами собой происходить изъ неорганизованной матеріи? Алхимики, тогда только что пріобрѣтавшіе себѣ почетное положеніе, указывали на необходимость таинственнаго духа. Впослѣдствіи они указали „сѣмя міра“ „*Semen universale*“, о которомъ довольно подробно пишетъ Аванасій Кирхеръ, а въ сочиненіяхъ Гебера (отецъ алхиміи — Абу-Мусахъ-Джаффаръ аль-Софи) и Авицены (Ибн' Сина) это самое темное мѣсто¹⁾. Альбертъ Великій, во многихъ своихъ сочиненіяхъ, и въ томъ числѣ въ книгѣ „*De secretis mulierum item de virtutibus herbarum, lapidum et animalium*“, въ главѣ IV — *de generatione animalium imperfectorum*, а именно о мухахъ и т. п.

1) Авицена училъ, что во время Всемирнаго потопа погибли всѣ животныя, а въ ковчегѣ даже не могло помѣститься по парѣ всѣхъ видовъ тогда извѣстныхъ звѣрей и птицъ. Послѣ потопа, однако, оказалось множество различныхъ породъ. Нѣтъ сомнѣнія, что животныя возродились изъ гніющихъ труповъ. Отсюда можно заключить, что животныя могутъ рождаться и безъ оплодотворенія самки, а прямо отъ элементовъ сѣмени во влажной землѣ.

говорить: онѣ не напрасно существуютъ въ природѣ, но природою предназначены къ поглощенію міазмовъ. Происходятъ эти животныя иногда безъ сѣмени, а просто изъ гнѣющихъ веществъ. Если взять женскіе волосы, запачканные менструальною кровью, зарыть въ сыромъ мѣстѣ, на которомъ зимой лежала груда навоза, то лѣтомъ, отъ солнечнаго тепла, изъ нихъ произойдетъ длинная и сильная змѣя. Мыши рождаются изъ гнѣющаго мусора; можно искусственно вывести василиска и т. д.

Авицена опровергаетъ взгляды Платона, Аверроэса, Темистія, утверждающихъ, что лягушки рождаются прямо изъ ила. Альбертъ Великій, повидимому, примыкаетъ къ воззрѣнію Авицены, но вноситъ поправки въ другихъ случаяхъ. Онѣ признаетъ, что въ природѣ есть *Generatio univoca* — рожденіе съ оплодотвореніемъ, и рождающіеся дѣтеныши сходны съ родителями.

Generatio aequivoca, seu spontanea — самопроизвольное зарожденіе, можетъ быть, подѣ влияніемъ планетъ и солнца, изъ ила, тины и падали.

Въ этомъ случаѣ никогда не бываетъ, чтобы изъ падали, изъ трупа, родилось животное, сходное съ этимъ мертвымъ. Примѣры: изъ труповъ звѣрей — мухи, изъ конскаго навоза — скарабеи. Сама по себѣ гнѣющая матерія бесплодна, и даже стремится изъ трупа улетучиться: напримѣръ, трупъ крысы на солнцѣ скоро совсѣмъ высыхаетъ — остаются кожа да кости, — но есть нѣкій духъ, организующій эту матерію.

Въ землѣ есть окаменяющее начало, такой особый сокъ, встрѣчающійся и въ нѣкоторыхъ источникахъ, пропитываясь коимъ, трупы окаменѣваютъ. Окаменяющее начало есть и въ тѣлахъ самихъ животныхъ. Кромѣ такихъ окаменѣлостей, въ землѣ встрѣчаются еще остатки, напоминающіе различныхъ животныхъ, но это ужъ произведенія пластической силы земли. Въ землѣ, подѣ влияніемъ броженія и гнѣнія,

матерія образуетъ низшія животныя формы, и не хватаетъ только оживляющаго духа. Касательно происхожденія отпечатковъ и скелетовъ рыбъ, Альбертъ Великій держался мнѣнія Теофраста (и Авиценны), и вообще склоненъ былъ признать теорію пансперміи.

Въ XVI столѣтіи, на переломѣ, переходя отъ среднихъ къ новымъ вѣкамъ, мы находимъ сразу большое число приверженцевъ творческой силы земли, дарованной ей Богомъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ради какой-то странной шутки, игры (*lusus naturae*), обращающейся на созданіе странныхъ формъ.

Знаменитый Агриппа ф. Неттесгеймъ (1456—1535), посвященный за храбрость въ рыцари и умершій въ Лионѣ гонимымъ отовсюду чародѣемъ, изображенный довольно реально въ романѣ Валерія Брюсова „Огненный ангелъ“, училъ о вліяніи міровой души, представлявшей пятую стихію — *quinta essentia*, болѣе могущественную, чѣмъ воздухъ, огонь, земля и вода, все проникавшей и вызывавшей, пробуждавшей въ водѣ и землѣ скрытыя творческія силы.

Эта *quinta essentia* является особенно чистою, и потому активной, въ лучахъ звѣздъ (свѣтъ Агриппа считалъ воздушной матеріей).

ФаллопPIO, извѣстный анатомъ, шелъ дальше: онъ былъ, до извѣстной степени, материалистомъ и полагалъ, что зарожденіе живыхъ существъ изъ теплаго ила или влажной земли происходитъ при посредствѣ особыхъ испареній „тонкихъ жидкостей“, и считалъ окаменѣлости неудавшимися природѣ существами. Кромѣ того, онъ училъ, что броженіе ила и глины формируетъ изъ этого матерьяла самыя различныя фигуры, къ числу коихъ относилъ даже находимыя иногда въ землѣ древнія урны и другіе сосуды¹⁾.

1) Чуть ли не ему принадлежитъ классическая фраза: „Удивительно, что эти горшки растутъ въ землѣ, какъ грибы, особенно во время весеннихъ дождей!“ На подобную же сентенцію въ письмѣ

Образованіе ихъ — игра природы. Кости и бивни слоновъ и др. крупныхъ млекопитающихъ, найденныя въ Сициліи, считалъ онъ просто сталактитами.

Во второй половинѣ 1600-хъ годовъ іезуитскій патеръ А н а с і й К и р х е р ь признавалъ, что въ землѣ есть образовательная пластическая сила — *vis formativa, vis plastica*, и сохраняется данное Богомъ землѣ право оживлять низшіе организмы, впрочемъ, онъ придерживался ученія о пансперміи, почему мы рассмотримъ его взгляды особо.

Какъ извѣстно, вопросъ о самопроизвольномъ зарожденіи (*generatio aequivoca*) никогда не сходилъ съ очереди до сего дня. Въ концѣ XVII вѣка С в а м м е р д а м ь и Р е д и ¹⁾ доказывали, что мухи происходятъ не изъ падали, а изъ отложенныхъ туда своими родителями яицъ. Въ началѣ XVIII вѣка ученые уже не говорили болѣе о произвольномъ зарожденіи лягушекъ, мышей, змѣй, рыбъ и т. п., но способъ размноженія иростѣйшихъ (инфузорій) и червей (коловратокъ, разныхъ глистовъ и др.) возбуждалъ сомнѣнія ²⁾. Наконецъ, въ срединѣ XIX столѣтія, П а с т е р ь (1862) далъ доказательства, что сухія цисты инфузорій (впослѣдствіи прибавилъ и бактерій) носятя въ воздухѣ.

Старинный проповѣдникъ ученія о *Generatio spontanea* — Пуше незадолго до того (1858 г.) выступилъ съ формулировкой ученія о гетерогеніи, по

императора Фердинанда I, въ 1562 г., указываетъ Нидерле (Человѣчество въ доисторич. времена. Стр. VIII).

1) *Esperienze intorno alla generazione degl'insetti*. 1668.

2) Считаю полезнымъ обратить вниманіе читателей на поэмѣ „Храмъ Природы“ Э р а з м а Д а р в и н а (дѣда Ч. Дарвина) въ переводѣ проф. Холодковскаго, въ кн. 3 Журнала Мин. Нар. Просв. 1911 г. Въ ней найдемъ любопытную сводку естественно-историческихъ возрѣній конца XVIII вѣка. Есть многое изъ области геологіи, есть и ученіе о зарожденіи органической жизни на землѣ, есть и зачатки теоріи трансформизма. Она написана около 1792 г. (?), издана въ 1803 г.

которому, изъ гніющихъ растворовъ и настоевъ органическихъ веществъ образуются сначала „яйца“ простѣйшихъ животныхъ, а уже изъ яицъ, при благопріятствующихъ обстоятельствахъ, выводятся самыя животныя (инфузоріи, коловратки). Эти яйца и есть такъ называемыя цисты, т. е. оболочки, предохраняющія организмы отъ окончательнаго высыханія.

Еще разъ англійскій бактериологъ Бастіанъ пытался въ 1874 году примкнуть къ Пуше, — но это была уже запоздалая попытка.

Въ 1868 году англійскій зоологъ Гёксли¹⁾ описалъ добытую изъ глубинъ океана неорганизованную слизь, очень похожую на протоплазму и обладавшую слабымъ движениемъ. Онъ призналъ ее за первичный, произвольно зародившійся организмъ *Bathybius*. Не смотря на возраженія критики, знаменитый Эрнстъ Геккель объявилъ себя сторонникомъ взгляда Гёксли, и даже, со свойственной ему страстностью, пошелъ далѣе. Именно тогда же, въ 1870 году, онъ выпустилъ свои „*Studien über Moneren und anderen Protisten*“ и считалъ батибіи первичной монерой, а Нэгели настаивалъ на томъ, что простѣйшіе организмы постоянно образуются въ морѣ изъ неорганизованной матеріи. Въ отвѣтъ на это, зоологъ Мёбіусъ доказалъ, что слизь эта вовсе мертва и представляетъ собою коллоидальное состояніе сѣрнокислаго кальція и нѣкоторыхъ другихъ морскихъ солей. Теперь, въ 1900 годахъ, Леманъ описалъ явленія движенія въ растворахъ неорганическихъ солей (т. н. живые жидкіе кристаллы „*Scheinbar-lebende Krystallien*“ . . . и т. п.).

Такова судьба ученія о произвольномъ зарожденіи.

1) Раздѣляя взгляды Пастера, онъ все же допускалъ возможность самооживленія образующейся слизи, тождественной съ протоплазмой амёбъ (ученіе Окена). Интересна рѣчь Гёксли „Очеркъ ученія о произвольномъ зарожденіи“, напечатанная (въ русск. переводѣ) въ журн. „Русскій Вѣстникъ“ Каткова за 1870 г., томъ 89.

Послѣдняго слова не сказано, хотя предложены ком-
промиссы. [Изъ гипотезъ о появленіи жизни на землѣ
можно еще указать предположеніе о заносѣ первичныхъ
организмовъ изъ мірового пространства, на кускахъ распав-
шихся ранѣ планетъ — на аэролитахъ.]

Параллельно съ ученіемъ о самопроизвольномъ зарожде-
ніи, существовалъ отъ древности другой взглядъ, считавшій,
что всякое живое существо рождается отъ сѣмени себѣ по-
добнаго, при чемъ считалось болѣе важнымъ сѣмя, чѣмъ яйцо.
Позднѣйшее ученіе „ομηνε vivish ex ovo“ (Гарвей) было
принимаяемо съ оговорками. Однако, уже со временъ глубо-
кой древности извѣстенъ былъ партеногенезисъ, и даже ему
отводили больше мѣста, чѣмъ имѣеть дѣйствительное его
распространеніе въ природѣ. Размноженіе низшихъ живот-
ныхъ посредствомъ дѣленія въ средніе вѣка не было из-
вѣстно.

У Т. Лукреція Кара и Демокрита мы найдемъ
взглядъ, что каждый атомъ тѣла человѣка (и животныхъ)
имѣеть элементы сѣмени, которые могутъ дать начало но-
вому такому же атому, и потому гнѣеніе тѣла въ землѣ
даетъ начало цѣлому ряду образовъ, если только элементъ
сѣмени попадаетъ въ благопріятныя для развитія условія.

Въ этомъ и лежитъ уже зародышъ частнаго примѣра
ученія о пансперміи.

Θεοφραστὴς Лесбосскій (368—284), ученикъ Ари-
стотеля, написалъ книгу о камняхъ „Περὶ λίθων“, изъ
которой до насъ дошли только разрозненные отрывки, но,
повидимому, Плинію Старшій цѣликомъ воспользо-
вался ею. Въ другомъ отрывкѣ „Περὶ ἰχθύων τῶν ἐν τῇ ξηρῇ
διαμενόντων“ есть мѣсто¹⁾ объ ископаемыхъ рыбахъ Малой
Азіи — „ἰχθύες ὀρυκτοί“. Въ книгахъ этихъ объ отпечат-
кахъ и скелетахъ рыбъ онъ говоритъ, что они произошли

1) Fragmentum CLXXI Theophrasti Eresii op. quae supersunt
omnia. T. III. Ed. Teubneriana. Lipsiae, 1862.

изъ икры, увлеченной испарешіями изъ моря и выпавшей съ дождемъ. Икра проникла въ камни, и отъ тепла, влаги и какихъ-то другихъ причинъ развилась во взрослыхъ рыбъ, погибшихъ въ неподходящей обстановкѣ. Онъ приводитъ много примѣровъ находенія рыбъ, и для отдѣльныхъ случаевъ даетъ и другія объясненія: икра могла попасть въ горныя породы изъ рѣчки, ранѣе протекавшей въ этихъ мѣстахъ, а потомъ высохшей. Нѣкоторыя рыбы даже могутъ довольно продолжительное время провести въ воздухѣ, но скоро гибнутъ въ грязной, мутной водѣ. Предшествовавшая часть отрывка (1—6) трактовала о рыбахъ, выходящихъ на сушу для питанія и по другимъ причинамъ, о рыбахъ, выскакивающихъ на воздухъ, о рыбахъ, живущихъ въ пещерахъ, и о зарывающихся въ илъ. Ихъ жабры приспособлены долго сохранять въ себѣ потребный минимумъ влажности. Современная зоологія знаетъ много примѣровъ этого. Ясно, что рѣчь здѣсь идетъ объ *Ophioserolis* sp.?, *Anabas scandens*, *Periophthalmus* pl. sp., о *Trigla* sp. и др. летучихъ рыбахъ (см. у Брема). Но Теофрастъ же признавалъ и пластическую силу земли для созданія нѣкоторыхъ окаменѣлостей. Хотя Страбонъ и совершенно отрицалъ возможность всего этого, слѣдуя Плинію, позднѣйшіе ученые, какъ Авицена и Альбертъ Великій, склоняются къ идеямъ Теофраста¹⁾.

Знаменитый алхимикъ Парацельсъ (*Aureolus Philippus Theophrastus Bombastus ab Hohenheimio*, Paracelsus, 1493—1541) указываетъ способъ

1) Въ библиотекѣ Юрьевскаго Университета есть интересное изданіе сочиненій Теофраста, in 4°, относимое къ 1541 году (заглавный листъ оторванъ). — все исписанное латинскими комментаріями бурымъ черниломъ (сепіей), почеркомъ конца XVI вѣка, приписываемыми знаменитому зоологу Конраду Гесснеру. Выше я сдѣлалъ ссылку на болѣе доступное изданіе, имѣющееся въ моей личной библиотекѣ. Существенныхъ отличій указанные отрывки въ обоихъ этихъ изданіяхъ не представляютъ.

изготовленія маленькаго человѣка — гомункула. Нужно взять *semen liquidum*, гноить въ закрытой наглухо тыквенной бутылѣ, потомъ — „сильнымъ гніеніемъ“, въ лошадиномъ желудкѣ; потомъ держать 40 недѣль въ свѣжемъ и тепломъ лошадиномъ желудкѣ, при этомъ питать человѣческой кровью, и тогда получится настоящій жизнеспособный гомункуль, котораго можно воспитать. Лѣшіе, нимфы, гиганты и т. под. давно уже знаютъ этотъ способъ и пользуются имъ. Во 2-ой части „Фауста“ процессъ работы Вагнера надъ созданіемъ гомункула описанъ иначе.

Чтобы не останавливаться на перечисленіи мало любопытныхъ взглядовъ мало извѣстныхъ средневѣковыхъ ученыхъ, я прямо перейду къ изложенію ученія Аѳанасія Кирхера, очень образованнаго и много путешествовавшаго іезуита (1601—1680). Его универсальное геологическое сочиненіе „*Mundus Subterraneus*“ (1-ое изд. въ Амстердамѣ, въ 1664 г., въ 2 томахъ F¹⁰) заключаетъ въ себѣ замѣчательное собраніе идей. Здѣсь мы найдемъ итогъ завѣщанныхъ средними вѣками знаній о природѣ земли, солнца, луны; здѣсь вся физическая геологія съ порою фантастическими теоріями, чаще — оригинальными, чѣмъ заимствованными, здѣсь и горное дѣло, здѣсь и ученіе о деликатныхъ ядахъ, здѣсь и алхимія.

Кирхеръ дѣлитъ находимыя въ землѣ „изображенія“ на нѣсколько категорій. Въ однихъ случаяхъ — это просто естественно явившіяся на неровномъ изломѣ камня фигуры, напоминающія намъ знакомые предметы, какъ облака напоминаютъ иногда драконовъ, скалы — человѣческія фигуры и т. п., а въ другихъ случаяхъ — остатки дѣйствительно существовавшихъ растений и животныхъ. Ему извѣстны окаменѣлыя деревья, стволы которыхъ были пропитаны окаменяющимъ сокомъ (*succus lapidificus*); въ нѣкоторыхъ случаяхъ деревья образуютъ ископаемые угли. Часто находятъ въ слоистыхъ породахъ отпечатки и скелеты рыбъ, отъ тѣла которыхъ сохранилась даже полость. Это

— слѣды потопа, или, вообще, пребыванія воды на данномъ мѣстѣ. На то же указываютъ намъ морскія раковины, остатки раковъ и др.

Но извѣстны случаи, когда въ землѣ находятъ и иного рода предметы: изображенія людей и звѣрей. [Кирхеръ даетъ тутъ рисунки классическихъ геммъ, камней, черепковъ росписныхъ вазъ (?), камешковъ съ рисунками разныхъ животныхъ и т. п.; — во многихъ случаяхъ, въ рисункахъ его замѣтна стилизація, улучшение. Трещины на камняхъ онъ считаетъ настоящими буквами, неровности поверхности излома дополняетъ до полученія отчетливыхъ изображеній.] По его мнѣнью, *Natura lithogenica* стремится подражать живой природѣ и сообщаетъ камнямъ очертанія живыхъ существъ, геометрическія и астрономическія фигуры, рисунки деревьевъ (дендриты), горъ, цѣлые пейзажи и т. п. Многія рельефныя изображенія были вылѣплены сначала природой изъ мягкой глины, которая потомъ отвердѣла. Это — *lusus naturae*. *Spiritus architectonicus* (миѣической Архей — *Ἀρχαῖος*, *Archaeus*), присутствіи этой *Natura lithogenica*, заставляетъ соли, металлы и иныя вещества собираться къ нѣкоторымъ центрамъ и производитъ правильныя формы кристалловъ. Съ теченіемъ времени, *vis lapidifica* дѣлаетъ эти новообразованія твердыми камнями.

Иногда, подъ вліяніемъ всемогущества Божія, природа создаетъ и священныя изображенія. Первымъ примѣромъ является изображеніе Мадонны съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ срединѣ спирали съ фестонами. Намъ теперь очевидно, что это — раковина аммонита съ марказитовою конкреціей въ пупкѣ. Именно марказитъ (сѣрный колчеданъ) образуетъ почковидные наросты, изъ которыхъ легко выдѣлится нѣкоторое подобіе человѣческой фигуры, мнѣ удавалось лично сдѣлать это. Другого рода примѣрами служатъ: статуя Мадонны, яко бы найденная въ арауканскихъ пещерахъ, въ Ю. Америкѣ; найденное въ землѣ Распятіе и т. п.

Кирхеръ, съ Авиценой и Альбертомъ Великимъ, признаеть у земли пластическую (образовательную) силу, направлять которую могутъ Богъ, ангелы и бѣсы. Въ землѣ могутъ развиваться и рости сѣмена животныхъ и растений: такъ, подобно сѣмени растений, могутъ развиваться и икринки рыбъ (по Теофрасту). Броженіе жирной матеріи (*materia pinguis*) въ землѣ даетъ начало червямъ, лягушкамъ, кротамъ, гніеніе органическихъ веществъ — насѣкомымъ; изъ водорослей и вѣтокъ въ водѣ происходятъ угри и миноги, изъ пыли — пауки, блохи, изъ шерсти — моль. Но наиболѣе значенія имѣеть для животнаго и растительнаго міра панспермія. Каждое тѣло имѣеть свое сѣмя. Возможно, что и каждый органъ имѣеть свой элементъ сѣмени. Сѣмя, какъ и душа (животворящій духъ), ирывается невредимо нѣкоторое время даже въ трупѣ, до начала полного и всеобщаго гніенія, но сѣмя — неуничтожимо, и потому при этомъ процессѣ освобождается. Эта тонкая матерія *aura seminalis* — во все проникаеть, и во многихъ мѣстахъ находитъ подходящія условія для развитія новаго тѣла. Съ этимъ взглядомъ мы уже встрѣчались. — Сѣмя имѣеть пластическую и магнетическую способность (*facultas*). Первая даетъ матеріи неорганизованной форму тѣла, а вторая привлекаеть отовсюду нужныя частицы. Основное сѣмя природы — *spiritus salino-sulphureo-mercurialis*, это и есть *Semen universale* (міровое сѣмя). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря смѣшенію различнаго сѣмени, происходятъ чудовища и уроды. Такъ, во Флоренціи былъ пѣтухъ, змѣеобразный, — *Gallus orphiomorphus*. Вѣроятно, мать его склевала змѣиное яйцо... Въ горахъ зарождаются драконы отъ того, что орлы приносятъ туда всяческую добычу: черепахъ, птицъ, ягнятъ, змѣй, даже дѣтей, — все въ одну свою пещеру. Тутъ либо черви, поѣдающіе трупы, превращаются въ драконовъ, либо, при гніеніи остатковъ труповъ, разнородное сѣмя смѣнивается и, проникая въ

почву, даетъ начало страшнымъ драконамъ, иногда оживляющимся, потому что живыя змѣи могутъ происходить, по Альберту Великому, и безъ посредничества себѣ подобныхъ родителей. [Можетъ быть, находки скелетовъ плезиозавровъ дали поводъ къ созданію этой теоріи?] Что касается происхожденія подземныхъ людей — гномовъ и пещерныхъ жителей, извѣстныхъ въ нѣкоторыхъ странахъ, то это, скорѣе всего, творенія злыхъ духовъ¹⁾.

Что же касается гигантовъ, то хотя существованіе ихъ не подлежитъ сомнѣнію, однако, кости, находимыя въ Сициліи или въ Азіи, принадлежатъ, по свидѣтельству арабовъ, звѣрямъ въ родѣ слоновъ и т. п., ибо великаны не могутъ быть столь огромны, какъ приходится опредѣлять на основаніи отношенія длины костей.

Окаменѣніе органическихъ остатковъ представляетъ самый естественный и обычный въ природѣ процессъ. Въ самыхъ тѣлахъ животныхъ имѣется окаменяющая сила. Въдѣ даже въ тѣлѣ человѣка образуются мочевые камни, мозговые, желчные, а въ тѣлахъ звѣрей и птицъ ихъ образуется еще больше.

Вода также пропитываетъ тѣла и отлагаетъ въ нихъ соли, ибо минеральныя соли имѣются въ водѣ, что явствуетъ изъ образованія сталактитовъ и туффовъ. Такимъ образомъ, и кромѣ потопа, есть множество причинъ, производящихъ фигурныя камни.

Послѣдователемъ Аеанасія Кирхера является люцернскій врачъ Николай Лангъ (1670—1741), собравшій въ Швейцаріи огромную коллекцію окаменѣлостей, изобразившій и описавшій ее въ книгѣ „*Historia lapidum figuratorum*“ (Венеція, 1708).

1) О роли подземныхъ духовъ въ созданіи окаменѣлостей писали нѣкоторые авторы, изъ числа коихъ упомяну Либавіа (*Libavius. De Bituminibus*). Я не имѣлъ въ рукахъ его книги, цитирую по соч. Гюбера, (неправильно приписываемому Берингеру — см. ниже).

Первая часть книги посвящена описанію окаменѣлостей. Изображенія ихъ сдѣланы съ великою точностью — рыбы, аммониты, двустворчатыя раковины, морскіе ежи, наконецъ, самыя разнородныя минеральныя конкреціи, кристаллы и сталактиты (всего 63 таблицы). Къ сожалѣнію, Н. Лангу попались конкреціи, напоминающія части человѣческаго тѣла, которыя онъ отнесъ къ группамъ *lapides coliti* и *hysterolithes*, что побудило его, по аналогіи, относиться и къ нѣкоторымъ настоящимъ окаменѣлостямъ, какъ къ безцѣльнымъ произведеніямъ самой земли. Описывая зубы акулъ, какъ загадочныя „*Glossopetra*“, онъ причисляетъ къ нимъ и кремневые наконечники стрѣлъ неолитической эпохи. По поводу этого, не лишнимъ будетъ упомянуть о взглядѣ Плинія, полагавшаго, что такіе наконечники падаютъ изъ грозовыхъ тучъ, и тѣмъ создавшаго печальный прецедентъ. Магюдель (*Mahudel*) въ Парижѣ, въ 1730¹⁾ году представилъ Академіи Наукъ мемуаръ „о стрѣлахъ, считаемыхъ громовыми“, въ которомъ выяснял истинную природу ихъ. Собраніе ученыхъ постановило принять сказанное къ свѣдѣнію, выразить благодарность докладчику, но въ то же время ставило ему на видъ, что онъ напрасно не постарался доказать, почему эти стрѣлы не могли бы образоваться въ облакахъ?

Однако, въ книгѣ Ансельма Боэція де Боодтъ (*Anselmi Boëtii de Boodt* — „*Gemmarum et lapidum historia*“. *Nanoviae*, MDCIX, in 8°) на стр. 239 изображены каменные топоры (*Seraupia*), и, вопреки мнѣнію Агриколы, авторъ сомнѣвается въ томъ, что топоры эти образуются въ тучахъ, во время грозы, и приводитъ основанія своихъ сомнѣній, достаточныя и для временъ Магюделя. На стр. 171, говоря о *Glossopetra*, Боэцій отмѣчаетъ, что и о нихъ нѣкоторые думаютъ, будто глоссо-

1) По Нидерле, („Человѣчество въ доисторич. времена“. Русск. пер. СПБ. 1898 г., стр. IX), а по Г. Мортилье (*Le pré-historique*. Pg. 5) — въ 1743 г.

петра падаетъ изъ тучъ, а на самомъ дѣлѣ, это — „Lapis sui generis“.

Но возвратимся къ книгѣ Ланга.

Вторая часть ея трактуетъ о происхожденіи „фигурныхъ камней“. На 80 стр., въ XI главахъ авторъ развиваетъ свою теорію, аргументируя слѣдующимъ образомъ. Большая часть взглядовъ на происхожденіе окаменѣлостей не выдерживаетъ критики; справедливо заключеніе, что окаменѣлости представляютъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, дѣйствительно превратившіеся въ камень остатки морскихъ животныхъ. Нужно разобрать, какъ они могли попасть въ горныя породы. Бёрнетъ (1681) и его современники Рей и Вудвардъ учили о размягченіи всѣхъ породъ коры земной во время Ноева потопа и погребеніи организмовъ.

Не отрицая возможности этого, Лангъ очень ограничиваетъ число окаменѣлостей, подходящихъ къ этой категоріи: вѣдь украшенія раковинъ и тонкія, какъ бумага, створки поломались бы.

Напротивъ, Лангъ примыкаетъ къ ученію Теофраста. Исходя изъ соображенія, что чаще всего въ горныхъ породахъ находятся кораллы, морскіе ежи и раковины моллюсковъ, онъ подробно разбираетъ способъ размноженія и питанія этихъ животныхъ.

Къ этому времени работы Левенгука и др. доказали размноженіе моллюсковъ посредствомъ яицъ, и отмѣтили весьма малые, иногда микроскопическіе размѣры ихъ (по указанію Ланга, на большомъ пальцѣ человѣка можетъ умѣститься свыше милліона яицъ устрицы). Листеръ и Аристотель свидѣтельствовали, что для питанія устрицъ и другихъ сидячихъ моллюсковъ нуженъ только известковый илъ и грязная, мутная отъ ила вода. Отсюда выводъ: яйца моллюсковъ и нѣкоторыхъ другихъ морскихъ животныхъ могутъ увлекаться испареніями съ океана и, выпадая на землю съ дождемъ и снѣгомъ, проникать вглубь, съ почвенными водами. Кромѣ того, вода моря проникаетъ

въ землю и непосредственно, по подземнымъ каналамъ, проходить по водянымъ жиламъ (позаимствованіе изъ „Mundus Subterraneus“ А. Ф. Кирхера): — такъ, на примѣръ, при изверженіи Везувія, часть воды Неаполитанскаго залива ушла въ землю (по нашему, отхлынула), и она могла при этомъ занести въ водоносные слои икру рыбъ¹⁾.

Aura seminalis, тонкая сѣменная жидкость, привлекаетъ, благодаря прирожденной магнетической силѣ, минеральныя частицы и прочіе потребныя элементы для построенія организма, а сила пластическая формуетъ тѣло.

А такъ какъ моллюскамъ, для питанія и роста, нужны вышеуказанныя вещества, то, слѣдовательно, попавшія въ горную породу (*saxum*) яйца могутъ развивать раковину на подходящемъ по химической природѣ субстратѣ (*matrix*); все же, благодаря отсутствію морской воды, мы никогда не находимъ въ скалахъ живыхъ моллюсковъ. Икринки рыбъ находятъ эту среду — „*matrix*“ — значительно менѣе подходящей, и потому рѣдко развиваются полностью, въ цѣлую рыбу, чаще же всего даютъ только каменистыя части тѣла: кости, чешуи, зубы. О „*vis plastica terrae*“, т. е. о самостоятельной способности земли творить животныя формы, И. Лангъ говоритъ въ очень уклончивыхъ выраженіяхъ.

Хотя за Лангомъ слѣдовало еще нѣсколько писателей этого же направленія, но я не буду уже говорить о нихъ, дабы не утруждать памяти читателя мелочами.

Повидимому, въ XVIII столѣтіи астрологическія воззрѣнія на природу окаменѣлостей уже не пользовались вниманіемъ²⁾.

Прежде Авицена (980—1038) училъ, что обновленіе животнаго міра послѣ потопа произошло путемъ самопроизвольнаго зарожденія изъ влажной и насыщенной продук-

1) Факты выбрасыванія рыбъ и моллюсковъ артезіанскими колодцами уже были извѣстны.

2) Въ 1574 Меркати, въ Римѣ, выяснялъ довольно подробно вліяніе звѣздъ на образованіе окаменѣлостей.

тами гніенія труповъ земли, но для созданія и оживленія такихъ существъ есть нѣкая чудесная божественная сила, вліяющая на матерію при посредничествѣ планетъ. Это вліяніе наблюдается и при рожденіи животныхъ, и при рожденіи растений, т. е. это почти та же идея, что мы уже отмѣтили въ ученіи Агриппы.

Въ дѣйствительности, взгляды этотъ удержался въ извѣстныхъ областяхъ и до нашихъ дней. Въ современныхъ книжкахъ — сборникахъ примѣтъ и полезныхъ рецептовъ есть указанія на то, что овощи удлиненной формы (огурцы) слѣдуетъ садить въ 1-ую четверть луны, а въ полнолуніе нужно садить овощи шарообразныя: тыкву, арбузъ, капусту. Въ поваренной книгѣ Елены Молоховецъ буквально то же говорится о времени соленія огурцовъ и др.

Вѣроятно, въ ученіи о вліяніи звѣздъ на плодородіе земли и животныхъ усматриваются остатки сабеизма. Въ Египтѣ вѣдь астрономически указывалось и отмѣчалось время наступленія разлива; правильное совпаденіе явленій народъ истолковывалъ, какъ причинную связь, и признавшіе вліяніе звѣздъ на неодушевленную природу вскорѣ распространили его на весь одушевленный міръ. Птолемей, написавшій свою „*Μεγάλη Σύνοταξις*“ („Альмагестъ“ арабовъ), далъ характеристику вліянія планетъ, на примѣръ: Луна имѣетъ влажное дѣйствіе, ибо она ближе всего къ землѣ, вызываетъ приливы — и т. д.

Древнѣйшіе алхимики считали планеты не только посредниками между Божествомъ и людьми, но и посредниками въ образованіи металловъ. Такимъ образомъ, золото находилось въ вѣдѣніи Солнца, свинецъ — Сатурна, мѣдь — Венеры, и т. д.

Астрономія дала боковую вѣтвь — астрологию.

Признается вліяніе звѣздъ на ходъ химическихъ реакцій, на броженіе, гніеніе, зарожденіе живыхъ существъ и образованіе окаменѣлостей. Одни учили, что звѣзды —

посредники между природою и Божествомъ, другіе признавали въ ихъ вліяніи нѣкую дьявольскую силу.

Не останавливаясь, по недостатку мѣста, на обзорѣ развитія этой темы, я приведу одинъ печальный примѣръ — судьбу книги уже XVIII столѣтія, авторъ которой подвергъ критикѣ всѣ доселѣ существовавшія и рассмотрѣнныя нами теоріи и взгляды на происхожденіе окаменѣлостей, не удовлетворился ни однимъ изъ нихъ, пытался примкнуть къ астрологическому направленію, но въ концѣ концовъ, остановился на *lusus naturae*, придавъ только этой послѣдней болѣе возвышенный характеръ и нѣсколько обновивъ эту теорію. Я перескажу кратко содержаніе этой книги.

Заглавіе ея — „*Specimen lithographiae Wirceburgensis*“ Георгія-Людовика Гюбера (1-ое изд. въ 1726 году¹⁾).

Авторъ долгое время собиралъ въ окрестностяхъ Вюрцбурга разнообразныя окаменѣлости. Большею частью, это были „аммониты“ (цератиты — въ окрестн. Вюрцбурга развиты отложенія тріаса), раковины, сходныя съ извѣстными морскими родами — *Vucinum*, *Strombus*, *Turbo*, *Pecten*, и т. п. Попадались краббы, иные раки, — но это все не было удивительнымъ: такихъ окаменѣлостей много уже было описано изъ другихъ мѣстъ, — съ нѣкотораго же времени Гюберъ началъ находить въ каменоломняхъ и на склонахъ одного холма болѣе замѣчательныя фигурныя камни: въ однихъ еще можно было видѣть нѣкоторое подобіе окаменѣлостей (въ нашемъ смыслѣ этого слова), но другіе, представлявшіе, напримѣръ, грубое подобіе паутиной сѣти или насѣкомое на цвѣткѣ, или комету съ развитымъ хвостомъ, повергли его въ изумленіе.

1) Второе изданіе было выпущено въ весьма органиченномъ числѣ экземпляровъ, для любителей курьезовъ, въ 1767 году. Въ юрьевской университетской бібліотекѣ имѣется экземпляръ 1-го изданія, которое тщательно собиралъ и уничтожалъ авторъ. Я приложу въ концѣ статьи своей описаніе этой книги,

Эти находки опровергали теорію Всемирнаго потопа, — ибо какъ сохранилась бы при немъ птица на гнѣздѣ или паукъ въ паутинѣ? Или пчела надъ цвѣткомъ? Другія находки опровергали взглядъ, что это — остатки языческихъ временъ, когда древніе германцы дѣлали себѣ амулеты и идоловъ, а при Карломанѣ (въ 40-ыхъ годахъ VIII столѣтія) снесли всѣ ихъ въ одно мѣсто и уничтожили, по приказанію архіепископа, — ибо неужели насѣкомыхъ и сколопендру стали бы боготворить германцы? И зачѣмъ бы они изваяли амулетъ изъ мѣла, когда рядомъ находится крѣпкій известнякъ? Какъ они могли знать столь совершенно строеніе морскихъ организмовъ, напр. *Nautilus* — аборигена тропическихъ морей? Попадаются въ Вюрцбургѣ и скарабеи, похожіе на описанныхъ Кирхеромъ изъ Египта. Пусть они вырѣзаны человѣкомъ, — но вѣдь аммониты находятся въ нетронутыхъ никогда человѣкомъ глубокихъ пластахъ?!

Отвергая ученіе Кирхера о „случайныхъ изображеніяхъ“ и игрѣ природы, Гюберъ отрицаетъ также и „панспермію“, и затѣмъ переходитъ къ критикѣ взглядовъ Н. Ланга и Луидія (*Luidius*¹⁾), сходныхъ, въ общемъ, между собою.

Онъ спрашиваетъ сторонниковъ этихъ взглядовъ:

Какъ долго сохраняетъ свою жизненную силу сѣмя?

Можетъ ли оно, безъ вреда для себя, уноситься далеко отъ океана?

Какъ проникаетъ оно въ плотныя породы, въ родѣ мрамора?

Какъ въ твердой горной породѣ животныя дорастаютъ до полной величины своей?

Почему степень сохраненія остатковъ неодинакова?

Какъ питаются въ землѣ рыбы и пр., чтобы расти?

1) Англичанинъ *Lhwyd*, живній въ концѣ 1600 и началѣ 1700 годовъ.

Если сѣмя освобождается изъ тѣлѣ при гшениі, то гдѣ гнѣютъ и какое сѣмя имѣютъ солнце, луна, звѣзды, кометы, еврейскія и латинскія буквы, — или какая игра природы здѣсь?

Все это — пустыя фантазіи.

Лангъ отрицаетъ вліяніе звѣздъ на минеральную матерію, ибо она мало подвижна. Звѣзды болѣе вліяютъ на подвижные соки живыхъ организмовъ. — Аргументація Ланга слаба!

Колыбель фигурныхъ камней нужно искать только въ самой землѣ. Правда, таинственная сила ея, указанная еще Аристотелемъ, и въ XVII вѣкѣ рекомендуемая особенно Плотіемъ и Гельвингіемъ, представляетъ много неяснаго, но она нѣсколько ближе опредѣляетъ природу окаменѣлостей.

Богъ удѣлилъ Природѣ часть своей творческой силы, и Природа творить. Интересны изображенія свѣтилъ небесныхъ, отпечатавшіяся на камняхъ. Можетъ быть, лучи свѣтилъ сами могутъ рисовать ихъ? Это послѣднее объясненіе предложено однимъ другомъ Гюбера, пожелавшимъ остаться въ неизвѣстности, но опытъ не подтверждаетъ этой гипотезы, ибо свѣтъ проникаетъ только сквозь прозрачныя тѣла.

Божественная Сила нашла въ Природѣ чувство благодарности: на нѣкоторыхъ камняхъ еврейскими буквами¹⁾ было написано יהוה (Jahveh), а изъ другихъ — складывались фразы משיח רבני חיל דמך פרותינו חайль дамхà педутѣну, т. е. „Мессія — учитель, сила и кровь Твоя — искупленіе наше“. Еще до опубликованія книги Гюбера, кто-то, очевидно, усомнился въ происхожденіи

1) Въ тогдашней минералогіи былъ уже извѣстенъ т. наз. „еврейскій камень“ — „письменный гранитъ“, гдѣ кристаллы темнаго и прозрачнаго кварца дѣйствительно выступали на отшлифованной поверхности въ видѣ еврейскихъ письменъ, изъ которыхъ мѣстами слагались даже слова.

этихъ камней, ибо авторъ (въ двѣнадцатой главѣ) старается отклонить отъ своихъ помощниковъ въ коллектированіи всякія подозрѣнія: это честные и наивные мальчики и юноша, дѣти бѣдныхъ, но нравственныхъ родителей, — они не способны на обманъ.

Но когда книга была уже напечатана и допущена къ защитѣ въ качествѣ диссертаци, студенты сознались автору, что это они, ради шутки, изготовляли и зарывали въ мѣстѣ коллектированія разныя изображенія, и онъ принялся собирать и уничтожать экземпляры своей книги, но нѣсколько ихъ разошлось по разнымъ бібліотекамъ.

Какъ понять слова Циттеля: „von Beringer... Versteinerungen... abgebildet und beschrieben sind, welche von Studenten fabriciert und dem leichtgläubigen Professor in die Hände gespielt wurden. Als schliesslich auch der eigene Name Beringer zum Vorschein kam, konnte die Mystification nicht länger verborgen bleiben. Beringer suchte sein bereits veröffentlichtes Werk aufzukaufen und zu vernichten“?...

Остается заключить, что Берингеръ согласился со взглядами Гюбера и началъ развивать ихъ? Но тогда зачѣмъ выраженіе: „Beringer suchte sein[-es] Werk?“ Я полагаю, что всѣхъ ввело въ заблужденіе то обстоятельство, что въ заглавномъ листѣ представленной диссертаци скромный авторъ напечаталъ жирнымъ шрифтомъ, буквами въ 6^{1/2} миллиметровъ высотой, имя декана, на срединѣ листа, а свое имя болѣе тонкими, тѣснѣе поставленными буквами, въ 5 миллиметровъ высотой, — внизу, черезъ 10 строкъ; читать же почтительнѣйшее посвященіе книги князю-епископу никому въ голову не приходило. Поэтому я думаю, что все написанное Циттелемъ и Сапперомъ къ Берингеру относить не должно, и нужно старика въ концѣ концовъ реабилитировать.

Послѣ всего изложеннаго, не удивительно, если у людей, неспособныхъ къ самостоятельнымъ наблюденіямъ и не имѣвшихъ достаточной естественно-исторической подготовки,

скептическія толкованія имѣли нѣкоторый успѣхъ. Скептическимъ толкованіемъ я назову: 1) ссылки на „случайныя изображенія“ (А. Ф. Кирхера), 2) ученія, разсматривавшія раковины моллюсковъ и пр., какъ простыя минеральныя конкреціи, происходящія въ глинѣ и известнякѣ отъ дѣйствія сѣрнистыхъ испареній. При этомъ, обычно, дѣлались ссылки на выполненіе аммонитовъ сѣрнымъ колчеданомъ. Въ книгѣ Фабіо Колонна (*Osservazioni sugli animali aquatici e terrestri*. 1626) есть опроверженіе этой теоріи, а нѣкоторая разработка ея замѣтна у Агриколы.

Георгъ Бауэръ, латинизировавшій свое имя въ *G. Agricola* (Саксонія, 1494—1555), и Конрадъ Гесснеръ (1516—1565) очень остерегались высказываться о природѣ окаменѣлостей, но явно склонялись ко взгляду, что жирная матерія въ нѣдрахъ земли и въ почвѣ, подъ вліяніемъ солнечнаго тепла, приходитъ въ броженіе и даетъ землистыя оболочки тѣлъ, (припомнимъ взгляды Фаллопіо, см. выше, стр. 106—107), подобныя нѣкоторымъ извѣстнымъ животнымъ. Кромѣ того, сѣристыя испаренія производятъ стяженія, конкреціи, въ массѣ горныхъ породъ. Такъ происходятъ и правильные кристаллы. Для окаменѣлаго дерева, нѣкоторыхъ раковинъ и останковъ рыбъ они допускали органическое происхожденіе подъ вліяніемъ пропитыванія окаменяющими растворами солей.

Фаллопіо тоже указывалъ три сорта окаменяющихъ соковъ. Парацельсъ объяснялъ окаменѣніе тѣлъ животныхъ пропитываніемъ ихъ сѣрно-ртутнымъ соединеніемъ (*spiritus*), о чемъ можно также найти разсужденія у А. Ф. Кирхера. Въ книгѣ Ансельма Боэція де Боодтъ (см. выше, стр. 34) большая часть окаменѣлостей разсматривается, какъ чисто-минеральныя образованія *su i generis*: морскіе ежи и др. „*echinites, glossopetra, belemnites, ceraunia, calamites, conchites, ostracites*“ и т. д. — они напоминаютъ извѣстныя формы животныхъ и растений, и потому называются такъ.

Тѣмъ не менѣе, на стр. 266 и далѣе авторъ подробно указываетъ мѣста, гдѣ дерево окаменѣваетъ, гдѣ могутъ окаменѣть и иные органическіе остатки. Большею частью, рѣчь идетъ объ образованіи туффовъ и о сильно минерализованныхъ источникахъ.

Листеръ, лейбъ-медикъ королевы Анны, (жившій 1638—1711), разсматривалъ ископаемыя раковины, какъ минеральныя образованія *sui generis*, имѣющія дѣйствительно форму настоящихъ морскихъ раковинъ. Онъ разсуждалъ такъ: въ глубинѣ моря растворенныя соли притягиваются и уплотняются вокругъ моллюсковъ и др. животныхъ такъ, что образуютъ раковину или скорлупу. Почему же растворы тѣхъ же солей, циркулируя въ землѣ, не могутъ образовывать совершенно такихъ же стяженій — раковинъ?

А. е. Кирхеръ, въ описаніи своего путешествія и древностей египетскихъ, считаетъ нѣкоторыя египетскія изваянія — случайными формами скалъ, происшедшими безъ участія рукъ человѣческихъ, но, возможно, подъ вліяніемъ вѣтра изъ пустыни. И въ XVIII столѣтіи какой-то путешественникъ думалъ такъ же. Нѣкоторые ломбардскіе ученые приписывали вѣтру изъ Африки (Сахары) — сирокко — видную роль въ созданіи окаменѣлостей. Это легко объяснить тѣмъ, что сирокко приноситъ въ Италію дождевыя тучи, производитъ сильныя измѣненія погоды, при чемъ, конечно, на склонахъ горъ и въ долинахъ появляется множество вымытыхъ изъ земли раковинъ и др. окаменѣлостей, древнихъ сосудовъ и т. п.

Вольтеръ въ статьѣ „De coquilles“ (для Энциклопедіи ¹⁾) разсуждаетъ такъ: горы и долины образованы размывающею дѣятельностью моря. Море неоднократно вторгалось и поглощало сушу, напр. въ Нидерландахъ, Атлан-

1) Oeuvres completes de M. de Voltaire. Изд. Sanson & Cie. 1792. Tome 55, стр. 310—327.

тиду и т. п. Ничего поэтому нѣтъ удивительнаго, если мы находимъ на склонахъ горъ раковины. Но высочайшія горы — Кавказъ, Пиренеи, Альпы образованы не дѣятельностью океана. На высотахъ ихъ не находятъ обычно раковинъ, а если и находятъ иногда, какъ напр., одинъ натуралистъ на Мон-Сенисъ, то это либо раковина, упавшая со шляпы пилигрима (таковыя шляпы иногда бываютъ густо обшиты раковинами восточныхъ морей), либо раковина какого-нибудь изъ альпійскихъ озеръ. Иногда находятъ въ землѣ римскія медали, но вѣдь ихъ не считаютъ окаменѣлостями? И находка ¹⁾ костей гиппопотама и сѣвернаго оленя близъ Этампа (окр. Парижа) не достаточна, чтобы „de-là on conclue que le Nil et la Lapponie avaient été autrefois sur le chemin de Paris à Orléans“. Вѣроятное подозрѣвать, что скелеты эти раньше были въ музеѣ какого-нибудь любителя рѣдкостей. Скопленія различныхъ раковинъ вовсе еще не доказываютъ присутствія моря на мѣстахъ ихъ, т. к. въ рѣкахъ бываютъ тоже разнообразныя раковины, а кромѣ того, наземныя виноградныя улитки (*Helix pomatia*, *fruticosa* и др.) достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ и появляются иногда безчисленными массами, настоящихъ же морскихъ раковинъ Вольтеръ, по его словамъ, никогда въ землѣ не находилъ. Наконецъ, почему не предположить, что земля можетъ производить минеральныя образованія, похожія на раковины, какъ производитъ т. наз. „моховыя агаты“, напоминающіе растенія, затѣмъ, въ сталактитовыхъ пещерахъ мы находимъ изумительное разнообразіе случайныхъ формъ, похожихъ до иллюзіи на фигуры животныхъ и даже людей.

Однако, въ Турени, въ 30—40 лье отъ берега моря, дѣйствительно находятся громадныя скопленія раковинъ. По этому поводу не будетъ лишнимъ вспомнить ученіе Пифагора, въ передачѣ Овидія (*Metamorph. XV*, см.

1) Вольтеръ относится скептически къ этому факту.

выше), и признать, что океанъ нѣкогда покрывалъ часть нынѣшней суши. Тѣмъ не менѣе, нужно считать безусловно невѣрнымъ и преувеличеннымъ указаніе на то, что близъ Парижа находятся также скопленія раковинъ отложенныхъ моремъ. Во взятыхъ образцахъ известняка, мергеля и гипса оказалось лишь небольшое число какихъ-то раковинъ, расположенныхъ безъ всякаго порядка. Если бы океанъ отступилъ съ суши повсемѣстно, то тогда и на равнинахъ Голландіи, Германіи, Помераніи и Россіи должны были бы остаться подобныя же фалѣни, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Что же касается способовъ занесенія раковинъ, то извѣстно, что иногда раковинами удобряютъ поля, какъ гипсомъ. Если, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, считать раковины, о которыхъ идетъ рѣчь, слѣдами чрезвычайно отдаленной отъ насъ эпохи ббльшаго распространенія океана, то какъ объяснить хорошую сохранность (свѣжесть) этихъ раковинъ? Мнѣніе извѣстныхъ натуралистовъ (physicien) о томъ, что известняки образуются изъ раздробленныхъ и перетертыхъ раковинъ совсѣмъ неосновательно. „J'avoue que j'ai examiné pendant douze ans de suite la pierre à chaux que j'ai employée, et que ni moi, ni aucun des assistans n'y avons aperçu le moindre vestige de coquilles“.

Извѣстный парижскій керамистъ Б е р н а р д ъ П а л и с с и , доказывавшій (въ 1580), что въ глубокихъ земныхъ пластахъ находятся настоящія раковины, свидѣтельствующія о пребываніи моря или прѣсныхъ водъ (судя по родамъ моллюсковъ) на этомъ самомъ мѣстѣ, въ глубокой древности, — по мнѣнію В о л ь т е р а , былъ только шарлатанъ и фантазеръ (un peu visionnaire). Предложеніе П а л и с с и выдать денежную премію тому, кто докажетъ ложность его ученія, кажется В о л ь т е р у не чѣмъ инымъ, какъ „une espèce de charlatanerie“, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ него достается и Р е о м ю р у съ его школою за солидарность со взглядомъ П а л и с с и .

Равно рѣзко критикуетъ онъ теорію de Maillet'a,

(издаваемаго книги въ 1715 и 1718 подъ анаграммоу-псевдонимомъ *Telliamed*, и раскрывшаго его въ по-смертномъ изданіи 1748). Въ теоріяхъ этихъ, дѣйстви-тельно, много смѣлаго, но непродуманнаго и совсѣмъ не-лѣпаго. По его мнѣнію, земной шаръ сначала былъ сплошь покрыта водою, потомъ количество воды уменьшалось по-степенно, появились острова и континенты, на которыхъ можно наблюдать пласты осадочныхъ породъ съ морскими окаменѣлостями. Морскіе низшіе организмы трансформиро-вались, съ теченіемъ времени, въ рыбъ, рыбы въ гадовъ, птицъ и въ млекопитающихъ, и наконецъ въ человѣка, при чемъ ближайшіе предки человѣка имѣли еще рыбій хвостъ.

Въ 1749 г. Вольтеръ опубликовалъ „*Dissertation sur les changemens arrivés dans notre globe*“¹⁾. Въ этой статьѣ онъ возстаеъ противъ заблужденій философовъ и натуралистовъ и опровергаетъ ихъ тѣми же аргументами и частію тѣми же словами, что въ выше приведенной статьѣ для „Энциклопедіи“. По поводу находокъ ископаемыхъ рыбъ въ горахъ Малой Азіи и въ Альпахъ Вольтеръ говоритъ, что онѣ вовсе не доказываютъ былого существованія здѣсь моря или рѣки, а, скорѣе всего, были занесены путешественниками, въ качествѣ съѣстныхъ припасовъ на дорогу, испортились, были выбро-шены и окаменѣли, съ теченіемъ времени.

Часто находимые въ горахъ Европы и др. частей свѣта спиральные „Аммоновы рога“ считаются натуралистами за раковины животнаго *Nautilus*, обитающаго въ Индійскомъ океанѣ. Отсюда логически вытекаетъ, что Индійскій океанъ нѣкогда затоплялъ Европу. Это, однако, недопу-стимо. Длинный рядъ натуралистовъ, начиная мудрецами Индіи и до дней Вольтера (продолжимъ — до смерти Кювье) признавалъ и отстаивалъ идею, что земля не-однократно испытывала катастрофы, къ категоріи коихъ

1) См. въ томъ же изданіи, т. 43.

принадлежить и всемірный Ноевъ потопъ. Очень многіе изъ нихъ даютъ землѣ непостижимо огромный возрастъ (многіе милліоны лѣтъ). Все это Вольтеръ считаетъ неосновательными и праздными фантазіями.

Въ книгѣ „Des singularités de la Nature“ (ibidem. Т. 43) онъ возвращается къ тѣмъ же темамъ. Глава I — *des pierres figurées* касается т. наз. моховыхъ агатовъ и дендритовъ, т. е. чисто-минеральныхъ образованій. Доказывая, что это — вовсе не остатки растеній, Вольтеръ сейчасъ же, по аналогіи, отрицаетъ органическое происхожденіе отпечатковъ рыбъ. Въ гл. VII — *de la pierre* — превосходно характеризуетъ нормальные и развернутые аммониты, и, не желая признавать ихъ раковинами, считаетъ просто минеральными образованіями. Въ сатирическихъ письмахъ патера и монаха-повара, напечатанныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Les colimaçons“, прямо указывается, что ни на горахъ, ни въ долинахъ рѣкъ не находятъ раковинъ, за исключеніемъ буквально нѣсколькихъ экземпляровъ, происхожденіе которыхъ легко объяснить и безъ участія моря. Въ долинахъ рѣкъ, впрочемъ, можно ожидать найти скопленія раковинъ прѣсноводныхъ моллюсковъ, а одинъ изъ корреспондентовъ, гастрономъ-монахъ, удивляется, почему, при рѣшеніи вопроса, забыли обыкновенныхъ виноградныхъ улитокъ? (Письма эти заключаютъ тѣ же аргументы противъ принятія ученія о бывшемъ покрытіи моремъ значительныхъ пространствъ нынѣшней сунни, что и въ указанныхъ выше статьяхъ. Только по вопросу о раковинахъ фалёней Турени уже опредѣленно говорится, что скопленія эти не могутъ быть морскими, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, не годились бы для удобренія полей, ибо содержали бы много соли. — А въ статьѣ для „Энциклопедіи“ онъ самъ указывалъ, что мергель фалёней слабо солончатъ на вкусъ! — Ихъ правильнѣе считать просто залежью мергеля съ содержаніемъ нѣкотораго числа раковинъ прѣсноводнаго и наземнаго происхожденія.)

Конечно, къ голосу Вольтера прислушивался весь образованный міръ, но ни для кого не было тайной, что весь походъ имъ предпринять исключительно съ цѣлью разрушить вѣру въ ученіе Моисея, доказать ложность и неправдоподобіе его космогоніи и всѣхъ чудесныхъ элементовъ. Во всѣхъ странахъ работали крупные ученые, стараясь выяснить, насколько нарождающаяся новая наука объ исторіи земли расходится или согласуется съ данными Св. Писанія?

Неизбѣжность логическихъ заключеній приводила къ необходимости принимать огромные періоды, вмѣсто 7000 лѣтъ каноническихъ. Такъ, напр., Бюффонъ требуетъ (въ 1778 г.) 52936 лѣтъ для періода, съ момента отдѣленія массы земли отъ солнца и до образовапія океана, а потомъ, до появленія человѣка — еще весьма значительный срокъ.

Въ Россіи Ломоносовъ, въ 1763 году, писалъ: . . . „Натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. Не токмо небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божию“. Исторія земли требуетъ большаго числа лѣтъ, чѣмъ даетъ намъ толкованіе Отцовъ Церкви. Но вѣдь количество лѣтъ, протекшихъ отъ сотворенія міра до Рождества Христова не опредѣлено съ точностью (5515, 5351, 3941 и др.). О шести дняхъ творенія не нужно особенно задумываться, такъ какъ въ буквальномъ смыслѣ слово „дни“ понимать не годится. Василий Великій показалъ примѣръ научнаго отношенія къ даннымъ Св. Писанія, и мы должны слѣдовать его примѣру.

Я полагаю, что Ломоносовъ имѣлъ въ виду „Бесѣды на Шестодневъ“, именно бес. 2-ую „о томъ, что земля была невидима и неустроена“ (Бытія I, 2). Это знаменуетъ уже рѣшительный поворотъ на новый путь. Геологическая наука дѣлаетъ первые младенческіе шаги. Всѣ безъ исключенія изслѣдователи согласны, что современная геологія зародилась въ концѣ XVIII вѣка, и

отцемъ ея считаютъ Г. Вернера (Саксонія). Даже его заблужденія принесли существенную пользу. Новая наука рѣшила идти своимъ путемъ, работать своими методами, въ увѣренности, что истина одна для всѣхъ наукъ, и что раньше или позже всетаки пути науки и религіи сольются и человѣкъ сможетъ идти одною прямою дорогою къ истинному познанію. Въ то вѣрилъ Ломоносовъ, въ то вѣрили и крупнѣйшія геологическія силы уже XX вѣка — Лапранъ (во Франціи), Н. А. Соколовъ (въ Россіи). Оба умерли въ 1907 году; нынѣ здравствующихъ я не называю. Они не желали и не искали компромисса для примиренія сказаній Моисея съ новѣйшими выводами ихъ науки: они ждали и вѣрили, что настанетъ моментъ, когда будутъ ненужны компромиссы.

А вѣдь все искапіе среднихъ и новыхъ вѣковъ, вплоть до конца XVIII столѣтія, представляло лишь поиски компромисса.

Ученымъ языческой древности тоже былъ нуженъ онъ, но мы не можемъ пока опредѣлить, почему именно? Мы знаемъ, что догмы защищались народомъ, и знаемъ, что общественнымъ мнѣніемъ прикрывались враги Сократа. Платонъ сумѣлъ найти компромиссы!

Христіанскіе ученые Европы и правовѣрные мусульмане хотѣли примирить сказаніе о Ноевомъ потопѣ и дняхъ творенія съ тѣми выводами, на которые наталкивали ихъ находки окаменѣлостей, и если не могли примирить эти выводы съ дюлювіальной теоріей, призывали на помощь „пластическую силу земли“, или даже закрывали глаза, увѣряя, что это — случайныя конкреціи, игра природы. Джордано Бруно не захотѣлъ компромисса, и названъ ересіархомъ. Леонардо да Винчи, по великой скромности своей, не распространялъ своего ученія, и всетаки находился подъ церковнымъ наблюденіемъ (его судили раньше по обвиненію въ оскорбленіи общественной нравственности, что заставило его вообще быть очень осторожнымъ въ своихъ поступкахъ).

Въ началѣ XVII вѣка Кеплеръ, Галилей, въ концѣ — Ньютонъ показали, что наблюдение и анализъ должны лечь въ основу теорій. Вѣковыя доктрины были поколеблены, разрушены и замѣнены новыми. Изъ наслѣдства прежнихъ вѣковъ оставлены были лишь наблюдения и факты: астрономическія таблицы и т. п. Критическое движеніе въ XVII вѣкѣ захватило всѣ отрасли естественныхъ наукъ. Это самый интересный вѣкъ въ ихъ исторіи!

Вѣкъ XVIII сначала наблюдалъ, собиралъ... а подъ конецъ далъ скептическую и всеотрицающую школу. Но эта реакція не была длительною. Наступающій XIX вѣкъ принимаетъ очищенное критикою XVII, умноженное и обновленное собираніемъ XVIII сокровище человѣческихъ знаній и смѣло пускаетъ его въ оборотъ.

Моя статья не имѣетъ вовсе цѣлью дать историческій очеркъ развитія ученія о происхожденіи окаменѣлостей и о значеніе ихъ для познанія исторіи земли. Статья съ такимъ содержаніемъ, дѣйствительно, нужна была въ русской литературѣ, потому что книга Ч. Ляйелля „Основныя начала геологіи“ (Москва, 1866) сдѣлалась библиографическою рѣдкостью. Я воспользовался изъ нея многими указаніями. Сильныя впечатлѣнія, полученныя въ ранней юности при чтеніи этой книги, живы до сихъ поръ, и чуть ли не они влекли меня къ изученію старой литературы въ оригиналѣ.

Статья проф. Саппера по исторіи геологіи въ I томѣ „Вселенной и Человѣчества“ (изд. т-ва „Просвѣщеніе“) болѣе доступна читающей публикѣ, и даетъ несравненно болѣе полную картину, чѣмъ предлагаемая моя статья, но въ ней нѣтъ нѣкоторыхъ характеристикъ, приведенныхъ мною. Наконецъ, „Исторія Геологіи и Палеонтологіи“ Циттеля — на нѣмецкомъ языкѣ, при томъ въ Россіи рѣдко встрѣ-

чается, и наконецъ, слишкомъ спеціально написана, чтобы пріобрѣсти широкій кругъ читателей среди не-геологовъ.

Въ курсѣ геологіи проф. А. А. Иностранцева историческій очеркъ написанъ очень сжато, хотя такъ, что съ дѣтства врѣзался мнѣ въ память. Въ книгахъ Мушкетова, Неймайра и нѣк. другихъ опять-таки мы найдемъ немного. Кромѣ того, самый тонъ Неймайра недостаточно объективенъ: „Они заблуждались! они заблуждались!“ можно резюмировать его историческую главу.

Итакъ, моя статья не историческій очеркъ. Она, скорѣе, — собраніе матерьяловъ къ исторіи культуры и мысли въ Европѣ, и предназначена она не для геологовъ-спеціалистовъ, которые найдутъ все указанное въ ней и у Читателя: моя статья — сводъ выписокъ изъ старыхъ книгъ нашей (юрьевской) университетской бібліотеки.

[Wagner] Es ist ein gross Ergötzen,
Sich in den Geist der Zeiten zu versetzen,
Zu schauen, wie vor uns ein weiser Mann gedacht,
Und wie wir's dann zuletzt so herrlich weit gebracht.

[Faust] O ja! bis an die Sterne weit!
Mein Freund, die Zeiten der Vergangenheit
Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln;
Was ihr den Geist der Zeiten heisst,
Das ist im Grund der Herren eigner Geist,
In dem die Zeiten sich bespielen.

Приложение.

Описание книги: **Lithographiae Wirceburgensis**, ducentis lapidum figuratorum, a potiori insectiformium, prodigiosis imaginibus exornatae **Specimen Primum**, quod in dissertatione inaugurali physico-historica, cum annexis corollariis medicis, *authoritate et consensu* inclytæ Facultatis Medicæ, in Alma Eoo-Francica Wirceburgensium Universitate, Praeside Praenobili Clarissimo et Expertissimo Viro ac Domino **Dr. Johanne Bartholomæo Adamo Beringer**, Phil. et Med D-re Facultatis Medicæ h. t. Decano, . . . *exantlatis de more rigidis examinibus*, pro Suprema Doctoratus Medici Laurea, annexisque Privilegiis rite consequendis, publicæ Litteratorum disquisitioni submittit **Georgius Ludovicus Hueber** Herbipolensis, AA. LL. et Philosophiæ Baccalaurus, Medicinæ Candidatus. In consueto auditorio Medico. Anno MDCXXVI. Mense Majo, Die... Prostat Wirceburgi apud Philippum Wilh. Fuggart, Bibliopolam... Typis M. A. Engmann.

На второмъ листѣ слѣдуетъ посвященіе [Immortali gloriæ] Князю Государю (Domini) Христофору Франциску, епископу Вюрцбургскому, Герцогу Франконии Восточной (Franciæ Orientalis Ducis), опять подписанное: **Servorum infimus et devotissimus Georgius Ludovicus Hueber.**

Изъ всего этого явствуется, что книга написана Гю-

беромъ, а не Адамомъ Берингеромъ, деканомъ, коему приписаль ее Циттель въ своей „Истории Геологіи“¹⁾ и Карль Сапперъ въ I томѣ „Weltall und Menschheit“ (Н. Кгамег²⁾).

Книга издана in 4⁰ (сантиметровъ 35×20, обрѣзана мало), X+96 страницъ, 21 рѣзанная на мѣди таблица. Шрифтъ латинскій, очень красивый, крупный. Въ виньеткахъ — растительный орнаментъ.

Передъ титуломъ книги фронтисписъ-картина, изображающая холмистую мѣстность и (условно) городъ Вюрцбургъ. Холмы покрыты виноградниками, на первомъ планѣ гора, сложенная изъ глыбъ камня со всѣми окаменѣлостями, описанными въ книгѣ. На вершинѣ стоитъ обелискъ, а на концѣ его сіяющій треугольникъ съ именемъ Іеговы (еврейскими буквами). Ниже — гербъ духовныхъ князей Вюрцбургскихъ изъ Франконскаго Дома, подъ княжескою короною, щитодержателями являются амуры³⁾.

На холмѣ четыре Музы съ фигурными камнями или изображеніями ихъ въ рукахъ и пр., между ними сидитъ Геній-младенецъ со скрижалю, на которой пишетъ (неотчетливыя) еврейскія буквы. У подошвы холма два ребенка разсматриваютъ камень съ изображеніемъ ящерицы. Впереди всего сидитъ Аполлонъ съ лирою и въ лавровомъ вѣнкѣ. Лѣвою рукою онъ держитъ лавровую вѣтвь, а правую указываетъ на гору. На каменной баллюстрадѣ эпиграмма:

Edidit innumeras species partimque figuras,
Reddidit antiquas, partim nova monstra creavit.

Ovid. L. i. Metam.

1) Geschichte der Wissenschaften in Deutschland; Neuere Zeit. Bd. 23. München — Leipzig 1899. Seite 21—22.

2) Русскій переводъ подъ ред. проф. А. С. Догеля, изд. Т-ва Просвѣщеніе. СПб. 1904.

3) Гербъ этотъ блазонированъ во многихъ соч. Ср. Dr. J. W. Triers. Einleitung zu d. Wappen-Kunst (стр. 329). Leipzig, 1714, и C. Bussingio. Kurzgefasste Herolds-Kunst. Hamburg, 1713.

На табл. I изображены куски камня съ лягушками, ящерицами, рѣчнымъ ракомъ, сколопендрою, скорпиономъ, насѣкомыми, улитками, раковинами, червями и крупными яйцами.

Табл. II — странныя образованія. Верхнія ихъ нѣхъ — розетки — могутъ быть сочтены губками, а три парныхъ изображенія — ядрами брюхоногихъ моллюсковъ, хотя на рисунокѣ они больше напоминаютъ куколокъ бабочекъ. 4 изображенія непонятны вовсе.

Табл. III. 3 изображенія звѣздъ — четырехъ-пяти-и шести-конечныхъ, съ вѣрообразными хвостами, какъ у кометъ; 1 изображеніе полумѣсяца со звѣздою возлѣ; 1 изображеніе полумѣсяца въ сіяніи (розеткѣ); 1 изображеніе „солнца“, съ глазами, носомъ, ртомъ, — въ сіяніи (розеткѣ).

Табл. IV. 3 изображенія птицъ съ раскинутыми крыльями; 1 птица въ родѣ грача, идущая, изображена въ профиль, съ лѣваго бока; 2 птицы на яйцахъ, по художественному выполнению вполне сходны съ „жаворонками“ изъ тѣста, которыхъ пекутъ на Благовѣщенье; 1 грубое подобіе скелета птицы: голова, ноги, ребра есть, а крыльевъ и грудныхъ костей нѣтъ.

Табл. V. 2 грубыхъ изображенія раковинъ *Ceratites nodosus* (?), 1 конкреція, 3 грубыхъ изображенія раковинъ *Lamellibranchiata* и *Gasteropoda*; 3 изображенія маленькихъ жабъ.

Табл. VI. Очень грубыя изображенія листьевъ, вѣточекъ (дубовый листь съ желудями) и цѣлыхъ растеній, съ цвѣтами, корнями и листьями: лютика, подорожника, *Cyclamen*. При подорожникѣ — раковина улитки (*Helix*); при цвѣткѣ ромашки — оса. Всего 11 изображеній.

Табл. VII. 10 камней съ благочестивыми еврейскими надписями; на четырехъ камняхъ можно различить какъ бы слѣды раковинъ моллюсковъ.

Табл. VIII. 9 камней. На двухъ изображены черви, на четырехъ — ползущія улитки *Helix*, вытянувшія рожки (глазные отростки), а на двухъ — слизни (*Limax*), тоже ползущіе, съ вытянутыми рожками.

Табл. IX. 17 камней, а на нихъ неопредѣлимья насѣкомья, тысяченожка, сколопендра, гнѣздо осы и какія-то многоногія существа.

Табл. X. 2 камня — пауки въ паутинѣ, 4 — пауки безъ паутины, 1 камень — паукъ поймалъ челюстями муху, 5 камней — клещи.

Табл. XI. 12 камней: на одномъ — раковина, на одномъ — сколопендра, а на прочихъ — неопредѣлимья сегментированныя животныя въ родѣ личинокъ жуковъ и аннелидъ.

Табл. XII. 10 камней съ жабами или лягушками, при чемъ на двухъ камняхъ — копулирующія пары.

Табл. XIII. 9 камней; на 8 — ящерицы съ тѣломъ, т. е. мягкими частями, а на одномъ — грубое изображеніе скелета ящерицы. Средшій нижшій рисунокъ, вѣроятно, изображаетъ просто конкрецію.

Табл. XIV. 14 камней, съ крылатыми насѣкомыми въ родѣ мухъ (т. е. по два крыла), а на одномъ — иодобіе пчелиныхъ сотовъ и пчелы. На двухъ камняхъ — копулирующія пары.

Табл. XV. 9 камней съ крупными крылатыми фантастическими существами (отъ 6 до 9 сантиметр. въ длину), и только на верхнемъ камнѣ — копулирующія мухи.

Табл. XVI. Странныя подобія летящихъ насѣкомыхъ (жуковъ?) въ 6—8 см. длиною; всего 10 камней.

Табл. XVII. 12 грубыхъ изображеній въ родѣ шпакскихъ мухъ, 1 кузнечика, 1 широкаго жука и 1 куколки.

Табл. XVIII. 12 камней съ жуками. Изъ нихъ 2 жука-олена, 1 пара майскихъ жуковъ (?) въ копуляціи.

Табл. XIX. 5 раковъ въ родѣ рѣчного, 3 скорпиона.

Табл. XX. 4 крабба, 2 фантастическихъ рака (?)

Табл. XXI. 5 камней съ грубыми изображеніями рыбъ, 4 камня съ изображеніями отвратительныхъ существъ, имѣющихъ отдаленное сходство съ саламандрами.

Гюберъ объясняетъ эти изображенія нѣсколько иначе.

Всѣ изображенія на таблицахъ показаны бѣлыми на сѣромъ фонѣ, видимо, вполне рельефными и даже иногда почти отдѣленными отъ пластинки камня. Грубость выполнения оригиналовъ усугублена довольно плохую гравировкою. Граверъ не выполнялъ нѣкоторыхъ основныхъ правилъ своего искусства при наложеніи тѣней.

Содержаніе книги раздѣлено на Proemium и 14 главъ, при чемъ послѣдняя заключаетъ объясненіе таблицъ.

Гл. I опровергаетъ мнѣнія о литологіи, какъ о пустой и бесполезной наукѣ. Обзоръ литературы.

Гл. II. Описаніе холма и природы находимыхъ въ немъ фигурныхъ камней.

Гл. III. Сопоставленіе и пересмотръ взглядовъ различныхъ авторовъ на происхожденіе фигурныхъ камней.

IV. Вюрцбургскіе фигурные камни — не остатки языческихъ временъ.

Гл. V. Остроумное предположеніе одного лица объ участіи пластической силы свѣта въ произведеніи нашихъ камней. Критика его.

Гл. VI и VII. Сѣмя морскихъ животныхъ не можетъ быть причиною происхожденія нашихъ камней.

Гл. VIII. Хотя разныя нани окаменѣлости и вполне сходны съ морскими произведеніями, но, какъ доказывается, не могли попасть въ нашъ холмъ ни съ волнами потопа, ни по подземнымъ ходамъ.

Гл. IX. Если камни нани — не искусственное произведеніе, а произведеніе природы, то все же ихъ нельзя считать случайными изображеніями (въ смыслѣ А. Ф. Кирхера).

Гл. X. Описание камней съ еврейскими буквами.

Гл. XI. Рѣшеніе вопроса: представляютъ ли камни наши произведеніе руки человѣческой, по невѣдомымъ причинамъ снесенные на извѣстный холмъ, или же они — естественныя минеральныя образованія, какъ и всѣ иныя, имъ подобныя.

Гл. XII. Рѣшеніе во второмъ смыслѣ.

Гл. XIII. Аргументы въ пользу этого.

Гл. XIV. Объясненіе таблицъ.

В. В. Богачевъ.

Изъ исторіи новой педагогики.

Понять характеръ новоевропейской педагогики можно, только вспомнивъ основныя черты педагогики средневѣковой. Особенно же это требованіе относится къ дѣятельности тѣхъ великихъ педагоговъ-реформаторовъ, появленіе которыхъ въ XVII вѣкѣ ознаменовало собою грандіозный переломъ въ исторіи воспитанія и начало новаго періода въ педагогической наукѣ.

Средневѣковое воспитаніе характеризуется слѣдующими чертами. Религіозность замѣнила собою философію, господствовавшую въ педагогикѣ древнихъ грековъ. Принципъ сословности и католическаго общеевропейскаго космополитизма стали на смѣну древнегреческому патриотизму — своего „города“ (*πόλιως*), — гражданственности и демократизму. Пренебреженіе плотью и презрѣніе къ ней мы видимъ въ средневѣковѣ вмѣсто заботы объ укрѣпленіи тѣла и уходѣ за красотою его. Вмѣсто материнскаго языка въ школѣ во всеобщемъ употребленіи языкъ мертвый, латинскій, единственно почитаемый за способный къ выраженію научныхъ понятій. Господствующій методъ изученія — филологическій, экзегетическій, толковательный: богословіе изучается по Св. Писанію, философія по Томѣ, юриспруденція и оба права по канонамъ и институціямъ, даже медицина по Гиппократу, даже естественныя науки по Аристотелю! Вездѣ книга, авторитетный текстъ и автори-

тетный ея толкователь, — и ни кусочка природы, вездѣ гляди на букву и не однимъ глазкомъ не смѣй заглянуть въ міръ, въ самый космосъ. Школа средневѣковая — не цвѣтущей садъ Академа и не свѣтлая гимназія или палестра: сидятъ въ душной кельѣ, подѣ тяжелыми сводами или даже въ подземельѣ. Наконецъ единственное поощреніе къ ученію фѣрула, дисциплина (т. е. въ буквальномъ переводѣ — розга, плеть), примѣняемая безсердечнымъ аскетомъ-монахомъ безъ малѣйшаго милосердія. Какъ не вздохнуть по прекрасной Элладѣ!

Въ чемъ могла заключаться реформа въ педагогикѣ новаго времени сравнительно со средневѣковою? Въ чемъ должны были заключаться предложенія реформаторовъ педагогическаго дѣла? Церковная реформація не оказала существеннаго вліянія на строй школы. И нравы ея, и языкъ обученія — международный и — мертвый уже — латинскій языкъ уцѣлѣли и въ протестантскихъ школахъ, наравнѣ со слѣпою преданностью буквѣ и поклоненіемъ Аристотелю (извѣстное признаніе Меланхтона: *nos aristotelicos esse*).

Если уцѣлѣла латынь, то а priori можно уже ожидать, что будущій реформаторъ школы будетъ изыскивать способы, какъ бы полегче изучить эту латынь, — постарается, однако, дать нѣкоторый просторъ и материнскому языку и вообще займется методикою въ цѣляхъ отысканія новыхъ методовъ обученія, болѣе легкихъ и скорыхъ. Зная, что средневѣковая и позднѣйшая школа отличалась ужасною, варварскою жестокостью, мы въ правѣ ожидать, что реформаторъ школы будетъ протестовать противъ исключительнаго господства принципа наказаній — и тѣлесныхъ истязаній въ особенности. Видя крайности сословнаго воспитанія, новый педагогъ не можетъ не заговорить о желательности просвѣщенія или для всѣхъ людей, или хоть для возможно широкаго числа ихъ. Униженіе плоти не вызоветъ ли попытки хоть завести рѣчь о необходимости, наряду съ умственнымъ, — и физическаго воспитанія? Въ

средневѣковой школѣ господствовала *philosophia*, правда, какъ *ancilla theologiae*, и вообще изучались идеи о предметахъ, слова, а не самыя вещи, господствовалъ толковательный, филологическій методъ. Конечно, естественно предположить, что реформаторъ отклонится отъ аристотелевой философіи и спроситъ себя: не важнѣе ли изучать вещи, нежели слова и идеи объ нихъ, не лучше смотрѣть на самый внѣшній міръ, чѣмъ въ книгу? Вотъ тѣ черты, которыя мы ожидаемъ увидѣть въ реформаторѣ школы.

Далѣе. Мы знаемъ, что въ новой школѣ не можетъ быть полного возрожденія древняго эллинизма, что школа не можетъ лишиться усвоеннаго ей въ средніе вѣка характера церковности, не можетъ быть лишена христіанскаго духа.

Христіанство въ новой европейской культурѣ пустило чрезвычайно глубокіе корни. Во времена Возрожденія, какъ и въ наши времена, нѣкоторые отчаянныя головы пытались отстать отъ христіанства и возвратиться къ язычеству. Но эти примѣры не увлекали за собою массъ и остались единичными.

И реформаторъ школы, конечно, не въ силахъ будетъ придать своей новой школѣ характеръ чисто свѣтскій, а не религіозный. Онъ будетъ стараться лишь объ одномъ: сдѣлать этотъ консервативный духъ христіанства болѣе мягкимъ, но не возвратитъ школѣ эллинскаго характера, когда не было въ школѣ оффиціального вѣроученія или обязательнаго Закона Божія, а было лишь ознакомленіе съ народными поэтическими мифами.

Да и до нашихъ дней школа не получала нигдѣ полнаго религіознаго индифферентизма, кромѣ одной Франціи, гдѣ къ великой бѣдѣ народа тенденціозные правители уничтожали религіозное преподаваніе. Но это повело къ самымъ ужаснымъ послѣдствіямъ, поразившимъ самихъ руководителей. Какъ показала статистика, число преступленій за этотъ короткій періодъ значительно увеличилось.

Отречься отъ христіанства — значить и въ настоящее время отречься отъ всякой этики, морали, отъ всякой религіи — и заурядные воспитанники зачастую дѣлаются злодѣями. Слѣдовательно, отнять характеръ религіозности отъ школы оказывается и въ наши дни преждевременнымъ и потому невозможнымъ.

Такимъ образомъ отецъ новой педагогики долженъ все указанное выше принять во вниманіе. Имя этого отца Янъ Амосъ Коменскій. Не будемъ подробно останавливаться на его біографіи. Мы знаемъ, что онъ былъ чехъ, родился въ концѣ 16-го вѣка, дѣйствовалъ въ 17-мъ столѣтіи. Жизнь его была очень несчастлива: онъ всегда подвергался преслѣдованіямъ за свои убѣжденія. Былъ онъ священникомъ, въ послѣднее время епископомъ. —

Янъ Амосъ не былъ великимъ философомъ. Онъ былъ только сенсуалистъ (эта философія специалистами не считается глубокою). Слабость его, какъ мыслителя, состояла, напр., въ томъ, что онъ вѣрилъ различнымъ предразсудкамъ на религіозной почвѣ (былъ хиліастъ и мистикъ). Но сила его — въ обаяніи прекрасной его личности. Человѣкъ этотъ въ своей жизни стремился осуществить типъ добраго пастыря Христова стада, типъ мягкаго, любвеобильнаго человѣка. Мы а priori можемъ сказать, что его опытъ педагогики христіанской, евангельской, едва ли носилъ многія черты своего времени, т. е. тѣ черты, которыя такъ свойственны жестокимъ временамъ приверженцевъ католической реакціи. —

Большинство изслѣдователей единогласно считаетъ Коменскаго отцомъ новой педагогики. Путемъ перебора различныхъ сторонъ средневѣковой жизни и педагогики я старался подготовить къ тому образу, съ какимъ долженъ появиться Коменскій въ своей дѣятельности. Мы знаемъ, что Коменскій не могъ быть продолжателемъ педагогики древнихъ грековъ. Платонъ и Аристотель считали возможнымъ построить педагогику, исходя изъ чисто ф и л о с о ф -

скихъ критеріевъ. Средніе вѣка провели черезчуръ глубокою борозду въ умственной жизни, и элементъ религіозности сдѣлался неизгладимымъ. Коменскій, ближе насъ стоявшій къ среднимъ вѣкамъ, не могъ не сохранить первенствующее значеніе за тѣмъ элементомъ, который былъ тогда господствующимъ. Слѣдовательно, его педагогика должна быть религіозною. Педагогика Коменскаго и есть педагогика христіанская. И это понятно, какъ изъ общаго міровоззрѣнія среднихъ вѣковъ, такъ и изъ того, что по своей профессіи онъ былъ духовнымъ лицомъ, священникомъ, а потомъ епископомъ моравскаго братства, одного изъ запоздалыхъ осколковъ гусситовъ, направленія, въ какомъ послѣдованіе духу христіанства проводилось болѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Обращаясь къ философскому элементу его педагогики, нельзя не ожидать въ немъ реакціи среднимъ вѣкамъ. Эта реакція должна выразиться въ томъ вопросѣ, который онъ ставитъ въ главу педагогики (заглавіе главнаго его сочиненія — „Великая Дидактика“). Задача его суживается (не воспитаніе вообще, а лишь обученіе); но и въ его дидактикѣ остается важный гносеологическій вопросъ: откуда и какъ получается человѣческое знаніе? — Здѣсь онъ не будетъ приверженцемъ познанія дедуктивнаго, но, наоборотъ, будетъ сенсуалистомъ, самымъ ясно выраженнымъ. По его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Локка, все наше знаніе происходитъ извнѣ и достигается путемъ воспріятой внѣшнихъ чувствъ. Вотъ почему онъ возстаётъ противъ обученія именамъ и понятіямъ, а не самимъ вещамъ. А такъ какъ въ школѣ всѣ вещи нельзя же изучать въ натурѣ, то Коменскій рекомендуетъ прибѣгать къ суррогатамъ. Его сочиненіе „Orbis pictus“ (нарисованная вселенная) представляетъ первую попытку дать нѣколѣ иллюстрированную книгу. Міровоззрѣнія философскаго Коменскаго мы высоко не ставимъ. Мы не можемъ соглашаться съ панегиристами Коменскаго, что это направленіе, сенсуализмъ, почтенно. Ученіе Коменскаго по-

лучило большое значеніе, какъ реакція средневѣковью — схоластикѣ; въ педагогикѣ сенсуализма, однако, совсѣмъ отрицать нельзя, и наша педагогика продолжаетъ идти по тому пути, который проложенъ Коменскимъ. Новая школа съ большою охотою относится къ разнымъ нагляднымъ пособіямъ, введеннымъ Коменскимъ, и въ частности къ иллюстраціямъ. Далѣе, къ числу пунктовъ, въ которыхъ онъ не могъ отрѣшиться отъ среднихъ вѣковъ, относится его забота о латинскомъ языкѣ. Латынь былъ тотъ ключъ, который открывалъ дверь къ мудрости, заключенной въ книгахъ. Коменскій въ этомъ пунктѣ не рѣшился выступить такимъ смѣлымъ отрицателемъ: онъ сохраняетъ значеніе за латинскимъ языкомъ и самъ пишетъ по латыни много книжекъ, хотя и небезукоризненною латынью. Пользы латинскаго языка онъ отрицать не осмѣлился и заботился только о составленіи болѣе легкихъ учебниковъ на этомъ языкѣ.

Мы можемъ и въ педагогикѣ Коменскаго отмѣтить очень почтенныя качества, напр., заботы его о болѣе мягкомъ отношеніи къ питомцамъ въ школѣ и о томъ, чтобы внѣшняя обстановка школы не была столь суровою, какъ въ средніе вѣка. Это большая заслуга Коменскаго. Онъ ратуетъ за это и осмѣливается огласить такую доктрину: нужно, чтобы ученье велось не изъ-подъ палки, а доставляло бы извѣстное удовольствіе питомцамъ. Попытки заинтересовать учениковъ были и у іезуитовъ, много работавшихъ для воспитанія (награды, денежныя субсидіи, почетные знаки, — это доселѣ удержалось во Франціи), но тамъ дѣйствовали на корыстолюбіе и честолюбіе учениковъ. Коменскій говоритъ, что нужно дѣйствовать на лучшія струны души питомцевъ, а не на низкія. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что внѣшняя форма сочиненій Коменскаго является устарѣлою. Въ его „Дидактикѣ“ наряду съ полезнымъ излишнее многословіе; раздѣленіе на главы и параграфы, какъ и въ „Этикѣ“ Спинозы, изложенной въ формѣ учебника геометріи. Спиноза

мечталъ о строго научной формѣ, но добился только того, что „Этика“ вышла сухою; такъ же и „Дидактика“ Коменскаго отзывается по формѣ изложенія средневѣковьяемъ. Произведеніе Коменскаго очень почтенно, но еще больше выигрывало бы оно, если бы было написано попроще. Маленькіе его трактаты по разнымъ вопросамъ педагогики, написанные проще, очень интересны и, пожалуй, полезнѣе. Есть элементъ, который заставляетъ жалѣть о педагогикѣ грековъ — это его суженіе педагогическихъ цѣлей, его богословскій тонъ. Когда мы разсматриваемъ исторію педагогики въ ея цѣломъ, то мы можемъ отмѣтить, что у Коменскаго педагогика не чисто философская: она восприняла въ значительной степени элементъ, чуждый греческой педагогикѣ, — это изобиліе богословскаго матеріала; это намъ кажется подчасъ ханжествомъ, хотя, безъ сомнѣнія, Коменскій писалъ, не впадая въ лицемѣріе — онъ по образу жизни былъ благочестивымъ и справедливымъ христіаниномъ.

Главное сочиненіе Коменскаго озаглавлено — „Великая Дидактика“. Мелкіе его трактаты озаглавлены: „Материнская школа“, „Очерки народной школы“, „Воскресній Форцій“, „Правила доброй, нравственной жизни, также благоустроенной школы“, „Выходъ изъ схоластическаго лабиринта“, „Правила добраго поведенія, собранныя для юношества“, „Очеркъ педагогической школы“ и „Рѣчь о точной номенклатурѣ вещей“. —

1. Отношеніе къ классикамъ.

Мы желаемъ разсмотрѣть Коменскаго не только со стороны достоинствъ его, какъ великаго педагога, но и какъ сына своего времени въ отношеніи къ предшественникамъ. Глава объ отношеніи къ предшественникамъ — языческимъ философамъ и поэтамъ — полна нетерпимости, фанатизма. Греческіе и римскіе авторы не имѣютъ ника-

кой цѣны въ глазахъ Коменскаго; ихъ произведешя, какъ языческія, должны быть отвергнуты. „Если мы хотимъ, чтобы у насъ были истинно христіанскія школы, то слѣдуетъ устранить изъ нихъ толпу языческихъ учителей... шутовскаго П л а в т а, соблазнительнаго К а т у л л а, нечистаго О в и д і я, нечестиваго, издѣвающагося надъ Богомъ Л у к і а н а, безнравственнаго М а р ц і а л а и прочихъ изъ этой толпы, не имѣющей познанія истиннаго Бога и страха предъ Нимъ“.

Мы прямо удивляемся, откуда въ этомъ добромъ и сердечномъ человѣкѣ, Коменскомъ, такая глубина ненависти и фанатизма. Примѣрами изъ Библии онъ доказываетъ, что „лишь уста Божія суть тотъ источникъ, откуда текутъ всѣ ручьи истинной премудрости; только ликъ Божій — тотъ факель, откуда расходятся лучи свѣта истиннаго“. Нельзя класть чужого огня въ христіанскія кадила, т. е. въ мысли дѣтей, чтобы „не подвергнуть ихъ ярости гнѣва Божія“.

Шагъ за шагомъ опровергаетъ Коменскій всевозможные доводы въ пользу необходимости допустить изученіе языческихъ авторовъ. Онъ предполагаетъ возраженіе такого рода: а можетъ быть въ книгахъ этихъ философовъ, ораторовъ и поэтовъ скрыта великая мудрость? Но и съ этимъ онъ не соглашается. „Разсуждаютъ ли философы о природѣ, они ходятъ вокругъ да около, не касаясь самой сути“ (*quod nisi vitrum lambunt, pultes non attingunt*, лизутъ только тарелку, а каши не достанутъ). Когда же философы говорятъ о нравственности, то они похожи на птичекъ съ облѣпленными клеємъ крыльями“...

И философовъ, и моралистовъ Коменскій отвергаетъ, считая необходимымъ лишь изученіе одного Св. Писанія, какъ источника истиннаго познанія Бога и истинной философіи.

Единственно, что христіанскія школы могутъ сдѣлать: это, подобно ефесянамъ, какъ только для нихъ просіялъ

свѣтъ божественной мудрости, сжечь всѣ чародѣйскія-языческія книги. Совершенно излишне сохранять эти книги, тѣмъ болѣе учиться по нимъ и ради стилия, ради изящнаго слога, которымъ такъ многіе увлекаются. Коменскій говоритъ: „развѣ мы для того, чтобы научить говорить дѣтей нашихъ, станемъ водить ихъ по кабакамъ, харчевнямъ, трактирамъ, распутнымъ домамъ и тому подобнымъ клоакамъ? А куда, скажите, какъ не по этимъ грязнымъ мѣстамъ, ведутъ юношей Теренцій, Плавтъ, Катулль, Овидій и проч.?... Скажутъ: не всѣ безнравственны; Цицеронъ, Вергилій, Горацій и др. — писатели нравственные и серьёзные. Но и они язычники, поклоняющіеся Юпитеру, Венерѣ и проч. Эти великіе язычники внушаютъ своимъ ученикамъ учеше иное, чѣмъ Христово“.

Если же дѣйствительно есть что-нибудь въ языческихъ книгахъ, достойное подражанія, то мы вправѣ обратиться къ нимъ, „ибо церкви принадлежитъ по праву всякое имущество язычниковъ“.

Нельзя ли допустить учителей нравственности, Сенеку и Платона?

Если допустить кого-нибудь изъ язычниковъ, то пусть это будетъ Сенека, Эпиктетъ, Платонъ и „подобные имъ наставники добродѣтели и нравственности, у которыхъ замѣчается меньше ошибокъ и суевѣрій“. Впрочемъ, и эти книги нужно тщательно изслѣдовать, исправить ихъ текстъ (устранить имена боговъ и все, что отзывается суевѣріемъ), и послѣ того лишь давать ученикамъ такія книги на пользованіе. На чемъ же сосредоточить вниманіе въ школѣ, чему учить дѣтей? — Св. Писанію. — Скажутъ: трудно, непонятно дѣтямъ?! — Цитатами изъ Писанія Коменскій доказываетъ и необходимость, и обязанность учить только одному Писанію. Все только надобно дѣлать постепенно. „Сначала слѣдуетъ идти по берегу катехизическаго ученія, затѣмъ пойти вбродъ по мелкимъ мѣстамъ, изучая Св. исторію, нравственныя изреченія и т. п., что

не превышаетъ пониманія, но пригтовляетъ къ болѣе возвышенному“.

Стремленіе къ насажденію возвышеннаго, заботы о небесномъ, а не о земномъ — вотъ основныя цѣли школы Коменскаго. Учителя въ школахъ и обязаны руководиться именно этими цѣлями.

Вотъ какъ фанатично Коменскій трактуетъ объ отношеніи къ богатству языческой культуры. Основы языческой философіи не заслуживаютъ вниманія, можно взять у нихъ красивые обороты рѣчи, можно, наконецъ дать взрослымъ моралистовъ Сенеку, Платона, но предварительно кастрировать ихъ, пропустить черезъ очень строгую цензуру.

Обратимся къ основѣ педагогики Коменскаго, спросимъ, что онъ кладетъ во главу угла. Платонъ свою педагогику тѣсно связалъ съ философіею, у Коменскаго нѣчто иное. Коменскій основу видитъ въ религіи, не въ той, впрочемъ, религіи, на которую обращали вниманіе рационалисты 18-го вѣка. То была *theologia naturalis*, религія, общеобязательная, подобно геометріи, для всякаго разумнаго существа, абстрактно конструированная на разумѣ. Коменскій же придаетъ религіи конфессіональный характеръ. Мы готовимъ людей, по Коменскому, не для этого міра (2-ая глава его „Дидактики“). Земная жизнь наша — это средство достигнуть другой жизни на небѣ. Въ данномъ случаѣ Коменскій не новаторъ; творцами этой доктрины были ученые среднихъ вѣковъ, усердно пропагандировавшіе идею загробной жизни, загробнаго суда. Греку или римлянину, конечно, это было бы не понятно. За предѣлами этого міра онъ ничего не видѣлъ и не хотѣлъ видѣть. Грекъ воспитывалъ дѣтей для этой земной жизни. Коменскій грековъ не принялъ и не соглашается съ ихъ основами педагогики. Онъ примкнулъ къ доктринѣ среднихъ вѣковъ и заявилъ, что школа готовитъ людей для будущей жизни.

Живя здѣсь, на землѣ, тройкой жизнью: 1) расти-

тельной, 2) животной и 3) умственной или духовною (теорія Аристотеля), мы готовимся, по мнѣнію Коменскаго, къ будущей, небесной, совершенной жизни. „Въ началѣ чловѣкъ — ничто; лишь въ утробѣ матери онъ получаетъ способность жить съ зачатками движенія и чувства; живя на землѣ, чловѣкъ пріучается къ движенію, пріобрѣтаетъ сложность чувствъ, начинаетъ мыслить. Наконецъ чрезъ смерть и воскресеніе чловѣкъ переходитъ на небо, гдѣ воспринимаетъ совершенную полноту всего. Вотъ три пристанища, три жизни — чрево матери, земля, небо. Первое — приготовленіе для второй, второе — для третьей, третье ведетъ къ себѣ самой, безъ конца. Переходъ изъ первой жизни во вторую и изъ второй въ третью тѣсенъ и болѣзненъ. Въ одной — чрево матери — образуется тѣло для послѣдующей жизни, въ другой — земля — разумная душа для вѣчной жизни; третье пристанище принесетъ истинное совершенство и тѣла, и души, и наслажденіе ими“.

2. О школьной дисциплинѣ.

Перейдемъ къ 26-ой главѣ „Великой Дидактики“ о „школьной дисциплинѣ“. Вопросъ о дисциплинѣ и по сей часъ волнуетъ наше общество и все еще имѣетъ живое значеніе. Нужна ли дисциплина? Возможна ли дисциплина не только въ школѣ, но и въ семьѣ? Что представляла собой дисциплина во времена Коменскаго?

Подъ именемъ дисциплины разумѣлась въ средніе вѣка „ременная плеть“ въ прямомъ смыслѣ этого слова. Школьная жизнь характеризовалась тогда ударами, криками, побоями. Извѣстно даже, что били въ школахъ часто поголовно всѣхъ, въ томъ числѣ и не провинившихся. Битье способствовало спасенію души учениковъ и ихъ нравственности. И вотъ, если Коменскій долженъ былъ выступить, какъ реформаторъ школы, то онъ, конечно, не могъ не выступить противъ строгости тогдашнихъ нравовъ въ школѣ.

Появляется благородный человекъ, который осмѣливается сказать, что въ нѣколѣ „не должны раздаваться крики, удары; наоборотъ, въ ней должны царствовать бодрость, единодушiе и вниманiе какъ въ учащихъ, такъ и въ учащихся“. Коменскiй первый допускаетъ мысль, что въ нѣколѣ можно поддерживать порядокъ и безъ палачества; первый онъ говоритъ, что есть и другiя средства для порядка въ школѣ, помимо розогъ. Прямо противъ школьныхъ наказанiй Коменскiй выступить не могъ — и онъ дѣйствительно не понелъ — его не стали бы читать тогда. „Я помню — говоритъ Коменскiй, — что всѣ согласны съ тѣмъ, что дисциплину слѣдуетъ примѣнять только по отношенiю къ провинившимся“ (XXVI гл.). Сѣкли — напр., по „субботамъ“ и не виноватыхъ, но разница была въ томъ, что не виноватыхъ сѣкли слабо. За что же бить? Это уже вопросъ уголовнаго права. Кто преступилъ законъ, тотъ, по ученiю Гегеля, приобрѣлъ право на наказанiе. Есть нѣсколько теорiй о наказанiяхъ: есть теорiя устраненiя, есть теорiя предохраненiя, исправленiя, теорiя мести. Коменскiй полагаетъ, что наказанiя нужны для того, чтобы „предупредить на будущее время проступокъ“ (XXVI, 3) (профилактическая теорiя). Но наказанiя нужно примѣнять хладнокровно — „безъ гнѣва и ненависти, съ такимъ безпристрастiемъ, чтобы наказываемый понималъ, что это дается ему на пользу и исходитъ изъ отеческаго расположенiя къ нему лицъ, надъ ними поставленныхъ“.

Далѣе, великую истину говоритъ Коменскiй, что строгую дисциплину нужно поддерживать не ради успѣховъ, а за поведенiе. Если занятiя поставлены правильно, то они сами по себѣ притягиваютъ вниманiе учащихся. Принужденiя же всякаго рода развиваютъ только ненависть и отвращенiе къ нѣколѣ. Можно и безъ ударовъ, полагаетъ Коменскiй, обойтись; можно — если нужно кого-либо „пришпорить, подстрекнуть“, — одного „жесткимъ словомъ“, похвалить другого, подѣйствовать на иного „насмѣшкою“;

можно устраивать разнаго рода „состязанія“ между учениками“. Но когда же нужно прибѣгать къ дисциплинѣ? Примѣнять дисциплину нужно только къ провинившимся — это во-первыхъ; и не за успѣхи, а за поведеніе — это во вторыхъ. Именно: 1) наказывать можно за проступки противъ религіи; 2) за упорство къ распоряженіямъ учителей; 3) за гордость, зависть, высокомѣріе по отношенію къ товарищамъ; — словомъ, дисциплина должна направляться къ тому, чтобы возбуждать у учениковъ ревность къ Богу, уваженіе къ преподавателямъ и любовь къ товарищамъ. Преподаватель же, со своей стороны, во всѣхъ отношеніяхъ долженъ быть живымъ образцомъ для учениковъ. Ученики должны видѣть въ преподавателѣ всегда добраго, благожелательнаго по отношенію къ воспитанникамъ человѣка. Если же ученики видятъ въ учителѣ только чиновника, то и дѣло будетъ итти формально и ученики скоро вооружатся противъ дисциплины и не будутъ страшиться ея. Наконецъ, если у кого „такой несчастный характеръ“, что по отношенію къ нему кроткихъ мѣръ не достаточно, то слѣдуетъ обратиться къ крайнимъ мѣрамъ, къ наказаніямъ, но не для того, чтобы утратить, „а для того, чтобы не оставить неиспытаннымъ ничего (ни одной мѣры), прежде чѣмъ бросить его и счесть за безнадежнаго“. („Вел. Дид.“ XXVI гл., 9). Но нужно остерегаться прибѣгать къ дисциплинѣ часто, чтобы запасъ крайнихъ мѣръ не былъ истощенъ до исключительныхъ случаевъ. „Розга и палка могутъ примѣняться лишь къ рабамъ и холопамъ съ негодною душенькой, а таковыя личности должны быть заблаговременно удаляемы изъ школы“.

3. О дѣленіяхъ школы по степенямъ возраста. Материнская школа. (Глава XXVII.)

Для полнаго обзора педагогики Коменскаго намъ необходимо остановиться на вѣсколькихъ пунктахъ еще одной изъ главъ „Великой Дидактики“ — именно на главѣ о

ступеняхъ школы, какъ онъ приступаетъ къ этому вопросу. Вопросъ объ организаціи школы — вопросъ больной и до настоящаго времени; у насъ всегда обнаруживается несоотвѣтствіе между ступенями школы. Хорошій типъ школы у насъ — городскія училища, но нѣтъ возможности отсюда продолжать свое образованіе дальше. Мы знаемъ, что у насъ есть среднія школы — различныхъ типовъ, — но всѣ онѣ недостаточно готовятъ своихъ воспитанниковъ къ высшимъ школамъ, къ высшему образованію. Необходимо озаботиться о томъ, чтобы установить соотвѣтствіе между низшей и среднею школою, средней и высшею. Коменскій сравниваетъ школу съ средневѣковыми ремесленниками: какъ ремесленники назначаютъ своимъ ученикамъ срокъ, въ теченіе котораго долженъ быть оконченъ курсъ ихъ ученія, и каждый постепенно дѣлается изъ ученика подмастерьемъ, а потомъ мастеромъ, такъ должно быть и въ школьномъ обученіи; именно должно назначать извѣстные періоды, чтобы въ теченіе нѣкотораго ряда лѣтъ былъ законченъ весь курсъ образованія (27, 1).

Теперь возникнетъ вопросъ о школьномъ возрастѣ. Этотъ вопросъ также дебатировался очень давно (Платонъ, Аристотель). Коменскій рекомендуетъ продолжать свое образованіе до зрѣлаго возраста, до 24 лѣтъ, съ извѣстными раздѣленіями по времени, согласно указанію самой природы — именно съ 4-мя. Почему до 24 лѣтъ? — „Потому, что опытъ показываетъ, что тѣло человѣка растетъ приблизительно до этого возраста, а тамъ уже начинаетъ крѣпнуть.“ Эти годы придется раздѣлить на четыре различныхъ ступени, отводя каждой ступени шестилѣтній періодъ. Итакъ, періодами будутъ: дѣтство, отрочество, юность, возмужалость¹⁾. Для каждаго періода нужна соотвѣтствующая школа: для 1-го —

1) Ср. подобное же дѣленіе періодовъ воспитанія у Руссо. См. мою брошюру объ его педагогикѣ.

лово матери, или материнская школа; для 2-го — элементарная школа, школа родного языка, устраиваемая въ каждомъ селеніи, мѣстечкѣ, 3 — латинская школа, гимназія, — въ каждомъ городѣ, — 4 — академія или университетъ — въ каждомъ царствѣ. Коменскій стоитъ за то, чтобы преподаваніе велось въ школахъ энциклопедическое, но, чѣмъ выше школа, тѣмъ преподаваемое должно быть точнѣе и частнѣе. Такимъ образомъ каждая ступень будетъ давать своимъ ученикамъ нѣчто завершенное. Благодаря такой системѣ, въ материнской школѣ будутъ развиваться главнымъ образомъ внѣшнія чувства; въ элементарной — внутреннія: воображеніе и память; въ гимназіи — пониманіе и сужденіе (акты мыслительныхъ функцій). Наконецъ, въ академіи развивается то, что принадлежитъ къ области воли.

Въ первыхъ двухъ школахъ обучаются дѣти двухъ половъ совмѣстно (коэдукація). Въ школѣ латинской обучаются молодые люди, имѣющіе въ виду нѣчто высшее, чѣмъ занятіе ремесломъ; въ академіяхъ, университетахъ — тѣ, кто готовится занять въ государствѣ господствующее положеніе.

Школы эти Коменскій по своей излюбленной привычкѣ сравниваетъ съ временами года и съ садоводствомъ. I — материнская школа — это прекрасная весна, это — деревца съ пробивающими наружу вѣтками; II — элементарная — лѣто съ нѣкоторыми рано поспѣвающими плодами; дерево, обросшее вѣтвями и дающее побѣги; III — гимназія — осень, собирающая обильные плоды въ кладовыя разума; деревья въ полномъ цвѣту. IV — университетъ — зима, когда собранные плоды распредѣляются для разнообразнаго употребленія; дерево, увѣшанное спѣлыми плодами.

4. Материнская школа.

Чему же учить ребенка въ материнской школѣ, до шести лѣтъ? — Оказывается, учить можно 20 предметамъ.

I — Метафізикъ. Ребенокъ здѣсь начинаетъ понимать общіе термины: нѣчто, ничто, есть, нѣтъ, такъ, не такъ, гдѣ, когда и пр., чѣмъ представляетъ основаніе метафизики.

II — Физикъ: что такое воздухъ, вода, земля, дерево, птица и проч.

III — Оптикъ — дитя узнаётъ, что такое называется свѣтомъ, мракомъ, тѣнью, бѣлымъ, чернымъ и проч.

IV — Астрономіи — что называется солнцемъ, небомъ, луною, звѣздами.

V — Географіи — что такое гора, долина, городъ, селеніе.

VI — Хронологіи — что называется днемъ, годомъ, недѣлю, часомъ, лѣтомъ, зимою.

VII — Исторіи — рассказать, чѣмъ случилось вчера, недавно.

VIII — Ариѳметикъ — мало, много; умѣть считать до 10-ти.

IX — Геометріи — великое, малое, крестъ, линія, кругъ и пр.

X — Статикъ — легко, тяжело.

XI — Механическимъ работамъ — разносить вещи, строить, ломать, связывать.

XII — Діалектическое искусство — мальчикъ пріучается спрашивать, давать отвѣты.

XIII — Грамматикъ — правильно говорить на родномъ языкѣ.

XIV — Реторикъ — дѣти начинаютъ подражать тропамъ, фигурамъ, употреблять изъ въ домашнемъ обиходѣ. Нужно особенно обращать вниманіе на жестикуляцію.

XV — Поэзіи — выучить большіе стишковы.

XVI — Музыкѣ — легкія мѣста изъ псалмовъ и Св. пѣсней.

XVII — Познанія въ хозяйствѣ — какъ кого зовутъ по имени въ домѣ, домашнія принадлежности: столъ, ножикъ.

XVIII — Политикъ — одни люди называются членами думы, другіе нотаріусами, городскими судьями.

XIX — Этикъ (ученію о нравственности): умѣренности относительно желудка, опрятности, почтенію къ высшимъ, повиновенію, справедливости, любви, чтобы дѣти готовы были всегда подѣлиться всеѣмъ съ другими. Дѣти вообще страшные эгоисты, — нужно указать ребенку, что онъ есть существо социальное. Важно приучать ребенка къ постоянному занятію. Удачна замѣтка Коменскаго о томъ, чтобы приучать дѣтей молчать съ толкомъ, когда этого требуетъ дѣло. Нѣкоторые дѣти настолько избалованы родителями, что думаютъ, что они — центръ міра, и рѣшительно не даютъ говорить старшимъ, когда на дѣтей при этомъ разговоръ обращаютъ мало вниманія. Услужливости нужно учить, но эта черта скорѣе лежитъ въ самомъ характерѣ и искусственно привить эту черту трудно.

XX-й предметъ — это учить религіи — дѣти должны держать въ памяти слова катехизиса, основныя положенія своего вѣроисповѣданія. Современные педагоги съ этимъ не согласятся: слишкомъ трудно ребенку изучить догматическія и символическія трудности своего вѣроисповѣданія, которыми оно отличается ото всеѣхъ чужихъ. Здѣсь виденъ въ Коменскомъ богословъ, связанный своимъ саномъ, ратующій за интересы своей конфессіи (Вел. Дид., 28 глава).

5. Элементарная школа.

Элементарная школа, по Коменскому, представляетъ собой школу, подобную нашей народной. Интересно отмѣтить тутъ, какіе взгляды Коменскаго являются еще передовыми и до настоящаго времени; какіе вопросы, поднятые Коменскимъ, не осуществлены еще и до сихъ поръ. — Настоящее образованіе, по разумнію тогдашнихъ педагоговъ, давала только латинская школа; школа же элементарная, или какъ она называется у Коменскаго, школа род-

ного языка — приготовляла къ этой латинской школѣ. Были и такіе педагоги, которые полагали, что для людей небогатыхъ, напр., городскихъ ремесленниковъ, достаточно этой школы; напротивъ же того — люди состоятельные должны дѣтей своихъ отдавать прямо въ латинскія школы. Коменскій выступаетъ противъ этого взгляда. Онъ настаиваетъ на общемъ обученіи всѣхъ, которые только родились людьми. Не одни дѣти богатыхъ, знатныхъ, сановниковъ — рождаются для высокихъ знаній, чтобъ имъ однимъ должна быть открыта латинская школа, а остальные, какъ безнадежныя, устранялись бы. Вѣтеръ дуетъ, куда хочетъ, и не всегда начинается дуть въ опредѣленное время. Раздѣленіе дѣтей для обученія порождаетъ то, что поступившіе въ гимназію начинаютъ считать себя выше другихъ дѣтей, не имѣющихъ возможности поступить, начинаютъ относиться къ нимъ съ презрѣніемъ.

И теперь еще дебатруется вопросъ: начинать ли обученіе на родныхъ языкахъ или на еще какомъ другомъ. — Коменскій рѣшительно высказывается за то, чтобы обученіе начинать на родномъ языкѣ. „Научить же иностранному ранѣе, чѣмъ усвоить ребенокъ свой родной, все равно, что хотѣтъ обучить сына ѣздить верхомъ, раньше чѣмъ онъ научится ходить“. Чему же нужно учить въ элементарной школѣ — школѣ родного языка? Ребенку вѣдь въ это время еще только 6 лѣтъ. — И Коменскій говоритъ, что „учить въ школѣ родного языка нужно всему тому, чтѣ пригодно будетъ человѣку втеченіе всей его жизни“ Именно:

I — Свободно читать напечатанное и написанное на родномъ языкѣ. — Въ Прибалтійскомъ краѣ (болѣе 60-ти лѣтъ тому назадъ) была проведена идея Коменскаго, но изъ своекорыстныхъ цѣлей давалось образованіе дѣтямъ на ихъ родномъ языкѣ — эстонскомъ и латышскомъ, но не учили ихъ ни нѣмецкому, ни русскому. Программа учить

дѣтей только на родномъ языкѣ была проведена тамъ помѣщиками, которые боялись, что, зная другой какой-либо языкъ, рабочіе уйдутъ изъ края на заработки въ другія мѣста, а они останутся безъ рабочихъ рукъ. — Далѣе.

II — элементарная школа должна научить „писать сперва красиво, потомъ скоро, наконецъ правильно“.

III — считать цифры на счетахъ;

IV* — измѣрять на всѣ лады длину, ширину, разстоянія;

V — пѣть употребительныя мелодіи;

VI—X — богословскія требованія: знать на память большую часть псалмовъ, церковныхъ пѣсней, катихизисъ, Свящ. исторію, исторію церкви, важнѣйшіе тексты Свящ. Писанія, о Промыслѣ Божіемъ.

XI — космографіи и отечествовѣденію. Отечествовѣденіе теперь преподается въ Германіи въ школахъ давно, и очень широко, а у насъ въ народныхъ школахъ — весьма робкою рукою.

XII — познакомить съ общими ремесленными приемами. Этотъ пунктъ и современной педагогикой признается очень полезнымъ: ручной трудъ — слѣйдъ — по примѣру Скандинавіи проникаетъ и въ наши школы въ видѣ столярнаго и слесарнаго ремесла и даетъ самые лучшіе результаты. Устраиваются выставки, на которыхъ приходится удивляться работамъ учениковъ. Всѣ приемы, видимо, усваиваются ими хорошо и съ удовольствіемъ.

Какъ же научить всему тому, что рекомендуется Коменскимъ? „Всѣ ученики школы родного языка, занятія которой продолжаются 6 лѣтъ, должны быть раздѣлены на шесть классовъ и заниматься, насколько возможно, въ разныхъ помѣщеніяхъ, чтобы не мѣшать другъ другу.“ Между тѣмъ у насъ и по сей часъ не исполняется этотъ совѣтъ Коменскаго, и народному учителю часто приходится заниматься съ двумя, либо съ тремя сразу отдѣленіями въ одной комнатѣ. Для каждого класса должны быть назначены

свои учебники, исчерпывающіе все нужное для этого класса, такъ чтобы, кромѣ этихъ книгъ, не было бы необходимости имѣть какіе-либо другіе учебники.

Далѣе Коменскій послѣдовательно отстаиваетъ энциклопедизмъ и концентрацію. Коменскій самъ трудился надъ писаніемъ учебниковъ. Писать учебники нужно особымъ образомъ, чтобы въ нихъ все было приспособлено именно къ дѣтскому уму, который по природѣ своей склоненъ къ пріятному, шутливому, игривому, чуждается строгаго и серьезнаго. Въ этихъ стремленіяхъ Коменскій доходитъ до наивности, напр. рекомендуетъ украшать книги красивыми заголовками. Коменскій часто школу сравниваетъ съ садомъ, — первую книгу хорошо бы назвать фіалкою, вторую — розою, третью — зеленою лужайкою и т. д.

Какъ же вообще сдѣлать занятія въ школѣ пріятными? Нужно класснымъ знаніямъ посвящать ежедневно не болѣе четырехъ часовъ: два до обѣда и два послѣ обѣда. Остальные часы дѣтми могутъ быть съ пользою употреблены на домашнія дѣла въ своемъ семействѣ. Утренніе часы слѣдуетъ посвящать усовершенствованію ума; часы послѣ обѣда — упражненію рукъ и голоса. Современные педагоги сильно погрѣшаютъ противъ такого взгляда Коменскаго: въ среднихъ школахъ теперь ученики нерѣдко сидятъ отъ 8 ч. утра до 4 ч. пополудни. Если бы старый Коменскій возсталъ изъ гроба, то онъ пришелъ бы въ ужасъ! Уроки не должны продолжаться болѣе часа, а не такъ еще давно въ нашихъ духовныхъ школахъ были уроки двухчасовые. Нельзя держать дѣтскую душу въ такомъ большомъ напряженіи столь долгое время. Коменскій полагаетъ, что дѣти должны какъ можно больше списывать съ книги. Почему? Отъ долгаго письма люди выписываются, т. е. приобрѣтаютъ почеркъ, развивается зрительная память для орфографіи и, наконецъ родители, видя дѣтскія тетрадки, знаютъ, что въ школѣ занимаются тѣмъ, чѣмъ надо (29 гл. Вел. Дид.).

6. Латинская школа.

Цѣль латинской школы или гимназіи состоитъ въ томъ, чтобы здѣсь была исчерпана вся энциклопедія наукъ. Именно: изъ юношей латинская школа должна сдѣлать

I — грамматиковъ. — Воспитанники должны знать свой родной языкъ, латинскій, греческій, еврейскій (четырёхъязычная школа). При чемъ латинскимъ языкомъ юноша долженъ владѣть въ такомъ совершенствѣ, чтобы онъ сталъ его роднымъ языкомъ, языкомъ живымъ, разговорнымъ. Воспитанники должны умѣть объяснить всѣ явленія языка — какъ родного, такъ и латинскаго. Требованіе Коменскаго относительно преподаванія еврейскаго языка исполняется сейчасъ развѣ только въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, проходится еврейскій языкъ. — Кого же дальше хочетъ сдѣлать латинская школа?

II — діалектиковъ, — опытныхъ въ приведеніи и опроверженіи доказательствъ.

III — риторовъ, — способныхъ изящно разсуждать о любомъ данномъ предметѣ.

IV—V — ариѳметиковъ — и геометровъ. Ариѳметика, слѣдовательно, тоже входитъ въ кругъ познаній въ средней школѣ. Нужна она потому, что „возбуждаетъ духъ къ изученію другихъ предметовъ“ и „для другихъ различныхъ потребностей“.

VI — музыкантовъ — практическихъ, и теоретическихъ.

VII — астрономовъ, — имѣющихъ, по крайней мѣрѣ, основныя свѣдѣнія изъ области сферическаго ученія и вычисленія.

Всѣ эти науки составляли семь свободныхъ искусствъ (*septem artes liberales*), знаніе которыхъ давало человѣку званіе бакалавра или магистра философіи.

(Свободными онѣ названы потому, что, по воззрѣнію грековъ, образованіе можно было получать только свободно-рожденнымъ). Коменскій не удовлетворяется программой семи свободныхъ искусствъ; онъ хочетъ, чтобы ученики его были сверхъ того еще

VIII — ф и з и к а м и — понимали бы устройство міра, свойства растеній и металловъ, различія животныхъ, строеніе челоуѣческаго тѣла. — Здѣсь достойно примѣчанія то, что нигдѣ въ мірѣ, въ противность Коменскому, географія не находится въ тамомъ пренебреженіи, какъ у насъ въ Россіи. Въ Германіи молодыхъ нѣмцевъ стремятся приготовить такъ, чтобы они не бсялись никакого уголка земного шара и вездѣ бы могли, гдѣ даже еще не была челоуѣческая нога, водружать германскій флагъ. Нѣмцы теперь работаютъ въ Африкѣ, въ Азіи, въ Палестинѣ, въ Китаѣ; въ Америкѣ уже возникаетъ вопросъ — сдержатъ, по возможности, наплывъ нѣмецкихъ колонистовъ-переселенцевъ. У насъ же не знаютъ путемъ своей собственной родины. И не только въ гимназіяхъ съ большимъ безразличіемъ относятся къ географіи, но и въ университетахъ. Большинство русскихъ университетовъ не имѣютъ кафедръ географіи, а гдѣ онѣ и есть, то обычно онѣ не замѣщены — отъ отсутствія интереса къ географіи. Неосвѣдомленность наша въ географіи доходитъ порой до комизма: операціи наши на островѣ Сахалинѣ показали, что онъ намъ принадлежалъ искони вѣковъ, а мы въ обмѣнъ за него, за свой же островъ, отдали свои же Курильскіе острова, за свое добро расплатились своимъ же. Только полнымъ невѣжествомъ можно объяснить продажу за 5 милліоновъ американцамъ Аляски, гдѣ теперь найдены богатѣйшія золотыя пріиски (Клондайкъ). И это географическое невѣжество благополучно пребываетъ и доселѣ. Коменскій и говоритъ, что ученики непременно должны быть

IX — г е о г р а ф а м и, имѣющими въ умѣ ясный образъ земного шара, морей, острововъ, рѣкъ, государствъ.

Кромѣ того, ученики должны быть :

X—XI — хронологами и историками.

Они должны знать перемѣны въ родѣ человѣческомъ, въ государствахъ, церкви, разные случаи и обычаи въ жизни племенъ и людей. Намъ удивляетъ тонкость замѣчаній Коменскаго. У насъ преподается исторія, — но какая? Политическая. Отсутствуетъ бытовая исторія: какъ, напр., жили древніе греки, римляне? какъ устроивали они свои отношенія? есть ли у насъ и у нихъ что-нибудь общее?

XII — моралистами, — которые умѣли бы въ совершенствѣ различать добродѣтели и пороки, избѣгать послѣднихъ и слѣдовать первымъ.

XIII — богословами, — которые бы знали основанія своей вѣры и сумѣли бы ихъ доказать ссылками на Св. Писаніе.

Если возьмемъ всѣ требованія Коменскаго въ совокупности, то у насъ получится примѣрно курсъ нашихъ духовныхъ семинарій. Латинская школа, сообразно со ступенями шестилѣтняго курса, раздѣляется на 6 классовъ. Классы называются по наукамъ: I классъ будетъ Грамматическій (Grammatica), II — Физическій (Physica), III — Математическій (Mathematica), IV — Моральный — (Ethica), V — Дialectическій (Dialectica) и VI — Риторическій — (Rhetorica).

Опять извѣстно изъ исторіи духовныхъ семинарій, что тамъ прежде каждый классъ назывался по наукамъ, преобладавшимъ въ этомъ классѣ: такъ, былъ тамъ классъ богословія, философіи, риторики, діалектики, синтаксиса и т. д. Классы философіи и богословія пользовались даже нѣкоторыми привилегіями — ихъ не смѣло сѣчь начальство, а ученики младшихъ классовъ были у старшихъ какъ бы на посылкахъ.

Канія же свѣденія надо сообщать раньше: формальныя или реальныя? Коменскій стоитъ за реальныя. Вещамъ надо учить раньше, чѣмъ словамъ и названі-

ямъ, — содержанію ранѣе формы. Сперва надо научиться познавать самыя вещи, а потомъ уже браться за сужденіе о нихъ или за краснорѣчивое ихъ изложеніе. Какъ женщина не можетъ родить, не забеременѣвъ, такъ нельзя съ толкомъ разсуждать о предметѣ тому, кто предварительно не посвященъ въ пониманіе этого предмета. Вещи сами по себѣ суть то, что онѣ суть, хотя бы ни разумъ, ни языкъ ихъ не касались: разумъ и языкъ вращаются вокругъ вещей и зависятъ отъ нихъ. Давайте всегда сначала реальныя свѣдѣнія. Знаніе природы должно даже предпослать ученію о нравственности, хотя многіе дѣлаютъ иначе. Современная педагогика относительно того, что нужно реальныя свѣдѣнія давать впередъ, выставляетъ и аргументъ психологическій — въ годы дѣтства память острѣе и направлена на внѣшній міръ (ребенка всегда очень интересуется то, что совершается вокругъ насъ); въ дальнѣйшемъ же появляется стремленіе къ поэзіи и мечтательности. Нужно умѣть использовать во время каждую способность, когда она особенно развита. Извѣстно, что память въ юные годы болѣе сильна, чѣмъ въ періодъ половой зрѣлости, когда дѣятельность человѣка направляется на эстетику и абстрактное мысленіе . . .

Въ классѣ этики ученикъ переходитъ „къ разсмотрѣнію самого человѣка со всѣми проявленіями его воли: что подчинено власти и волѣ нашей, и что — нѣтъ; какимъ образомъ слѣдуетъ все приводить въ надлежащій порядокъ, согласно міровымъ законамъ. Но проходиться все это должно не только исторически, со стороны фактической, но въ причинной связи, чтобы ученики привыкли вникать въ причины и дѣйствія вещей“.

Въ классѣ діалектики предполагается пройти предметы физическіе, математическіе и этические. Здѣсь разъясняется все важное, составляющее для ученыхъ предметъ споровъ: каково происхожденіе спорнаго вопроса, исторія вопроса, въ какомъ онъ положеніи теперь находится

(status praesens), ошибочность и силу доводовъ говорящихъ, какъ слѣдуетъ рѣшить споръ, указать на средство, какъ примирить противниковъ и т. д. Нужно заботиться, чтобы не давать ученикамъ ненужнаго, а чтобы они все усвоенное въ школѣ могли послѣ въ жизни примѣнить къ дѣлу. Современная школа какъ разъ въ этомъ и погрѣшаетъ: у насъ всегда гонятся за многознайствомъ. Была у насъ классическая система. Рѣшили сломать. Сломали. . Но облегчили ли учениковъ этимъ? — Нѣтъ! — уничтожили греческій языкъ, но ввели еще массу новыхъ предметовъ (законовѣдѣніе и проч.). И не только въ гимназіяхъ, но и въ университетахъ замѣчается та же погоня за многознаиствомъ — и никакой концентраціи: всякаго жита по лопатѣ.

Въ классѣ діалектики должны концентрироваться всѣ науки; здѣсь должно быть основательно разъяснено все существенное и важное. Такимъ образомъ этотъ классъ „будетъ одновременно и пріятнѣйшимъ повтореніемъ пройденнаго, и полезнѣйшимъ разъясненіемъ непонятнаго прежде“.

Послѣднимъ классомъ будетъ классъ риторики. Здѣсь заниматься ученики будутъ тѣмъ же, чѣмъ и въ классѣ діалектики, но вниманіе будетъ болѣе обращать на словесныя формы излагаемаго и на то, чтобы рѣшеніе вопроса передавалось ими въ изящныхъ и красивыхъ оборотахъ рѣчи. Для достиженія этого должно владѣть прекраснымъ знаніемъ всякаго предмета и довольно порядочнымъ запасомъ словъ, фразъ, поговорокъ, изреченій и исторій. Что же можно вообще сказать о риторикѣ? Мы возросли въ такой періодъ, когда риторика считалась и считается за ничто, и обращается особенное вниманіе на простоту рѣчи. Сейчас риторика имѣетъ, пожалуй, даже и худой смыслъ: „Онъ“, говорятъ, „пускается въ риторическія фразы“. Аристотель написалъ большой трактатъ о риторикѣ. Древніе греки полагали, что недостаточно сказать, но надо умѣть сказать — и софисты, какъ извѣстно, взидали большой гонораръ за обученіе

риторикѣ. Возьмемъ, напр., старья проповѣди Филарета, митрополита московскаго, и мы не можемъ не согласиться, что изложене ихъ (оставляя въ сторонѣ логическую аргументацію) замѣчательное. Мы должны сознаться, что риторическое искусство не легко дается: трудно научиться писать пріятно. Риторика была не только наука писать красно, но и такъ представить логическіе аргументы, чтобы они производили на слушателей наиболѣе пріятное и убѣдительное впечатлѣніе. И въ наше время мы не должны бы были пренебрегать риторикою.

Изучене риторики пало въ 18-мъ столѣтіи и приняло чисто мертвенный образъ (въ средней и высшей школѣ, напр., писаніе хрїи по одному шаблону). Понятно, что такая риторика возбуждаетъ въ слушателяхъ только отвращене къ ней. Затѣмъ любопытно еще одно замѣчаніе. Коменскій устроилъ такъ латинскую школу, что одинъ предметъ когда-нибудь всегда является въ классѣ преобладающимъ. Но есть у Коменскаго и одинъ предметъ, который проходитъ черезъ всю школу, черезъ всѣ классы — это и с т о р і я.

„Исторія составляетъ прекраснѣйшую часть образованія и какъ бы освѣщаетъ весь жизненный путь человѣка, а потому и прохожденіе этого предмета нужно распредѣлить по всѣмъ классамъ“. Есть у него тутъ и библейская исторія, и естественная исторія, и исторія искусствъ, нравственности, обрядовая (о религіозныхъ обрядахъ у различныхъ народовъ), всеобщая исторія и исторія своего отечества. На послѣднюю Коменскій особенно напиралъ. Нужно хорошо знать свое отечество. Кто не знаетъ своего отечества, тотъ не можетъ считаться образованнымъ. Заключается глава о латинской школѣ однимъ напоминаніемъ: не нужно много учебныхъ часовъ. „Не нужно истощать сразу и умственныя, и физическія силы учениковъ“. Заниматься должно 4 часа и распредѣлить ихъ нужно такъ, чтобы первые два, до обѣда, были посвя-

щены тому знанію и искусству, отъ котораго классъ заимствуетъ названіе, первый же послѣобъденный — на занятія исторіею, второй — на упражненіе въ стилѣ, голоса и рукъ“. Какія гуманныя требованія у этого педагога! У насъ теперь вѣчный страхъ, какъ бы успѣть пройти программу, какъ бы не опустить чего изъ нея; а тутъ дѣло вовсе не въ программѣ, не въ томъ, чтобы пройти все, а чтобы пройти съ толкомъ и послѣ того — пройденное обсудить.

7. Объ академіи.

Эта глава Коменскаго имѣетъ для настоящаго времени много спорныхъ мѣствъ. Объ академіи Коменскій не хочетъ много распространяться, но нѣкоторыя свѣдѣнія все-таки даетъ. Онъ говоритъ: „Что же намъ мѣняется указать, куда въ этомъ отношеніи клонятся наши желанія?“ На долю академіи, по Коменскому, выпадаетъ пополненіе и завершеніе всѣхъ знаній. Поэтому въ академіяхъ должны проходиться всѣ высшіе предметы образованія. Академіи должны все исчерпывать, чтобы оправдать слово „universitas“; здѣсь должна быть изучена и обстоятельно изслѣдована вся область науки и мудрости человѣческой и примѣнены болѣе легкіе и болѣе вѣрные способы для сообщенія всѣмъ туда поступающимъ высшаго образованія. Разумѣется, что у насъ сейчасъ студентъ, при раздѣленіи слушателей на факультеты и одновременности чтенія лекцій, не имѣетъ возможности слушать предметы, не относящіеся прямо къ его оффиціальной спеціальности.

Общественными почетными должностями, по Коменскому, должны быть награждены тѣ лица, которые благополучно достигли своей цѣли (— окончили университетъ) и способны въ рукахъ своихъ держать кормило человѣческихъ дѣлъ. Чтобы университетскія занятія носили всеобъемлющій характеръ, нужны, во-первыхъ: образованные и свѣдущіе во всѣхъ наукахъ, искусствахъ и языкахъ профессоры,

и во-вторыхъ — избранная библіотека различныхъ авторовъ, предоставленная во всеобщее употребленіе. Должны ли награждаться общественными должностями окончившіе курсъ? Вопросъ этотъ и до сихъ поръ еще спорный. Въ Германіи дѣло обстоитъ въ этомъ отношеніи такъ, напр., что окончившіе курсъ медицины не попадаютъ сразу въ практикующіе врачи, но должны сдать особый государственный экзаменъ въ специальной коллегіи. Уставъ 84 года и у насъ тоже сдѣлалъ попытку въ этомъ родѣ, но экзаменуютъ свои профессоры — по-прежнему, только въ присутствіи присылаемаго чиновника - предсѣдателя, обыкновенно профессора же другого университета.

Всѣ ли имѣютъ право на полученіе высшаго образованія? — Какъ извѣстно, въ духовныя академіи у насъ посылаются самыя лучшія силы семинарій. Коменскій говоритъ, что въ университетъ должны посылаться лишь избранные умы — цвѣтъ человѣчества, а остальные, болѣе слабые, могутъ обратиться къ плугу, къ ремесламъ, торговлѣ — кто къ чему родился. Съ этимъ согласиться нельзя: въ университетѣ часто наблюдается, особенно при изученіи медицины (которая въ гимназіи совсѣмъ не проходитъ), что развертываются сразу молодые люди, слабые по гимназіи схватываютъ на первыхъ же курсахъ золотыя медали и оставляются при университетѣ, и наоборотъ медалисты по гимназіи оказываются нерѣдко въ университетѣ посредственными студентами. Было бы непозволительно оказывать предпочтеніе однимъ, лучшимъ по гимназіи, и пренебрегать другими — слабыми. Каждый долженъ посвятить себя тому занятію къ которому назначила его природа, такъ какъ вслѣдствіе природныхъ дарованій всегда бываетъ одинъ больше другого музыкантъ, поэтъ, ораторъ, физикъ; одинъ способенъ болѣе другого къ богословію, медицинѣ, юриспруденціи и т. д. Какъ разглядѣть сразу, къ чему кого назначила природа? Если бы это можно было угадать сразу, то сколько было бы избѣгнуто роковыхъ ошибокъ.

Часто бываетъ, что поступаетъ на одинъ факультетъ студентъ, а потомъ переходитъ на другой, и такъ пока не удовлетворитъ своихъ стремленій. Учитель въ данномъ случаѣ долженъ только подсказывать ученику, къ какой области онъ наиболѣе способенъ. Коменскій совѣтуетъ, чтобы при окончаніи классической школы руководители ея устраивали публичное испытаніе талантовъ, и приговоръ ихъ, кто долженъ посвятить себя богословію, а кто медицинѣ и политикѣ, имѣлъ бы рѣшающее значеніе.

Далѣе у Коменскаго есть еще одно замѣчаніе: въ академіяхъ могутъ воспитываться только прилежные, нравственные и годные студенты, всѣ же прочіе не должны быть терпимы въ университетѣ, — тогда не будетъ тамъ заразы. Но подвергать студентовъ исключенію на основаніи одного поведенія было бы несправедливо. Вырвавшись изъ-подъ семейной опеки, онъ гуляетъ, какъ германскіе бурши, годъ — два, а потомъ начинаетъ прилежно заниматься. По Коменскому, его слѣдовало бы исключить, — но изъ него, быть можетъ, современемъ получится великій человѣкъ.

Коменскій далѣе предлагаетъ много матеріала не только теоретическаго, но и практическаго характера и наводитъ на многія мысли. Онъ проводитъ мысль о практическихъ занятіяхъ, такъ называемыхъ нынѣ „семинаріяхъ“ и „просеминаріяхъ“. Профессоръ, по его мнѣнію, — источники, которыми онъ пользуется для публичнаго чтенія, долженъ раздать студентамъ на домъ, и то, о чемъ читалось, должно быть обсуждаемо всѣмъ кружкомъ. При чемъ, если кто что-либо недостаточно понялъ, или напалъ на сомнительное мѣсто, долженъ обращаться къ профессору за разъясненіями. Эта мысль замѣчательна. У насъ не такъ поставлено дѣло. Что будетъ читать профессоръ, откуда онъ будетъ черпать, — все это скрыто отъ студентовъ. Коменскій желаетъ, чтобы преподаваемое обсуждалось коллегіями студентовъ (кружкомъ) подъ предсѣда-

тельствомъ профессора, но ни въ одномъ университетѣ такъ пока не устраивается.

Затѣмъ, оригинальна мысль Коменскаго относительно производства экзаменовъ. Самое удобное въ этомъ отношеніи для избѣжанія обмана вызывать студента на середину. Затѣмъ ученые, искусивпшеса въ практикѣ, могутъ задавать вопросы, ведупіе, по ихъ мнѣнію, къ испытанію теоретическихъ успѣховъ кандидата. Кому же не извѣстно, что люди, знающіе, что имъ придется подвергнуться такому строгому и серьезному испытанію, приложатъ все свое рвеніе? Вопросъ объ экзаменахъ — самый больной вопросъ въ педагогикѣ. Нервно утомляются и часто понапрасну, какъ и учащіе, такъ и учащіяся. Урегулированіе вопроса объ экзаменахъ является насущною потребностью.

8. CoNeginn Didacticum.

Далѣе Коменскій фантазируетъ о школѣ школъ, академіи академій или, какъ онъ ее называетъ, „дидактической академіи“. Эту школу можно де открыть въ какой-угодно странѣ. Здѣсь соединенныя усилія лучшихъ ученыхъ будутъ устремлены на то, чтобы болѣе раскрывать основанія наукъ, очищать свѣтъ мудрости, распространять его съ большимъ успѣхомъ среди людей и новыми полезнѣйшими изобрѣтеніями направлять къ лучшему дѣла челоувѣчества. Эта коллегія ученыхъ для другихъ школъ будетъ будто бы совершенно тѣмъ же, чѣмъ желудокъ служить для тѣла, т. е. жизненной его мастерскою. Недостатокъ все-таки такой коллегіи обнаружится, если мы замѣтимъ слѣдующее: всякое новшество нигдѣ не подвергается такому безошадному гоненію, какъ именно въ ученomъ мѣрѣ. Ломброзо на основаніи фактовъ какъ изъ своей практики, такъ и на основаніи жизни другихъ, полагалъ, что цехи ученыхъ всегда страдаютъ „мизонеизмомъ“ — ненавистью къ новымъ стремленіямъ въ наукѣ и являются страшнымъ тормазомъ для развитія знанія. Это приводитъ

къ тому убѣжденію, что авторитетъ такихъ академій для науки скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ. Много нужно имѣть научной терпимости, чтобы позволить молодому ученому идти другимъ путемъ, а не тѣмъ, по которому шель самъ. Въ виду всего этого сверхъ-научныя учрежденія не могли бы давать прогресса наукъ, гдѣ должна быть дана полная свобода изслѣдованію. Судъ специалистовъ пороку можетъ быть прямо ожесточеннымъ и безапелляционнымъ, что замѣчается часто въ философскихъ вопросахъ. Можно выступить тутъ съ такими новыми и рѣзкими доктринами, что на признаніе ихъ всѣми учеными нельзя надѣяться.

9. Методъ изученія наукъ.

Какъ предлагаетъ Коменскій изучать науки? Глава о методѣ изученія наукъ построена у него на примѣрахъ. Обзоръ наукъ онъ символизируетъ актомъ зрѣнія. Для акта зрѣнія нужны свѣтъ, глаза и предметъ наблюденія. Глазомъ внутренняго зрѣнія служить разумъ или умственные способности; предметами наблюденія — всѣ вещи, лежащія внутри и внѣ нашего познанія; свѣтомъ необходимое вниманіе.

Коменскій считается сенсуалистомъ, потому что онъ обращалъ вниманіе и на развитіе внѣшнихъ чувствъ, а не только на одно умственное развитіе. Мы встрѣчаемъ такихъ педагоговъ, даже и теперь, которые полагаютъ, что наглядное обученіе якобы отвлекаетъ учениковъ отъ настоящаго дѣла. Аристотель говоритъ, что познаніе мы, люди, можемъ выводить черезъ чувства, что это познаніе черезъ индукцію для насъ естественнѣе и убѣдительнѣе. У Коменскаго былъ сенсуализмъ, но онъ тутъ на мѣстѣ. Что можно осязать, видѣть, обонять — покажите, дайте. Мы знаемъ, какъ слѣпому хотѣли на словахъ растолковать, что такое бѣлый цвѣтъ. Слепой не могъ уразумѣть его потому, что не имѣлъ зрѣнія, а мы иногда искусственно дѣлаемъ учениковъ слѣпыми.

Относительно „метода изученія наукъ“ Коменскій даетъ девять правилъ.

I — „Всему, что ученикъ долженъ знать, его слѣдуетъ учить“. У насъ часто погрѣшаютъ противъ этого правила, разсчитывая, что многому ученики, если они хотятъ, или если имъ потребуется, могутъ себѣ поучиться самостоятельно.

II Правило: „Все, чему учать, должно быть преподаваемо, какъ нѣчто дѣйствительно существующее, приносящее извѣстную пользу“. По Коменскому, каждый предметъ долженъ разсматриваться съ точки зрѣнія здравой пользы. Но развѣ всякій предметъ можетъ приносить прямую пользу? Конечно, нѣтъ. Но дѣло въ томъ, что польза бываетъ разная. Помимо прямой пользы, бываетъ еще польза далекая или косвенная. На это еще указалъ Аристотель. Однѣ науки даютъ возможность заработать кусокъ хлѣба; есть и науки, способствующія умственному развитію и поясняющія другія науки. Нужно сумѣть показать значеніе каждаго предмета.

III Правило: „Всему, чему учать, должно учить простымъ, а не окольнымъ путемъ“. — Идти къ дѣлу, слѣдовательно, надо прямо.

IV — „Всему, чему учать, надо учить такъ, какъ оно есть и какъ происходитъ, т. е. съ указаніемъ причинъ“. Переводя на современный языкъ — нужно, значить преподавать факты въ ихъ взаимной связи. Методъ обученія здѣсь будетъ такой: сначала показывается причина факта, а потомъ уже слѣдствіе, потому что бытіе каждой вещи зависитъ отъ ея собственной причины. Слѣдующія правила показываютъ намъ, что изучаться должны непременно всѣ части предмета, даже самыя маловажныя.

V — „Все, что предлагается познанію, должно сначала предлагаться въ общемъ видѣ, а потомъ по частямъ“.

VI — „Изучать слѣдуетъ всѣ части предмета, даже и менѣе значительныя“. — Слѣдовательно, изучать нужно

всѣ детали досконально, потому что иногда и маленькая частичка имѣетъ большое значеніе: отъ нея зависитъ сила другихъ. Въ связной разговорной рѣчи незначительный предлогъ или союзъ мѣняетъ и извращаетъ весь смыслъ рѣчи. Поэтому и совершенное знаніе какого-нибудь предмета состоитъ въ знаніи всѣхъ частей его.

VII — „Всеу слѣдуетъ обучать послѣдовательно, а въ одно время — одному“. Коменскій предлагаетъ для занятій, какъ мы помнимъ, самое малое количество часовъ: два до обѣда и два послѣ обѣда. Экономія времени здѣсь и достигается этою послѣдовательностью при изученіи предметовъ.

VIII — „На всякомъ предметѣ слѣдуетъ останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ понятъ“. Опять-таки нужно сказать, что въ нынѣшней общей дидактикѣ не всегда примѣняютъ это правило, а на практикѣ оно совершенно игнорируется. Требуютъ, на примѣръ, отъ учителя гимназіи, чтобы онъ разбилъ свой предметъ по частямъ и часамъ и чтобы извѣстная часть предмета пройдена была въ опредѣленное время. Забываютъ, что прохожденіе курса зависитъ отъ состава класса въ данный ходъ. А теперь обычно бываетъ, что преподаватель занимается только съ одной половиною класса, а другая ждетъ окончанія года, чтобы благополучно остаться на второй годъ. Строятъ всевозможныя программы, разбиваютъ учебный матеріалъ по часамъ, — но какъ этотъ матеріалъ будетъ усвоенъ учениками? — на это не обращаютъ вниманія, какъ будто всѣ ученики одинаковы по своимъ способностямъ.

IX — „Надобно умѣть отгнать различіе вещей, чтобы знаніе всѣхъ вещей было точно“. Это правило обычно на практикѣ не примѣняется. Въ медицинѣ существуетъ діагнозъ и даже дифференціальный діагнозъ, — но это только въ медицинѣ, потому что тамъ необходимо опредѣлить вѣрно болѣзнь, а въ противномъ случаѣ можно отправить больного на тотъ свѣтъ. Теперь

даже издаются цѣлые особые труды по дифференціальному діагнозу, гдѣ подробно выясняются различительные признаки каждой болѣзни. Въ учебной практикѣ и это правило игнорируется. Коменскій говоритъ, что только внимательное наблюденіе различій даетъ отчетливое, ясное и прочное знаніе. Вотъ тѣ девять правилъ, которыя Коменскій даетъ относительно метода наукъ.

10. Методъ искусствъ.

Эта глава менѣе важна для насъ, потому что искусства проходятъ теперь въ специальныхъ профессиональныхъ школахъ и мастерскихъ, а не въ общихъ. Здѣсь Коменскій предлагаетъ 11 правилъ. Не будемъ на нихъ останавливаться подробно, укажемъ только на нѣкоторые: **В п р а в и л о**. „Практической дѣятельности должно учиться на дѣлѣ“. Не надо задерживать учениковъ теоретическими разсужденіями, а нужно допускать ихъ тутъ же и къ дѣлу. Часто мы видимъ, что мальчикъ, отданный къ хозяину учиться, сознательно не допускаетъ послѣднимъ къ дѣлу въ цѣляхъ возможно большаго и долгаго утилизованія физическихъ силъ его. Обученіе искусству, по Коменскому, прямо должно начинаться съ подражанія лучшимъ образцамъ, и **д е с я т о е п р а в и л о** „учить, что при самомъ подражаніи должно строго придерживаться предписанной формы“. Эти положенія Коменскаго мы можемъ оспаривать. Специально эти правила опровергаются при обученіи рисованію. Во времена оны рисовать заставляли по правилу Коменскаго — съ рисунковъ, путемъ копированія рисунковъ. Теперь настаиваютъ на томъ, чтобы ребенокъ рисовалъ все, что ему вздумается; требуютъ такъ называемыхъ безыскусственныхъ произведеній. Хотятъ прослѣдить, какъ станетъ рисовать ребенокъ, который еще ничему не учился. Словомъ, стремятся теперь установить естественное эстетическое чувство и естественную технику, избѣгая условностей. Хотятъ примѣнить тотъ же принципъ и къ музыкѣ: пусть

ученики берутъ аккорды не такъ, какъ они показаны въ руководствахъ, а какими кому вздумается пальцами.

11. Методъ изученія языковъ.

Гораздо интереснѣе для насъ глава 22-ая „Великой Дидактики“ объ изученіи языковъ. Для чего же нужно изучать языки? Г. Коменскій самъ зналъ много языковъ: чешскій (свой родной), польскій, англійскій, голландскій, еврейскій, греческій и языкъ науки — латинскій. Языки изучаютъ, по Коменскому, не какъ часть образованія, а какъ средство усвоить себѣ образованіе и сообщить его другимъ. Языки, слѣдовательно, имѣютъ чисто служебный характеръ. Знаніе иностраннаго языка само по себѣ не даетъ еще мудрости. У насъ же представляютъ себѣ, что самое знаніе языка уже даетъ извѣстное образованіе. Языкъ нужно изучать только для того, чтобы постигнуть ту часть мудрости человѣческой, которая безъ этого знанія была бы для насъ недоступна. Какіе же необходимо знать языки? — Прежде всего свой родной языкъ; кто живетъ среди инородцевъ — языкъ послѣднихъ, и языкъ науки — латинскій. Противъ изученія многихъ языковъ Коменскій постоянно выступаетъ. Кромѣ перечисленныхъ языковъ, онъ предлагаетъ спеціалистамъ и нѣкоторые другіе: философамъ и врачамъ — греческій и арабскій языки, богословамъ — греческій и еврейскій.

По отношенію къ языкамъ у насъ сейчасъ господствуетъ строгій педантизмъ. Главное вниманіе обращается на число языковъ: если не учишь два древніе языка, такъ учи два новые. Коменскій говоритъ, что языки надо изучать, не какъ часть образованія, а какъ средство усвоить себѣ образованіе (I правило). II правило гласитъ, что нужно изучать языки не во всемъ ихъ объемѣ, а лишь настолько, насколько требуетъ необходимость. Нѣтъ надобности владѣть греческимъ и еврейскимъ языками въ совершенствѣ; достаточно изучить ихъ настолько,

чтобы читать написанныя на этихъ языкахъ книги. Это правило у насъ совершенно не соблюдается. У насъ стараются, напримѣръ, какъ можно подробнѣе изучать латинскую грамматику, всѣ правила, да еще со всѣми исключеніями, какихъ намъ на практикѣ никогда не придется примѣнять. III. и IV. правила. Изученіе языковъ должно идти рука объ руку съ изученіемъ вещей, потому что слова отдѣльно отъ вещей не существуютъ. Мы должны столько же развивать свое пониманіе, сколько и выраженіе. Коменскій объ этомъ издалъ даже отдѣльную специальную книгу — „Janua linguarum“ — „дверь языковъ“. Затѣмъ онъ указываетъ одно практическое правило по отношенію къ дѣтямъ: не нужно сразу давать весь запасъ иностранныхъ словъ, а сообщать ихъ по мѣрѣ развитія. IX правило. Каждый языкъ долженъ изучаться одинъ, отдѣльно отъ другихъ. Вотъ главный грѣхъ нашей педагогики: насъ заставляютъ сразу изучать много языковъ. И нечего таить грѣха, что $\frac{9}{10}$ воспитанниковъ нашихъ семинарій и гимназій выходятъ изъ школы, не зная никакихъ языковъ. Между тѣмъ обычное правило у полиглоттовъ то, что они приобрѣтаютъ знаніе языковъ такимъ образомъ: они садятся и безъ перерыва изучаютъ какой-нибудь одинъ языкъ, до тѣхъ поръ, пока имъ не овладѣваютъ. У насъ же языки и древніе, и новые преподаются въ видѣ какой-то крошки, или лекарства-микстуры: черезъ часъ по столовой ложкѣ. X правило. На каждый языкъ должно быть опредѣлено извѣстное время, чтобы не сдѣлать изъ побочнаго дѣла — главнаго. Порядочно изучить живой языкъ, по Коменскому, можно въ теченіе года, латинскій (мертвый) — два года, еврейскій — полгода, греческій языкъ — одинъ годъ и только родной языкъ, по необходимости, требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ. XI. правило. Всякій языкъ слѣдуетъ изучать болѣе на практикѣ, чѣмъ въ теоріи, по правиламъ. Это правило противоположно тому, по которому мы учились. Даже и родной свой языкъ мы учили

въ школѣ грамматически, на правилахъ. XIV правило. Нормою въ начертаніи новаго языка долженъ служить языкъ прежде изученный, но такъ, чтобы было указано различіе между тѣмъ и другимъ. Поэтому въ учебникахъ не должно помѣщать общаго разнымъ языкамъ, но только то, въ чемъ отстываетъ новый языкъ отъ прежде изученнаго. У насъ былъ замѣчательный педагогъ — Ордынский, который сумѣлъ изложить всю греческую грамматику на десяткѣ листовъ. Но теперь и его, и грамматику эту позабыли¹⁾.

12. Объ изученіи языковъ въ совершенствѣ.

Тщательно нужно изучать родной языкъ и латинскій, и настолько, чтобы ими владѣть вполне. Коменскій въ свое время былъ занятъ мыслью, какъ бы легче научить латинскому языку. Усовершенствованныхъ методовъ тогда еще не было. Латинскія грамматики вездѣ писались на латинскомъ же языкѣ. Изученіе языковъ можно раздѣлить на четыре ступени возраста: дѣтскій, отроческій, юношескій и мужской, и сообразно этому долженъ быть для каждой ступени особый учебникъ по языкамъ.

1) Учебникъ для дѣтскаго возраста — „Vestibulum“ (преддверіе) — долженъ заключать въ себѣ матеріаль для дѣтскаго разговора, нѣсколько сотъ словъ съ присоединеніемъ къ нимъ таблицъ склоненій и спряженій.

2) — для отроковъ „Janua“²⁾ (дверь) — заключать употребительныя слова, около 8000, въ видѣ разговорныхъ фразъ; краткія грамматическія правила о письмѣ, произношеніи и соединеніи словъ даннаго языка. Можно быть хорошимъ латинистомъ, или знать хорошо въ теоріи нѣмецкій языкъ, но не умѣть на немъ говорить. И нынѣ всего удобнѣе изучать языки практически, начинать со

1) См. мою брошюру о Борисѣ Ивановичѣ Ордынскомъ.

2) У насъ теперь въ употребленіи слово Porta (напр., *linguarum orientarium* — сборникъ грамматикъ).

знакомаго, брать для начала что-нибудь попроще — газеты, объявленія.

3) — для юношескаго возраста — учебникъ — „Palatium“ (жилище) — содержащій въ себѣ бесѣды о всевозможныхъ вещахъ, всякаго рода изреченія и отборныя выраженія, способы измѣнять обороты и предложенія.

4) — для мужского возраста — „Thesaurus“ (Сокровищница) — содержитъ въ себѣ сочиненія классическихъ авторовъ. Для занятій по языкамъ этому возрасту нуженъ еще „Всеобщій Промптуарій“ — (кладовая), исчерпывающій все содержаніе языковъ. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что и до сего времени мы не имѣемъ на русскомъ языкѣ даже полнаго словаря своего языка, кромѣ попытки Даля.

13. Методъ обученія нравственности.

Здѣсь Коменскій говоритъ, что при изученіи наукъ и предметовъ все должно сводиться къ нравственному воспитанію, и только тогда человѣкъ можетъ быть мужественнымъ и великодушнымъ. Слѣдовательно, надо прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы выработать искусство насажденія испытанной нравственности. Нужно внѣдрять въ сердце юности основныя добродѣтели. — Каковы же эти основныя добродѣтели? Мудрость, умѣренность, мужество, справедливость. -- Не увидимъ ли мы тутъ своихъ старыхъ греческихъ знакомыхъ? — Это четыре Платоновы добродѣтели: *σοφία*, *σοφροσύνη*, *ἀνδρεία* и *δικαιοσύνη*. Старые греки — нѣтъ да нѣтъ, и проявляются въ новыхъ людяхъ, даже самыхъ церковныхъ и ортодоксальныхъ. Такимъ образомъ здѣсь можно установить преемственную связь между древней и новою педагогикой.

Мудрость юности почерпаютъ изъ хорошаго преподаванія, изъ правильнаго сужденія о вещахъ, избѣгая извращеннаго; привычка всегда поступать правильно должна сдѣлаться какъ бы ихъ второй природою.

Умѣренность должна проявляться въ прѣмѣ пищи и питья, снѣ и бодрствованіи, въ разговорахъ и молчаніи.

Мужеству дѣти учатся, преодолевая самихъ себя, свой гнѣвъ, ропоть, нетерпѣніе.

Справедливости учатся, когда никого не оскорбляютъ, избѣгаютъ лжи и обмана и показываютъ себя исполнительными и любезными. Въ этомъ правилѣ Коменскій не является оригинальнымъ. Римляне еще давно учили въ своемъ правѣ: „*honeste vivere, neminem laedere, suum cuique tribuere*“ — живи честно, никого не обижай, каждому отдавай его должное.

Нужно быть всегда прямодушнымъ. Современный же человекъ чѣмъ культурнѣе, тѣмъ больше присоединяетъ къ своей культурѣ „условной лжи“ (Нордау). Нужно имѣть выносливость въ трудѣ, которую юноши приобретаютъ тогда, когда они будутъ постоянно чѣмъ-нибудь заняты — или серьезнымъ, или развлекающимъ. Это — мысль отчасти Аристотеля, который замѣчаетъ, что скolé, — досугъ — долженъ наполняться достойно. И по Коменскому хорошо, когда можешь всегда чѣмъ-нибудь заниматься. Всякая праздность ведетъ къ умственному и нравственному оупѣнію. Всякій инструментъ безъ употребленія ржавѣетъ и тупѣетъ. Тупѣетъ въ бездѣльѣ и наша душа.

14. Общія дидактическія замѣчанія.

Какъ показываетъ заглавіе основного труда Коменскаго, „Великая Дидактика“, его занимаетъ не столько вопросъ о воспитаніи вообще, сколько спеціально обученіе, составляющее только, собственно говоря, одну часть воспитанія. Дидактика, по Коменскому, есть „искусство учить всѣхъ въ всему“. Впрочемъ основной идеею всѣхъ педагогическихъ воззрѣній, какъ мы уже видѣли, у Коменскаго является та, чтобы обученіе въ школахъ состояло не въ томъ только, чтобы сообщать дѣтямъ и юношамъ знаніе, но непременно нужно заботиться о томъ, чтобы обученіе это было воспи-

т ы в а ю щ и м ъ. Поэтому воспитаніе и обученіе, по взглядамъ Коменскаго, должны носитьъ глубоко-религіозный характеръ. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что послѣднее назначеніе человѣка — вѣчное блаженство въ Богѣ. Земная жизнь должна служить только приготовленіемъ къ этой конечной цѣли. Вслѣдствіе того, для правильнаго приготовленія къ этой жизни Коменскій считаетъ необходимыми не только знаніе, но добродѣтельные нравы и религіозную настроенность. Основанія или зародыши всего этого каждый человѣкъ имѣетъ уже отъ природы; задача же обученія будетъ заключаться въ томъ, чтобы дать по возможности свободный ходъ и развитіе этимъ росткамъ и при томъ должно дѣлать это съ самаго ранняго дѣтства. Школа должна восполнять то, чего не могли сдѣлать родители, она же должна еще и справлять и всѣ недостатки изъ до-школьнаго воспитанія. Учиться же въ школѣ должны всѣ дѣти: богатые и бѣдные, мальчики и дѣвочки и учиться они непременно должны всему, чтобы, первоначально получивъ общее элементарное образованіе, они могли свободно перейти къ научному, нравственному и религіозному развитію. Изъ этого видно, что Амосъ Коменскій стоитъ за всеобщее образованіе, такъ какъ, говоритъ онъ, всѣ созданы для одной цѣли — быть людьми, т. е. разумными созданіями. Для подтвержденія своихъ мыслей онъ ссылается на доктора Лютера, который желалъ, чтобы „во всѣхъ городахъ и селахъ были устроены школы для обученія дѣтей и юношей обоого пола; даже земледѣльцы и ремесленники должны хотя на два часа ходить каждый день въ школу“. Затѣмъ Лютеръ высказался за то, чтобы школьный методъ привлекалъ къ себѣ учениковъ, а не отвращалъ ихъ отъ ученія, чтобы дѣти учились, какъ бы играючи въ орѣхи или мячъ. Прежнія же школы съ ихъ суровымъ методомъ были только пугаломъ для учениковъ, отъ чего большинство учениковъ бѣжало изъ нихъ, чтобы заниматься ремеслами или бродяжничать.

Но при этомъ массовомъ обученіи нужно сообразоваться съ различными способностями дѣтей. Правильный учебный методъ долженъ идти рука объ руку съ указаціями природы. Воспитаніе должно развивать питомца такъ же, какъ происходитъ въ природѣ развитіе органическихъ формъ.

По различію умственныхъ способностей Коменскій раздѣляетъ дѣтей на шесть категорій или группъ.

Прежде всего есть натуры съ острымъ умомъ и любознательныя; эти больше всѣхъ прочихъ бываютъ пригодны для ученья; но не смотря на то, нужно и за ними слѣдить, нужно всѣми силами наблюдать за ними, чтобы онѣ преждевременно не истощились и не ослабли.

Къ другой категоріи Коменскій относитъ дѣтей такъ же съ острымъ умомъ, но не бойкихъ, хотя и послушныхъ; этихъ, говоря словами Амоса, нужно только прищипорить. Къ третьему разряду относятся дѣти „любопытныя, обладающія острымъ умомъ, но упрямая“. Подобныхъ учениковъ школьные учителя считаютъ людьми почти погибшими и въ то же время относятся къ нимъ съ ненавистью. Но Коменскій говоритъ, что изъ этихъ-то полудикихъ дѣтей часто выходятъ великіе люди, если только наставники сумѣютъ взять ихъ въ руки и воспитать. Въ этомъ случаѣ онъ ссылается на великаго Аѳинскаго полководца *Θεμιστοκλα*, который въ дѣтствѣ отличался буйнымъ характеромъ. Учитель его говорилъ ему: „ты не будешь посредственнымъ мальчикомъ, а станешь ты или великимъ благомъ для государства или великимъ зломъ“. Но послѣ того, какъ въ характерѣ *Θεμιστοκλα* произошла совершенная перемѣна, тотъ же учитель его сказалъ: „изъ дикихъ жеребцовъ выходятъ лучшіе кони, если примѣнять къ нимъ надлежащій уходъ и присмотръ.“ Плутархъ, повѣствуя въ своей исторіи о томъ, какъ Александръ Великій изъ дикаго коня *Букефала* сдѣлалъ кроткое и благородное животное, говоритъ: „этотъ конь напоми-

наетъ намъ о томъ, что много отличныхъ природныхъ дарованій пропадаетъ по винѣ самихъ воспитателей, которые коней превращаютъ въ ословъ, не умѣя управлять возвышенными и благородными существами“.

Въ четвертыхъ, дѣти бываютъ послушныя, любознательныя, но тупыя и медленныя. Какъ къ такимъ нужно относиться? Коменскій совѣтуетъ быть снисходительными къ ихъ слабостямъ, не возлагать на нихъ тяжелыхъ и непосильныхъ занятій и не взыскивать съ нихъ многого. Нужно напротивъ дѣйствовать на нихъ такъ, чтобы они не падали духомъ, укрѣплять ихъ, не смотря на то, что они и позднѣе другихъ достигнутъ своей цѣли. Такія дѣти, говоритъ Коменскій, разъ они достигли того, чего со всякими препятствіями и затрудненіями добивались, будутъ тверже, чѣмъ даже даровитыя, удерживать полученные знанія.

Къ пятому разряду принадлежатъ природы не только тупыя, но кромѣ того, лѣнивыя и вялыя. Этихъ дѣтей тоже можно исправить; для исправленія ихъ нужно только со стороны педагоговъ благоразуміе и терпѣніе.

Наконецъ, самую главную заботу для воспитателя составляютъ тупыя, и кромѣ того, испорченныя, почти безнадежныя дѣти. Но и въ нихъ Коменскій не велитъ отчаиваться. Этихъ дѣтей онъ сравниваетъ съ неплодоносными отъ природы деревьями, которыя при содѣйствіи заботливаго садовника становятся плодоносными. Такъ же нужно поступать и съ дѣтьми упрямыми и отъ природы испорченными, нужно всѣми силами стараться искоренить въ нихъ эти недостатки, однимъ словомъ, необходимо принять всѣ мѣры для ихъ исправленія. Если же послѣ всѣхъ усиленныхъ заботъ и стараній, они окажутся неисправимыми, то только тогда уже можно считать ихъ совершенно безнадежными и оставить, говоря словами Коменскаго, какъ искривленное и суковатое полѣно, изъ котораго нельзя уже вырѣзать Меркурія.

Но не смотря на всѣ различныя способности и дарованія учениковъ, обучать, образовывать и воспитывать ихъ нужно по одному и тому же методу, такъ какъ всѣ люди на землѣ добиваются однихъ и тѣхъ же цѣлей: мудрости, нравственности и благочестія, всѣ имѣютъ одну и ту же человѣческую природу. Затѣмъ, всѣ сказанныя различныя способности можно привести къ общей гармоніи и созвучію, такъ что дѣти и съ посредственными дарованіями, по урегулированіи ихъ недостатковъ, не будутъ служить тормозомъ въ учебномъ и воспитательномъ колесѣ. Наконецъ при обученіи дѣтей по одному и тому же научному методу всѣ недостатки въ способностяхъ будутъ болѣе замѣтными, ощутительными для учителя, а въ такомъ случаѣ исправить ихъ можно будетъ гораздо легче. Такимъ образомъ Коменскій стоитъ за то, чтобы въ школахъ ученики медленные были перемѣшиваемы съ быстрыми, тупые съ болѣе воспримчивыми, упрямые съ послушными. Ко всѣмъ въ дѣлѣ образованія нужно примѣнять одинаковыя наставленія и руководства. Этотъ научный походъ Амосъ Коменскій сравниваетъ съ походомъ военнымъ, гдѣ новобранцы смѣшиваются со старыми солдатами, и всѣ сражаются подъ одними знаменами, слушаютъ однихъ и тѣхъ же командировъ, чтобы вести бой въ правильномъ порядкѣ и достигнуть полной побѣды.

Далѣе Коменскій высказываетъ свои соображенія относительно того, какъ производить это перемѣшиваніе дѣтей съ различными способностями. Перемѣшиваніе онъ понимаетъ не только въ томъ смыслѣ, чтобы тупого ученика посадить рядомъ съ болѣе понятливымъ и т. д. Онъ предлагаетъ оказывать реальную помощь неуспѣвающимъ ученикамъ; на примѣръ, если педагогъ замѣчаетъ, что такой-то ученикъ надѣленъ выдающимися способностями, то онъ долженъ отдать ему на обученіе двухъ или трехъ, менѣе способныхъ и отстающихъ. Затѣмъ, если учитель видитъ, что нѣкоторые ученики послушны, внимательны и

въ то же время способны, то долженъ представить таковымъ для наблюденія дѣтей съ дурными склонностями. Позднѣ эта мысль Коменскаго была осуществлена въ видѣ такъ называемой ланкастерской системы обученія.

Но прежде, чѣмъ говорить объ общихъ требованіяхъ обученія, Коменскій настаиваетъ на томъ, чтобы воспитатели стремились продлить жизнь питомца и заботились о правильномъ чередованіи труда и отдыха. Работа, отдыхъ и сонъ должны быть, по его мнѣнію, распредѣлены на три части, по восемь часовъ; такимъ образомъ и на научныя занятія, включая уроки, онъ тоже назначаетъ восемь часовъ, что считаетъ вполне достаточнымъ, такъ какъ, говоритъ онъ, если въ каждый часъ выучивать хотя одну истину изъ какой-либо науки, то къ концу жизни, если искусно проводить ее, можетъ составиться „сокровище учености“.

Какія же главнымъ образомъ цѣли должна преслѣдовать школа при обученіи? Коменскій говоритъ, что прежде всего нужно учиться навѣрняка, т. е., чтобы не могло произойти неуспѣховъ въ обученіи.

Во-первыхъ, чтобы учить успѣшно, навѣрняка, нужно пользоваться юношескимъ возрастомъ, когда происходитъ подъемъ жизненной силы, когда легко пустить въ сердца юношей глубоко корни воспитанія и ученія; образовательныя часы нужно начинать поѣтому также въ утренніе часы и наконецъ матеріалъ для обученія долженъ быть распредѣленъ, сообразно со способностями учениковъ. Матеріалъ для обученія долженъ быть уже наготовѣ, подобно тому, какъ природа сначала заготавливаетъ вещество, прежде чѣмъ дать ему форму. Дальше, подобно тому, какъ въ природѣ все происходитъ и непрерывно развивается изъ простѣйшихъ формъ, такъ и въ обученіи нужно вести учениковъ постепенно отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному, чтобы во всемъ совершенствѣ выполнить цѣль полного образованія.

Каждый учитель долженъ избѣгать путаницы въ учебныхъ предметахъ, т. е. не забивать головъ питомцевъ сразу нѣсколькими предметами. Коменскій прекрасно сравниваетъ это съ сапожникомъ, который не сразу шьетъ шесть паръ сапогъ, а исполняетъ свою работу постепенно, и приготовивъ сначала одну пару, только тогда уже принимается за другую. Точно такъ же, въ одно время ученики должны заниматься только однимъ предметомъ. Слѣдуя далѣе законамъ природы, мы видимъ, что вся дѣятельность ея начинается съ самаго общаго и закончивается частностями. Изъ области искусства можно взять живописца, который при изображеніи человѣка не рисуетъ сначала отдѣльныхъ частей тѣла: уха, глазъ, носа и т. д., а производитъ, хотя и грубо сразу всего человѣка, а потомъ уже изъ этой массы вырисовываетъ отдѣльныя части. Такимъ же образомъ и въ обученіи предлагается прежде всего сдѣлать общій обзоръ всего научнаго матеріала, а не сразу приступать къ изученію отдѣльныхъ предметовъ, чтобы дальнѣйшія занятія не были совершенно новыми для дѣтей, но были бы только развитіемъ прежнихъ. Учитель долженъ намѣтить опредѣленный планъ занятій передъ каждымъ часомъ, чтобы не скакать съ одного предмета на другой. Что же касается времени пребыванія дѣтей въ школѣ, то Коменскій совѣтуетъ, обучать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не выйдутъ изъ нея людьми образованными, нравственными и религіозными; кромѣ того, не надо позволять ученикамъ пропускать занятія, какія бы уважительныя причины они ни представляли для этого.

При изученіи отдѣльныхъ наукъ Янъ Коменскій предписываетъ учителямъ въ своей „Великой Дидактикѣ“ быть осторожными, т. е. не допускать и не возбуждать въ дѣтяхъ сомнѣній и какихъ-либо спорныхъ вопросовъ, потому что, говоритъ онъ, это расшатываетъ умъ ученика. Для большей убѣдительности своихъ мыслей, онъ ссылается въ этомъ случаѣ на знаменитаго Голландскаго юриста,

знаменитаго Гуго Гроція, который утверждаетъ, что „никогда не дойдетъ до разумѣнія истины тотъ, кто начинаетъ свое образованіе съ критики“.

Такимъ образомъ, при исполненіи такихъ общихъ требованій и средствъ обученіе будетъ вѣрнымъ. Дальше Коменскій высказываетъ свои соображенія, какъ надо примѣнять эти средства, сообразуясь опять-таки со способностями учениковъ, чтобы ученіе для нихъ казалось легкимъ и пріятнымъ.

Обученіе является легкимъ и пріятнымъ, если ученикъ съ самаго начала сохраняетъ по извѣстному предмету одного и того же учителя, который правильнымъ способомъ обученія облегчаетъ работу воспитаннику и возбуждаетъ въ немъ любознательность и энергію къ занятіямъ. Различные учителя, по мнѣнію Коменскаго, не могутъ держаться однѣхъ и тѣхъ же формъ и способовъ обученія, а потому будутъ только тормозить развитіе дѣтей. Говоря о легкости и пріятности обученія, Коменскій является яркимъ противникомъ насилія и всякаго принужденія къ ученію. Онъ прекрасно и это опять сравниваетъ съ желудкомъ: „если желудокъ совершенно неохотно принимаетъ пищу, а все-таки ее стараются насилу ввалить въ него, то отъ этого можетъ произойти только рвота; напротивъ — голодный желудокъ съ удовольствіемъ принимаетъ пищу и прекрасно ее перевариваетъ“. Ссылается онъ еще на Квинтиліана, который говоритъ: „стремленіе къ ученію основывается на волѣ, на которую нельзя дѣйствовать принужденіемъ“.

Но какъ же все-таки пробуждать ревность къ ученію? Коменскій говоритъ, что ревность прежде всего поддерживается родителями, которые должны превозносить похвалами образованіе и ученыхъ людей, хорошо отзываться объ учителяхъ; онъ даже совѣтуетъ посылать дѣтей къ учителю съ какимъ-нибудь порученіемъ или подарочкомъ; тогда они, говоритъ Коменскій, скорѣе полюбятъ науку, да

и самого учителя. Кромѣ того, сами учителя могутъ воспламенять ревность въ дѣтяхъ, если они добры и ласковы съ ними: тогда школа и педагоги не будутъ уже пугаломъ для нихъ. Веселыя, свѣтлыя и чистыя школьныя помѣщенія, съ мѣстами для прогулокъ и игръ, ведутъ къ тому же такъ же, какъ и ласковое обращеніе учителя; тогда дѣти, говоритъ онъ, будутъ ходить въ школу не съ меньшей охотой, чѣмъ на ярмарку, гдѣ они всегда ожидаютъ увидѣть или услышать что-нибудь новое и интересное.

Самый методъ преподаванія, чтобы вызывать охоту у дѣтей, долженъ, по словамъ Коменскаго, быть „разумно подслащенъ“, т. е. чтобы все серьезное было пріятнымъ и преподавалось или въ формѣ бесѣды или въ формѣ словеснаго состязанія. Затѣмъ обученіе покажется ученику легкимъ и пріятнымъ, когда учитель объяснитъ какую пользу принесетъ изученіе того или другого предмета въ обыденной жизни. Если же этого учитель не будетъ дѣлать, то все, чтò онъ ни расскажетъ, покажется дѣтямъ чудовищнымъ. Напротивъ, дѣти всегда должны сознавать, чтò и для чего они дѣлаютъ, чтобы понять вполнѣ, какое тому или иному предмету будетъ примѣненіе въ жизни.

Третьимъ требованіемъ для успѣшнаго обученія является требованіе основательнаго ученія, такъ какъ, говоритъ Амосъ, многіе недовольны, что самая незначительная часть получаетъ основательное образованіе, а большинство получаетъ только верхушки научныхъ познаній. Какъ же достигнуть этого основательнаго образованія?

Коменскій говоритъ, что основательнымъ образованіе будетъ только тогда, когда удалятъ изъ обученія всѣ ничтожныя и бесполезныя предметы. Но при этомъ, всякое знаніе должно происходить изъ одного корня, именно основываться на собственномъ созерцаніи и самостоятельномъ опытѣ учащагося; образованіе надлежащее состоитъ не въ забиваніи головъ учащихся изреченіями и мыслями,

взятыми у различныхъ писателей, но ученики должны и зъ собственнаго корня развивать свою жизнь и не навѣшивать на себя, какъ Эзопова ворона, павлиньихъ перьевъ. Ученикамъ совсѣмъ не нужно, говорить Коменскій, знать о предметахъ разнообразныя мнѣнія ученыхъ, что тогда считалось да и теперъ инымъ кажется — идеаломъ учености; въ противномъ случаѣ, нахватанныя ими мысли и фразы писателей, только затемнятъ такъ ихъ головы, что они уже не смогутъ высказать собственныхъ размышлений о томъ или иномъ предметѣ. Учителя, кромѣ того, должны заботиться о томъ, чтобы всѣ вновь пріобрѣтенныя знапія опирались на усвоенное раньше; ученики должны понимать причинную связь явленій.

Пріобрѣтенныя и усвоенныя знапія необходимо закрѣплять посредствомъ связнаго изложенія или при помощи взаимныхъ вопросовъ между учителемъ и учениками. Ученикамъ также и внѣ школы будетъ возможно задавать другъ другу вопросы изъ пройденнаго за день въ школѣ. Это они могутъ устраивать во время прогулокъ и игръ. Коменскій совѣтуетъ имъ для этого выбрать изъ своей среды по жребію одного въ качествѣ учителя, который бы задавалъ имъ вопросы и руководилъ всѣми ихъ разсужденіями. Нужно это дѣло поставить такъ, чтобы никто не уклонялся отъ подобныхъ случаевъ, а наоборотъ еще охотно ихъ искалъ.

Наконецъ, послѣднимъ требованіемъ успѣшнаго обученія является, по Коменскому, образованіе быстрое. Онъ говоритъ, что многіе могутъ сказать, якобы учиться основательно очень трудно и требуетъ весьма продолжительнаго времени. На это возраженіе Коменскій отвѣчаетъ: „конечно, если не сдѣлать никакихъ сокращеній, то это — трудъ необъятный и работа почти безконечная“. Но кто же не знаетъ, говоритъ онъ, что даже растянутое можно представить въ сжатомъ видѣ, трудное передать въ сокращеніи? Для подтвержденія этого онъ приводитъ много при-

мѣровъ. Ткачи, напр., очень быстро сплетаютъ тысячи тысячъ нитей и ткутъ узоры, удивительные по своему разнообразію. „Кто не знаетъ, что механики при помощи небольшихъ машинъ и почти безо всякаго труда и усилій передвигаютъ громадныя тяжести?“ Слѣдовательно, заключаетъ Амосъ Коменскій, можетъ произвести что-нибудь великое не всегда только сила, но и искусство. „А развѣ ученые люди лишены искусства талантливо выполнять свои многотрудныя задачи?“

Средствами для быстрого и успѣннаго прохожденія образованія онъ прежде всего выставляетъ слѣдующія. Обученіе будетъ быстрымъ, если учитель будетъ призывать на помощь себѣ учениковъ. Въ то время, какъ учитель занимается въ одномъ классѣ, надзоръ за остальными онъ поручаетъ декуріонамъ или надсмотрщикамъ изъ учениковъ же. Каждый изъ „десятниковъ“ будетъ наблюдать за своимъ отдѣленіемъ, чтобы всѣ исполняли работу наилучшимъ образомъ. Они такимъ образомъ могутъ освободить учителя отъ повторительной работы и исправленія письменныхъ работъ учениковъ. Главная же обязанность декуріоновъ состоитъ въ томъ, чтобы они зорко слѣдили за учениками и поддерживали ихъ бодрое вниманіе.

Для быстроты обученія Коменскій настаиваетъ также на надлежаще составленныхъ учебникахъ. Послѣдніе должны полно, основательно и точно исчерпывать весь матеріалъ, необходимый для обученія; но самое главное требованіе — изложеніе ихъ должно отличаться простымъ, разговорнымъ языкомъ, чтобы ученики безъ помощи учителя могли свободно разбираться и понимать ихъ. Для подтвержденія истинности своихъ предположеній онъ ссылается на Платона, который въ формѣ бесѣды изложилъ всю свою философію.

Но такъ какъ все обученіе должно носить религіозный характеръ и служить вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственному развитію учениковъ, то Коменскій говоритъ, что непремѣнно

на школьной еще скамьѣ нужно развивать въ дѣтяхъ, по крайней мѣрѣ (см. выше), четыре основныхъ добродѣтели: благоразуміе, умѣренность, самообладаніе и справедливость. Развитію въ дѣтяхъ названныхъ добродѣтелей и лучшими средствами для осуществленія ихъ можетъ служить примѣръ родителей и учителей и наконецъ, правильная школьная дисциплина. Что касается послѣдней, то школа не можетъ обойтись безъ нея, все равно, какъ мельница безъ воды или поле безъ удобренія и полотья. Но о дисциплинѣ и о школьной этикѣ Коменскаго было достаточно уже сказано выше. Необходимо замѣтить, впрочемъ, что и въ самой „Дидактикѣ“ Коменскаго одни и тѣ же мысли его повторяются неоднократно въ разныхъ главахъ.

На этомъ мы можемъ закончить изложеніе воспитательныхъ теорій Коменскаго, чтобы перейти къ философу и педагогу, несомнѣнно, испытавшему сильное вліяніе со стороны „Великой Дидактики“ Яна-Амоса, хотя и не упоминающаго его прямо по имени.

Л о к к ъ .

Слѣдующій педагогъ XVII вѣка, котораго мы будемъ разсматривать, есть Локкъ, написавшій трактатъ по педагогикѣ „Мысли о воспитаніи“. Книга Локка страдаетъ тѣми же недостатками, какими и его большой трактатъ по психологіи. Главный изъ нихъ — это много-словіе. Можно бы выразить многое гораздо короче, чѣмъ выражается обычно Локкъ. Коменскій выразался короче и въ данномъ отношеніи превосходитъ его. Локкъ любитъ писать растянуто; нѣтъ у него раздѣленія на главы и отсутствуетъ строго выработанный планъ.

Трактатъ его „Мысли о воспитаніи“ раздѣляется на три части. I часть — о физическомъ воспитаніи, II — о нравственномъ воспитаніи и III — о воспитаніи умственномъ. Наряду съ недостатками, у Локка есть много хо-

ронихъ черточекъ и дѣльныхъ замѣчаній, любопытныхъ размышленій. Важно отмѣтить, что Локкъ былъ какъ бы домашнимъ учителемъ и много почерпнулъ свѣдѣній изъ практики. Хотя онъ, какъ мы знаемъ, и не былъ врачомъ, но его мнѣнiемъ въ медицинѣ дорожили современные представители этой науки. Онъ обладалъ также большимъ психологическимъ опытомъ. Нельзя не отмѣтить, что, если уже Коменскiй началъ покидать философскую почву, то Локкъ въ педагогикѣ совершенно эмансипировался отъ философи. Онъ является представителемъ новой педагогики, новыхъ временъ. Этимъ и отличается новая педагогика отъ греческой вообще. Съ одной стороны это недостатокъ, но съ другой — есть преимущество: тутъ человѣкъ чувствуетъ себя несвязаннымъ ни съ какой философской доктриною и можетъ выразить свои мнѣнiя, не боясь того, соотвѣтствуютъ ли они извѣстной системѣ или нѣтъ.

Нельзя не замѣтить у Локка заимствованiй изъ Аристотеля, и, быть можетъ, это отчасти объяснимо тѣмъ, что Аристотель тоже былъ врачомъ. Нѣкоторые изслѣдователи указываютъ, что и Коменскiй повлiялъ на Локка; другiе это отрицаютъ. Мы не разъ у Локка увидимъ повторенiе идей Коменскаго.

Въ древней Греци педагогика не была педагогикою для всѣхъ. Воспитанiе было удѣломъ только свободно-рожденныхъ гражданъ. Рабъ же и женщина не получали вовсе воспитанiя, даже не умѣли правильно говорить по-гречески. Коменскiй ближе стоитъ къ новому времени, онъ высказывается за воспитанiе всѣхъ людей всѣхъ нацiй, но обосновываетъ это богословскимъ образомъ — всякъ языкъ долженъ хвалить Господа. Такой взглядъ на воспитанiе заставляеть насъ уважать Коменскаго, какъ человѣка новаго времени. Здѣсь нужно предупредить, что нѣкоторые современные писатели ¹⁾ утверждаютъ, будто еще Платонъ

1) Напр., Н. И. Новосадскiй въ своей брошюрѣ „Педагогическiе идеалы Платона“.

говориль о всеобщемъ образованіи. Но это невѣрно. Что касается Аристотеля, то мы хорошо знаемъ, какимъ у него должно быть воспитаніе, — только для свободно-рожденныхъ. Локкъ тоже имѣеть въ виду прежде всего мужчинъ, а не женщинъ, — и какихъ мужчинъ? — онъ хочетъ воспитать англійскаго джентльмена, родившагося въ богатствѣ и въ знатной семьѣ. Замѣтимъ кстати, какъ поддерживается богатство у англійской аристократіи. У нихъ все переходитъ въ наслѣдство старшему сыну, вмѣстѣ съ титуломъ; напр., только старній сынъ герцога будетъ герцогомъ. Остальные же братья, если раньше не были обеспечены отцомъ, и если не подарить имъ чего старній братъ, — совершенно бѣдствуютъ, становятся пасторами, офицерами, фермерами. Локкъ имѣеть въ виду воспитать ни человѣка вообще, какъ Руссо, ни христіанина, какъ Коменскій, ни воина, какъ Платонъ, а барчука, аристократа, барина, у котораго будетъ много богатства. Все это подрываетъ значеніе книги Локка, но онъ, надо замѣтить, очень ученый человѣкъ и это выгодно отозвалось на его книгѣ. Не безъ основанія утверждаютъ, что не будь его, не было бы и книги знаменитаго Руссо „Эмиля“; литература французская вообще находилась въ XVIII столѣтіи подъ вліяшемъ англійской.

Главное воспитаніе, по Локку, должно быть воспитаніе нравственное, а не научное. Локкъ объявляетъ намъ прямо, что ученіе для будущаго барина не такъ нужно, какъ воспитаніе. Какъ нужно понимать это утвержденіе? Здѣсь мы должны видѣть отчасти протестъ противъ тогдашней системы воспитанія. Англія есть страна удивительнаго консерватизма, страна, гдѣ пишутъ новые законы, а старыхъ не отмѣняютъ. Тамъ и до сихъ поръ есть такія школы, которыя подобны средневѣковымъ, и школьная реформа ихъ почти не затронула. Англійскій университетъ есть подобіе монастыря; и профессоръ, и студенты носятъ мантии и студенты живутъ, какъ послушники. Для профес-

соровъ и студентовъ существуетъ общая трапеза. Въ университетѣ учатся только богатые. Во многихъ школахъ и до сихъ поръ деруть въ Англіи розгами. Только въ англійской арміи и флотѣ практикуется „кошка“ (девятыхвостая плеть). Возьмемъ Диккенса, и мы увидимъ, что школа въ Англіи есть вещь очень дикая. — Какъ поступаютъ въ университетъ? На родномъ языкѣ ничего не требуется: вступительныя сочиненія пишутся на латинскомъ языкѣ; преміи даютъ не за научные труды, а за составленіе стихотворныхъ поэмъ на древнихъ языкахъ. Если все это принять во вниманіе, то многое можно простить Локку.

Умственное воспитаніе.

Ученіе, по Локку, есть дѣло послѣднее. Ученіе Локкъ ставитъ въ самомъ концѣ и считаетъ его для джентльменовъ вещью менѣе важною. На первомъ же мѣстѣ у него ставится нравственное воспитаніе. Спрашивается, чѣмъ же могутъ быть объяснены такія крайнія мнѣнія его; — жестокостью нравовъ, господствовавшихъ въ англійскихъ школахъ. „Не спорю — говоритъ Локкъ, — ученіе можетъ принести большую пользу хорошо сформированному уму, а у кого умъ не такъ хорошо сформированъ, оно можетъ сдѣлать его еще больше дуракомъ и негодяемъ“. Тутъ уже Локкъ черезчуръ выражается рѣзко. Онъ идетъ здѣсь дальше греческихъ педагоговъ и становится на почву спартанцевъ. Но послѣднихъ не потому не учили, что не признавали значенія ученія, но просто оно у нихъ не привилось; они не были друзьями науки, но и не были ея врагами. — „Найдите человѣка“ — говоритъ Локкъ, „который сумѣлъ бы образовать, какъ слѣдуетъ, нравственность Вашего ребенка, поддержать и развить добрыя начала въ немъ, и тогда можно будетъ только прибавить ученья“. На этомъ мы можемъ остановиться. Это мѣсто у Локка слабое. Онъ представляетъ воспитаніе такимъ образомъ, какъ будто для

каждаго ребенка можно имѣть особаго гувернёра ¹⁾. Для насъ нужна массовая педагогика; у насъ не хватитъ людей и средствъ за каждыиъ ребенкомъ поставить по гувернёру, а вѣдь воспитывать и учить надо всѣхъ. Въ этомъ отношеніи педагогика Коменскаго преимуществуетъ.

Когда начинать учить ребенка? — Нѣкоторые педагоги рекомендуютъ начинать учить съ 7 лѣтъ. Локкъ же совѣтуетъ начинать, какъ только ребенокъ начнетъ говорить, значить, приблизительно съ 4-хъ лѣтъ. Это теперь наблюдается развѣ только въ еврейскихъ хедерахъ (школахъ) и есть крайность. Нельзя думать, чтобы ученіе, столь раннее, могло быть полезнымъ и плодотворнымъ. Ученіе, по Локку, должно сдѣлать для дѣтей забавою и развлеченіемъ; никогда нельзя бранить и наказывать за небрежное къ нему отношеніе. Слѣдовательно, ученіе не должно быть въ тягость ученикамъ, какъ тяжелая обязанность. Тутъ Локкъ не оригиналенъ: это — мысль Коменскаго. Учить такъ, чтобы ученики смотрѣли на ученіе, какъ на забаву — тоже крайность. Нужно, чтобы ученики сохраняли къ ученію нѣкоторое уваженіе. Рекомендуетъ Локкъ употреблять при обученіи нѣкоторые такъ называемые „невинные обманы“. Для иллюстраціи этой мысли онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. У одного лорда, друга Локка, младшаго сына было трудно засадить за книгу. Локкъ въ присутствіи мальчика заводитъ разговоръ на ту тему, что старшіе сыновья, какъ наслѣдники, пользуются преимуществомъ получать хорошее образованіе, которое доставить имъ всеобщую любовь и уваженіе. Что же касается младшихъ сыновей, то они „могутъ, если хотятъ, оставаться невѣжественными обломами и мужиками“. — „Этотъ разговоръ“, прибавляетъ Локкъ, „такъ подѣйствовалъ на мальчика, что онъ пожелалъ учиться“. — „Можно придумать де-

1) Въ ту же ошибку впалъ въ своихъ педагогическихъ теоріяхъ и Руссо.

сятки другихъ способовъ подобнаго невиннаго обмана, напр., костяшки или игрушки съ написанными на нихъ буквами и т. д.“ Нѣчто подобное совѣтоваль еще Квинтиліанъ.

Возстаётъ Локкъ противъ побоевъ и сѣченія. И тутъ сказались грубые нравы англійскихъ школъ. Даже дѣти короля не избавлялись отъ порки, и только наслѣдника не сѣкли. У Марка Твэна въ прекрасномъ разсказѣ „Принцъ и нищій“ можно читать, какъ въ присутствіи наслѣдника англійскаго престола сѣкли другого мальчика, невиннаго, чтобы этимъ наказать виновность самого наслѣдника въ какомъ-либо проступкѣ.

Нужно указать на другое еще заимствованіе у Коменскаго: „когда ребенокъ научится читать, то дать въ руки ему хорошую и интересную для него книгу“. Коменскій на этотъ случай написалъ книгу „Orbis pictus“. Нашъ Толстой ¹⁾ также писалъ книжки для первоначальнаго чтенія. Локкъ полагаетъ, что самой лучшею книгой въ этомъ случаѣ будутъ басни Эзопа, особенно если онѣ снабжены картинками. Но иллюстраціи, какъ мы знаемъ, опять-таки впервые придуманы Коменскимъ. Этой же цѣли, по мнѣнію Локка, можетъ послужить и книжка Рейнеке-Лисъ.

Что же касается религіознаго воспитанія, то ребенокъ долженъ знать Десять заповѣдей, Символь вѣры, Молитву Господню, при чемъ онъ долженъ выучить ихъ не по книгѣ, а со словъ. У него есть далѣе и спеціальный пунктъ о чтеніи Библии. Нигдѣ такъ не распространено чтеніе Библии, какъ въ Англии; по наряду съ тѣмъ наблюдается ханжество среди англичанъ и религіозное лицемѣріе. Локкъ противъ того, чтобы заставлятъ дѣтей читать Библию. Какое удовольствіе можетъ доставить ребенку чтеніе того, чего онъ не понимаетъ? Не думаетъ онъ также, чтобы

1) О педагогикѣ Толстого см. брошюру моего ученика Д. Г. Годнева.

эта книга подходила къ умственному развитію ребенка. Взамѣнъ этого онъ рекомендуетъ читать дѣтямъ только избранныя мѣста Библии, напр., исторію Іосифа, про Давида и Голіааа и проч. Катехизисъ совѣтуетъ изучать по Ворши и н г т о н у (писателю XVII в.), гдѣ отвѣты пригнаны прямо текстами и подлинными словами Св. Писанія.

Что касается письма, то Локкѣ, по примѣру Коменскаго, совѣтуетъ давать прописи ученикамъ и заставлятъ ихъ обводить чернилами, потому что почеркъ нашъ съ теченіемъ времени становится все мельче, но никогда не крупнѣетъ. Къ письму присоединяетъ Локкѣ и рисованіе. Это тоже не новостъ: Аристотель еще совѣтовалъ присоединять къ письму г р а ф и к у.

Относительно изученія языковъ Локкѣ тоже говорить, что не нужно изучать слишкомъ много языковъ. Прежде всего надо изучить свой родной, англійскій языкъ, а потомъ французскій, потому что въ Англии много людей, знающихъ французскій языкъ и его можно изучать живымъ способомъ.

Латинскій языкъ тоже рекомендуется изучать живымъ способомъ. Необходимъ же латинскій языкъ только для джентльменовъ, напр., при поступленіи въ университетъ. Для другихъ же дѣтей латынь не нужна и бесполезна. Между прочимъ англичане вообще не любятъ изучать языковъ, а если и выучиваются говорить, то очень скверно. „Нужно дать кое-какія свѣдѣнія по другимъ наукамъ, напр., изъ географіи, астрономіи, исторіи, анатоміи“. Если нельзя подыскать наставника, который могъ бы самъ хорошо говорить по латыни, то возьмите, говорить Локкѣ, какую-нибудь строчку изъ занимательной книжки и выпишите всѣ латинскія фразы, а подъ нею — въ другой строчкѣ — англійскій переводъ, сдѣланный какъ можно буквальнѣе. И заставляйте мальчика каждый день читать и перечитывать эти двѣ строчки, пока ему не стануть извѣстны всѣ латинскіе слова. Такимъ же способомъ за тѣмъ слѣдуетъ перехо-

дить къ новой строчкѣ и т. д. — Вѣдь если заставлятъ ребенка учить и переучивать эти двѣ, всё тѣ же самыя строчки, то ученіе совсѣмъ можетъ ему опротивѣть. — Можно взять для этой цѣли того же Эзопа.

Педагогика Локка въ нѣкоторыхъ пунктахъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ духу нашего времени; она не демократична: для насъ воспитаніе барчука мало интересно. Мы можемъ пользоваться ею лишь постольку, поскольку въ ней есть черты общедидактическія. Въ этомъ отношеніи Коменскій ближе для насъ и интереснѣе, потому что онъ занимается вопросомъ, какъ воспитывать всѣ человѣческія существа. Локка надо умѣть читать; его теоретическія разсужденія неудачны, но какъ наблюдатель, какъ эмпирикъ, онъ всегда будетъ высоко стоять въ философіи, педагогикѣ и психологіи. Объясняетъ Локкъ, почему къ дѣтямъ нельзя такъ относиться, какъ ко взрослымъ: „умъ дѣтей еще слабъ и объемъ его настолько ограниченъ, что обыкновенно онъ не можетъ воспринять болѣе одной мысли за разъ. Всякая идея, владѣющая умомъ ребенка, всецѣло занимаетъ его“. Совершенно вѣрно. Дитя всегда увлекается одной идеею, и мы подчасъ ничѣмъ не можемъ сбить его съ этой идеи. Чѣмъ ребенокъ сильнѣе заинтересованъ, чѣмъ сопроводительныя эмоціи сильнѣе, тѣмъ труднѣе его бываетъ отвлечь отъ засѣвшей въ голову мысли. Съ другой стороны натура дѣтей такова, что „располагаетъ ко внезапнымъ переходамъ отъ одного предмета къ другому; одно и то же имъ быстро надоѣдаетъ, такъ что вся прелесть для нихъ заключается въ перемѣнѣ и разнообразіи“. Продолжительное вниманіе есть одна изъ самыхъ трудныхъ задачъ, которую приходится возлагать воспитателю на дѣтей. Теоретическія обоснованія всего этого даны Коменскимъ, но наблюденія Локка цѣнны. Онъ хороній педагогъ въ томъ, что онъ къ дѣтямъ относится сердечно и даетъ рядъ полезныхъ замѣчаній. „Преподаватель, насколько возможно, долженъ заставить своего питомца понять пользу препода-

ваемаго“. Разумѣтся, разъяснить пользу преподаваемаго для юнаго возраста дѣло очень трудное, но полезное. Все это указано еще Коменскимъ, но хорошія вещи повторять можно.

„Преподаватель долженъ вызвать въ ребенкѣ сознание, что онъ искренно любитъ его и имѣетъ въ виду только его благо; благодаря этому, и ребенокъ почувствуетъ со своей стороны любовь къ наставнику и будетъ съ охотою и удовольствіемъ выслушивать его уроки“. Слѣдовательно, Локкъ здѣсь проповѣдуетъ взаимную симпатію между воспитателемъ и воспитанникомъ. Но это возможно тогда только, когда одинъ ученикъ и одинъ гувернёръ. Когда же на учителя приходится 50 человѣкъ, то тутъ уже у него не хватитъ силъ на мягкое обращеніе со всѣми, среди которыхъ часто заводятся и паршивыя овцы. Да и темпераментъ у разныхъ педагоговъ разный. И хорошій бываетъ педагогъ, но сантиментальности въ немъ, нѣжности нѣтъ. Одно правило необходимо, чтобы у воспитанниковъ было убѣжденіе, что преподаватель искренно имъ желаетъ блага. Не должны преподаватели и лицемѣрить. Мы теперь такъ шагнули впередъ, что въ средней и высшей школѣ брани и побоевъ нѣтъ; но у насъ есть еще другое величайшее зло — это человѣкъ въ футлярѣ, легально-формальное педагогическое отношеніе къ дѣлу. У такого педагога нѣтъ сердечности и прямоты отношенія, лишь бы была соблюдена форма. Чиновники и канцеляристы пишутъ кипы бумагъ, и всѣ эти бумаги соблюдаются, а души въ школѣ нѣтъ, нѣтъ заботы о питомцахъ. И оттого школа развращается. Эпидемическія самоубійства среди учащихся показываютъ, что тутъ не заботятся о душѣ. Локкъ этого не предусмотрѣлъ: и брань не такъ опасна, какъ то сознание, что отбывается въ школѣ какая-то повинность, собрались для исполненія параграфовъ. Прежде, хотя и драли, но у воспитанниковъ могло быть все-таки нѣкое сознание, что и дерутъ то ихъ потому, что желаютъ имъ лично добра.

Дальнѣйшій параграфъ касается того, какъ поступать съ дѣтьми упрямыми. Многіе педагоги воображаютъ, что передъ ними сидятъ ангелы, но среди дѣтей есть и порочныя дуни. По Локку, какъ и по Коменскому, упрямство — единственный порокъ, который заслуживаетъ серьезнаго отпора, хотя бы даже и цѣною побоевъ. Локкъ склоненъ думать, что упрямство питомца порою является результатомъ злобы воспитателя, неумѣстная суровость котораго создаётъ отвращеніе даже ко всему тому, что отъ педагога исходитъ. И дѣйствительно, если преподаватель не сумѣетъ стать на сердечную почву съ воспитанниками, то появится отвращеніе ко всему тому, что отъ него исходитъ: нерасположеніе къ учителю распространяется и на его преподаваніе; ученикъ не только не будетъ любить учителя, но не полюбитъ и его предмета. Личность преподавателя подкупаетъ часто въ пользу его предмета. И у насъ, въ русской педагогикѣ есть такой примѣръ — это Грановскій, читавшій всеобщую исторію въ 30—40-хъ годахъ XIX в. въ Московскомъ университетѣ. Онъ не былъ первокласснымъ ученымъ, онъ былъ ученый третьей степени да вдобавокъ лѣнливый, картежникъ, проигрывавшій всѣ ночи въ клубѣ. Но Грановскій пользовался громаднѣйшимъ обаяніемъ среди студенчества и даже создалъ цѣлую эпоху идеальнаго воспитанія. Отчего это происходило? — Оттого, что всѣ знали, что онъ искренно желаетъ студенчеству блага, всѣми силами стремится помочь ему, нѣтъ у него никакихъ эгоистическихъ цѣлей, и его слушатели вѣрили ему, проникались его идеалами и усердно занимались предметомъ Грановскаго, всеобщей исторію.

Умственное развитіе, полагаетъ Локкъ, должно имѣть и общее воспитательное вліяніе. Воспитаніе имѣетъ вѣдь цѣлью развить тѣлесныя и духовныя силы ребенка до такой степени, чтобы онъ впослѣдствіи постоянно стремился къ самоусовершенствованію. Обученіе же есть часть или особый видъ воспитанія, и слѣдовательно, должно преслѣ-

довать ту же самую цѣль и служить средствомъ для развитія важныхъ въ человѣкѣ качествъ души и хорошихъ привычекъ. Нѣтъ надобности, по мнѣнію Локка, заботиться о томъ, чтобы молодой джентльменъ былъ глубокимъ ученымъ или владѣлъ въ совершенствѣ тѣми науками, знаніе которыхъ для него необходимо лишь въ общемъ обзорѣ. Еслибы воспитанникъ захотѣлъ потомъ глубже изучить ту или другую науку, то онъ долженъ добиться этого самъ, своими собственными силами. Съ помощію же воспитателя онъ обязанъ достигнуть лишь того, чтобы обладать знаніемъ жизни, поступать сообразно со своимъ званіемъ и приносить пользу родной странѣ. Поставивъ такую задачу при воспитаніи, Локкъ указываетъ на необходимость поощрять и развивать въ дѣтяхъ любознательность. Въ виду этого не слѣдуетъ пренебрегать тѣми вопросами, какіе предлагаетъ ребенокъ, а равно также не слѣдуетъ давать какихъ-либо лживыхъ и уклончивыхъ отвѣтовъ¹⁾).

Если же ребенокъ пожелаетъ узнать о такихъ вещахъ, которыхъ до извѣстнаго времени не долженъ знать, то лучше всего предупредить, что этого ему пока знать незачѣмъ.

Въ противоположность любознательности замѣчается иногда во время занятій въ дѣтяхъ вялость, отсутствіе интереса къ чему бы то ни было; воспитателю необходимо тогда убѣдиться, является ли эта вялость результатомъ природнаго характера, или же только отвращеніе къ книгамъ дѣлаетъ питомца небрежнымъ и лѣнливымъ въ ученіи. Если ребенокъ вялъ и лѣнивъ отъ природы, то нужно отыскать для него такое занятіе, которое всетаки побуждало бы его къ дѣятельности, вызывало бы въ немъ живость и энергію. Не вредно даже будетъ заставить питомца заняться какой-либо ф и з и ч е с к о ю р а б о т о й, такъ какъ, чѣмъ скорѣе она ему не понравится, тѣмъ быстрѣе онъ возвратится къ занятіямъ по книгамъ.

1) То же полагаетъ и Руссо.

Этимъ самымъ средствомъ можно воспользоваться также и въ томъ случаѣ, когда ребенокъ получилъ отвращеніе къ ученію. Если, напримѣръ, замѣтно, что ребенокъ слишкомъ много удѣляетъ вниманія играмъ, замѣтно, что онѣ отвлекаютъ его отъ книгъ, тогда нужно заставить его заниматься любимой игрою до тѣхъ поръ, пока онъ наконецъ ею не пресытится; тогда съ удовольствіемъ онъ возвратится къ ученію.

Обученіе не должно носить характера принудительной работы. Если воспитатель приметъ это во вниманіе и правильно поведетъ дѣло обученія, то впослѣдствіи оторвать дѣтей отъ книги такъ же будетъ трудно, какъ при обыкновенномъ способѣ воспитанія — отъ игръ.

Самое обученіе дѣтей чтенію и писью должно быть нагляднымъ, дѣльнымъ, яснымъ, безъ никакой терминологіи. Чтобы выучить ребенка азбукѣ, можно воспользоваться, напримѣръ, дѣтскими игрушками: наклеивъ на нихъ буквы, воспитатель сдѣлаетъ то, что путемъ забавы, незамѣтно для самого ребенка, онъ научитъ его читать. Когда ребенокъ будетъ обученъ чтенію, то можно дать ему подходящую книгу съ разнаго рода рисунками, съ напечатанными тутъ же ихъ названіями; это будетъ весьма полезно для него, пріохотитъ его къ чтенію и дастъ возможность дитяти предлагать воспитателю вопросы, въ отвѣтахъ на которые онъ получитъ необходимыя свѣдѣнія.

Какъ только ребенокъ научился читать, можно приступить къ обученію его писью. Необходимо прежде всего пріучить питомца хорошо сидѣть во время письма, правильно держать бумагу, перо и руки. Усвоивъ это, пусть ребенокъ, какъ сказалъ выше, обводитъ черными чернилами красныя буквы, написанныя на хорошей бумагѣ, до тѣхъ поръ, пока рука его привыкнетъ правильно изображать всѣ буквы. Послѣ этого уже можно предоставить ему возможность самостоятельно заняться письмомъ на чистой бумагѣ. Слѣдуя такому методу, — Локкъ полагаетъ,

можно научить воспитанника писать какимъ-угодно почеркомъ. Когда мальчикъ привыкнетъ писать быстро и красиво, тогда можно научить его писать при помощи сокращеній, т. е. говоря иначе, обучить стенографіи.

Изученіе разныхъ назидательныхъ изреченій изъ Библии представляется полезнымъ въ томъ отношеніи, что, способствуя укрѣпленію памяти, можетъ служить въ то же время прекраснымъ руководствомъ въ жизни. Одновременно съ изученіемъ избранныхъ мѣстъ изъ Св. Писанія нужно приступить также къ изученію иностранныхъ языковъ: французскаго и латинскаго. Мы видѣли уже, что Локкъ совѣтуетъ изучать ихъ практически, т. е. сразу научить ребенка говорить и читать безъ заучиванія грамматическихъ правилъ. Впослѣдствіи же, если представится надобность, воспитанникъ самостоятельно можетъ изучить грамматику и всѣ тонкости того или другого языка. Въ особенности Локкъ возставалъ противъ того, чтобы ребенка заставляли писать латинскія сочиненія и стихи; подобная вынужденная работа на чуждомъ ребенку языкѣ можетъ вызвать въ немъ даже отвращеніе ко всякимъ другимъ занятіямъ. Точно такъ же заучиваніе наизусть латинскихъ стиховъ, признававшееся важнымъ въ дѣлѣ развитія памяти, Локкъ считаетъ совершенно бесполезнымъ. Ужъ если упражнять память ребенка, то такими вещами, которыя были бы вполне достойны запоминанія и пригодились бы въ жизни. Лучшее всего заставить воспитанника заняться чтеніемъ тѣхъ латинскихъ авторовъ, какъ, на примѣръ, Цицерона, которые представляли бы его въ добродѣтели и дали бы прекрасный образецъ краснорѣчія.

Разумѣется, занятія иностранными языками не должны идти въ ущербъ изученію своего родного языка; слѣдовательно, на ряду съ прохожденіемъ латинскаго и французскаго языковъ, молодой баричъ съ особенной тщательностью обязанъ изучать свой родной, англійскій языкъ, чтобы достигнуть въ немъ легкости, изящества и ясности рѣчи.

Одновременно съ изученіемъ языковъ нужно проходить съ ребенкомъ и другіе предметы: географію, ариметику, геометрію, астрономію, исторію, нравственность, главнѣйшія части гражданскаго права, риторіку, логику и фізику. Изученіе географіи посредствомъ глобуса можно начать очень рано, такъ какъ для этого требуется лишь зрѣніе и память. Необходимо только начинать съ самаго яснаго и простаго, не сообщать дѣтямъ по многу свѣдѣній заразъ и не переходить къ дальнѣйшему прежде, чѣмъ дѣти усвоятъ изучаемое (по правилу Коменскаго).

Рядомъ съ изученіемъ географіи слѣдуетъ проходить ариметику, геометрію и исторію. Счетомъ можно заняться очень рано; что же касается геометріи, то Локкъ предлагаетъ пройти съ наставникомъ только самое необходимое, потому что, если у воспитанника окажутся хорошія способности, то впослѣдствіи онъ самостоятельно можетъ усовершенствоваться въ этомъ предметѣ. При изученіи же исторіи нужно де особенное вниманіе обратить на хронологію; только съ помощью географіи и хронологіи можетъ быть полезнымъ прохожденіе исторіи: благодаря имъ историческія событія группируются въ извѣстномъ порядкѣ и съ большею легкостью удерживаются въ памяти. При изученіи исторіи слѣдуетъ обратить вниманіе питомца еще и на ознакомленіе съ законами своей страны, знаніе которыхъ необходимо бываетъ при всякихъ житейскихъ положеніяхъ, а тѣмъ болѣе при желаніи быть полезнымъ отечеству.

Не придаётъ большого значенія Локкъ изученію тогдашней риторики и логики. Искореня въ питомцѣ стремленіе къ противорѣчію и диспутированію, воспитатель, однако же долженъ развить въ ребенкѣ умѣнье хорошо говорить и излагать свои мысли. Достигнуть этого весьма легко, если ежедневно заставляютъ ребенка дѣлать устные и письменные пересказы и научить его мыслить методично. Необходимо познакомить воспитанника какъ съ тѣмъ ме-

тодомъ мышленія, когда мы идемъ отъ общаго къ частному, такъ и съ тѣмъ, въ которомъ идемъ отъ частнаго къ общему; необходимо также показать, когда и какимъ способомъ удобнѣе пользоваться.

Послѣ этого питомецъ свободно можетъ приступить къ изученію натуральной философіи, въ составъ которой входили физика, химія, астрономія и др. Часть натуральной философіи, извѣстная подъ именемъ метафизики и занимающаяся духомъ и его природою, прежде всего должна быть изслѣдована питомцемъ подъ руководствомъ воспитателя. Воспитаннику необходимо теперь основательно познакомиться съ міромъ духовъ и проникнуться тѣмъ взглядомъ, какой проводится объ этомъ въ Священномъ Писаніи. Что же касается научныхъ философскихъ системъ, то Локкъ затрудняется предложить какую-либо одну изъ нихъ для полученія достовѣрныхъ знаній о явленіяхъ природы. Такъ какъ въ то время считалось хоронимъ тономъ вести разговоръ о физическихъ опытахъ, то Локкъ совѣтуетъ обратиться къ ученію Ньютона, которое желающему понять движенія, свойства и дѣйствія массъ вещества въ солнечной системѣ не можетъ не принести много пользы и удовольствія. Но для того, чтобы основательно усовершенствоваться въ той или другой области знанія, нужно обращаться всегда къ первоисточникамъ, изучать произведенія въ подлинникахъ, а не по „комментаріямъ плодовитыхъ толкователей“.

Отъ обученія питомца чтенію, письму и разнымъ другимъ предметамъ знанія, имѣющимъ цѣлью развитіе ума, Локкъ, по примѣру Коменскаго, предлагаетъ обращаться къ изученію искусствъ и ремеслъ, которыя не только дѣлаютъ насъ болѣе свѣдущими, но также способствуютъ еще и укрѣпленію физическихъ силъ. Нужно замѣтить, что, вслѣдствіе огромной своей сухости, свойственной Локку вообще, онъ слишкомъ мало удѣляетъ

мѣста поэзіи. На обученіе дѣтей музыкѣ, на примѣръ, Локкъ, вопреки Аристотелю, смотритъ почти что отрицательно, во первыхъ, потому что это занятіе отнимаетъ много времени, а во вторыхъ, подобно поэзіи, способствуетъ сближенію молодого человѣка съ дурною компаніей.

Гораздо большіе значенія Локкъ придаетъ танцамъ, какъ средству, сообщающему дѣтямъ граціозность движеній, выправку и приличную увѣренность въ себѣ, а также фехтованію и верховой ѣздѣ. Послѣднія два дворянскія занятія, въ особенности верховая ѣзда, признаются у Локка для джентльмена весьма полезными упражненіями для укрѣпленія здоровья. Только искусство фехтованія, являясь необходимымъ на случай дуэли, бываетъ опаснымъ для жизни; вслѣдствіе этого Локкъ совѣтуетъ лучше сдѣлать молодого человѣка искуснымъ борцомъ, чѣмъ какимъ бы то ни было фехтовальщикомъ.

Затѣмъ воспитанникъ вполне основательно долженъ знать какое-нибудь ремесло. Особенно полезными считаются занятія садоводствомъ, а также работы по дереву, какъ то: плотничьи, столярныя, токарныя и многія другія, служащія вообще прекраснымъ тѣлеснымъ упражненіемъ во время отдыха послѣ умственной работы. Менѣе вниманія слѣдуетъ обращать, по мнѣнію Локка, на такія искусства, какъ рисованіе и живопись, потому что онѣ, во-первыхъ, могутъ отнимать слишкомъ много времени, а во-вторыхъ, какъ занятія сидячія, служатъ плохимъ развлеченіемъ для молодого человѣка.

Наконецъ, чтобы дѣти не оставались въ совершенной праздности, не пристрастились бы къ такимъ забавамъ, какъ игра въ карты и кости, можно обратить ихъ вниманіе на изученіе бухгалтеріи. Это искусство, весьма распространенное между купцами для успѣннаго веденія торговли, научитъ питомца подъ руководствомъ отца правильно вести счета по хозяйству, чтобы впослѣдствіи не довести его до разстройства.

Послѣднее, что практиковалось и было, такъ сказать, заключительнымъ моментомъ при воспитаніи молодого барчука въ Англіи XVII столѣтія, на что обращаетъ вниманіе и Локкъ, это путешествіе. Въ то время питомца отправляли въ путешествіе вмѣстѣ съ воспитателемъ и не ранѣе шестнадцати лѣтъ, чтобы, вернувшись домой, онъ сразу же могъ вступить въ бракъ. Такой порядокъ Локкъ признавалъ менѣе всего раціональнымъ. По его мнѣнію, одной изъ главнѣйшихъ цѣлей путешествія должно быть практическое изученіе иностранныхъ языковъ, а для этого возрастъ отъ семи до пятнадцати лѣтъ — самый подходящий. Путешествіе въ такомъ возрастѣ подъ руководствомъ воспитателя достигнетъ путемъ общенія съ людьми иного характера, нравовъ и образа жизни, другой своей цѣли — пріобрѣтенія житейской опытности.

Такимъ образомъ Локкъ противъ того, чтобы посылать дѣтей за границу и въ присутствіи воспитателя въ то время, когда они, не имѣя еще ни опытности, ни благоразумія, считаютъ себя уже взрослыми и ускользаютъ отъ повиновенія гувернёру. Лучше всего, по мнѣнію Локка, отсылать дѣтей въ далекіе края или въ молодыхъ годахъ подъ руководствомъ воспитателя, или же въ совершенно зрѣломъ возрастѣ безъ наставника, когда молодой человекъ вполне самостоятельно будетъ владѣть собою и, какъ образованный сынъ своего отечества, сумѣетъ подѣлиться своими знаніями и впечатлѣніями съ иностранцами, получивъ и отъ общенія съ ними свѣдѣнія необходимыя и полезныя для себя.

2. Нравственное воспитаніе.

Самую бѣольшую и среднюю часть книги Локка занимаютъ страницы, посвященныя нравственному воспитанію молодого джентльмена.

Непремѣннымъ условіемъ такого воспитанія служить воспитываемость воли. Человѣкъ можетъ сдѣлать свои страсти послушными орудіями воли. Поэтому задача нравственнаго воспитанія полагается въ томъ, чтобы душа получила надлежащую обработку, чтобы во всѣхъ случаяхъ человѣкъ могъ поступать такъ, какъ того требуетъ достоинство и значеніе разумнаго созданія. Душа должна быть украшаема высокими нравственными качествами или добродѣтелью; а добродѣтель должна выражаться въ способности души подчинять свои желанія разуму, хотя-бы насъ влекло въ противоположную сторону.

Н а в ы к ъ и п р и в ы ч к а при воспитаніи нравственнымъ играютъ у Локка такую-же важную роль, какъ и при воспитаніи тѣла.

Нѣтъ такого положенія, самаго тягостнаго, самаго мучительнаго, къ которому не могъ бы привыкнуть человѣкъ. Если такова сила привычки по отношенію ко взрослымъ людямъ, то для дѣтей, не имѣющихъ еще, по Локку, ни характера, ни здраваго разума, привычка пріобрѣтаетъ прямо первенствующее значеніе. Конечно, укорененіе добрыхъ навыковъ и привычекъ въ ребенкѣ не дается с р а з у , вдругъ. Въ воспитанникѣ происходитъ постоянная внутренняя борьба, ему приходится подчасъ употреблять большія усилія, чтобы отвыкнуть отъ дурнаго. Разумѣется, съ помощью воспитателя, который руководитъ имъ въ этой борьбѣ, надъ желаніями и волею своими воспитанникъ одерживаетъ побѣду. Не слѣдуетъ только спѣшить, надо медленно и неуклонно идти къ предположенной цѣли. Необходимо такъ воспитать ребенка, чтобы онъ умомъ сознавалъ, что хорошо, а волею уклонялся отъ того, что дурно, хотя бы оно ему и нравилось.

Исходя изъ того положенія, что душа младенца есть *tabula rasa*, на которой воспитателю можно писать что угодно, Локкъ указываетъ родителямъ на возможность прививать дѣтямъ такія наклонности, которыя бы служили для

него руководственными началами на всю послѣдующую жизнь. Но для этого нѣтъ никакой надобности обременять память дѣтей разными правилами и предписаніями, нѣтъ надобности приучать ихъ ко многимъ привычкамъ за разъ, такъ какъ разнообразіе можетъ сбить ихъ съ толку, и они не усвоятъ тогда ни одной, какъ слѣдуетъ.

Въ развитіи привычекъ необходимо идти постепенно, принимая во вниманіе силы и свойства ребенка. На родителяхъ лежитъ обязанность сдѣлать изъ своего дитяти человека. Для этого они должны помнить прежде всего, что дѣтей необходимо приучить къ дисциплинѣ, что ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ потворствовать каждому ихъ желанію и ничтожному капризу. Даже въ томъ случаѣ, когда желаніе дѣтей удовлетворяется, слѣдуетъ говорить, что это дѣлается не потому только, что имъ нравится, но потому, что это старшими признается для нихъ за полезное. Тогда дѣти привыкнутъ подчинять свои желанія разуму и не станутъ капризничать изъ-за пустяковъ.

Родители всегда должны помнить, что дѣти, въ силу присущей имъ наклонности къ подражанію, постоянно берутъ примѣръ со старшихъ; поступки окружающихъ ихъ лицъ служатъ для нихъ образцомъ для ихъ собственныхъ поступковъ. Если они видятъ вокругъ себя кротость, мягкое обращеніе, справедливость, честность, то всѣ эти качества невольнo усваиваются дѣтьми и кладутъ прочное основаніе ихъ нравственности. Если-же въ дѣйствіяхъ родителей дѣти замѣтятъ поступокъ, считающійся для дѣтей непозволительнымъ, то уклонить отъ него дѣтей будетъ довольно трудно въ виду того, что они всегда будутъ прикрываться авторитетомъ родителей и въ запрещеніи извѣстныхъ дѣйствій будутъ видѣть съ ихъ стороны простую придиричливость и капризный произволь.

Итакъ, чтобы вліяніе родителей на дѣтей имѣло успѣхъ, нужно, по мнѣнію Локка, установить надъ ними

авторитетъ. Сначала слѣдуетъ держать ихъ въ извѣстной строгости и разумнымъ воздѣйствіемъ вызвать почтительный къ себѣ страхъ и уваженіе, затѣмъ, въ болѣе зрѣлыя годы, строгость дисциплины должна ослабляться и родители должны обращаться съ дѣтьми, какъ съ лучшими своими друзьями. Любовь и дружба закрѣпляютъ тогда прекрасныя, установившіяся между ними отношенія.

Хотя Локкъ является сторонникомъ строгой дисциплины по отношенію къ дѣламъ, пока они малы, однако, всякаго рода телесныя наказанія, унижительныя для человѣческаго достоинства, онъ считаетъ совершенно бесполезными при воспитаніи. Онѣ подавляютъ въ дѣтяхъ благородную свободу духа, уваженіе къ самимъ себѣ, растлвваютъ ихъ сердца подлыми чувствами униженія, страха, скрытности и лукавства. Съ точки зрѣнія Локка наказаніе для ребенка можетъ быть даже полезнымъ, но лишь въ томъ случаѣ, когда стыдъ подвергнуться наказанію за дурной поступокъ будетъ сильнѣе вліять на его душу, чѣмъ самое наказаніе.

Такимъ образомъ ребенку необходимо внушить способность дорожить своей репутаціею, нужно сдѣлать его чувствительнымъ ко всякому позору и безславію. Тогда суровый взглядъ, холодно-вѣжливое обращеніе, косвенный упрекъ, деликатный намекъ и вообще замѣтная перемѣна въ обращеніи — это лучшія наказанія, которыя, будучи употребляемы соразмѣрно съ виною, произведутъ и сознаніе, и раскаяніе, и слезы, и исправленіе. Душа ребенка доступна всякому впечатлѣнію, даже самому легкому; самыя незначительныя проявленія одобренія или холодности, соединенной съ презрѣніемъ, уже заставятъ его догадаться о неловкости своего положенія. А между тѣмъ грубая душа, привыкшая къ сильнымъ наказаніямъ, ожесточается, черствѣетъ, — и скоро ей уже ни по чемъ всякое наказаніе: вслѣдствіе привычки наказаніе становится заурядной вещью и утрачиваетъ всякое вліяніе. Только чувство и скр

няго стыда и боязнь вызвать неудовольствіе являются единственно дѣйствительнымъ средствомъ исправленія.

Какъ бы то ни было, Локкъ считалъ тѣлесныя наказанія все-таки въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимыми. По его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Коменскаго, такіе пороки, какъ упрямство и намѣренное непослушаніе, ничѣмъ инымъ не могутъ быть искоренены, какъ только силою и побоями. Въ тѣхъ случаяхъ, когда увѣщанія и приказанія отца не производятъ на ребенка никакого впечатлѣнія, когда на дѣлѣ обнаружилось упорство, необходимо уже прибѣгнуть къ розгѣ; при этомъ наказаніе должно возобновлять до тѣхъ поръ, пока оно не произведѣтъ надлежащаго дѣйствія на его душу, когда въ немъ замѣтны будутъ признаки стыда, раскаянія и искренней готовности повиноваться.

Локкъ указываетъ даже время, когда нужно производить тѣлесное наказаніе, и лицъ, коимъ удобнѣе всего это выполнить. Не слѣдуетъ наказывать дѣтей въ самый моментъ проступка, чтобы не примѣшалась страсть, и чтобы наказаніе, выйдя изъ надлежащихъ границъ, не утеряло своего значенія. Лучше всего, еслибы наказаніе было дѣломъ вполнѣ спокойнаго и обдуманнаго рѣшенія.

Что касается лица, коему должно быть предоставлено наказаніе, то очень удобно оно можетъ быть выполнено слугою или воспитателемъ, хотя-бы и въ присутствіи родителей. Все это, по мнѣнію Локка, весьма важно въ томъ отношеніи, что, съ одной стороны, сохраняется авторитетъ родителей, а съ другой — негодованіе ребенка за причиненную боль обрушивается на того, кѣмъ она ему доставлена.

Но эта мѣра должна быть уже послѣднею, когда всѣ другія были испробованы и не вызвали благопріятнаго результата. Прежде, чѣмъ примѣнять крайнія мѣры, не слѣдуетъ забывать объ убѣжденіи дѣтей путемъ доводовъ, при чемъ необходимо, конечно, принимать во вниманіе ихъ

возрастъ, характеръ и наклонности; эти доводы должны быть вполнѣ доступны ихъ умственному уровню. Весьма удобно также исправлять поведеніе дѣтей, указывая на примѣры хорошаго и дурного у знакомыхъ имъ людей. Достоинство или низость извѣстнаго поступка произведетъ тогда на душу ребенка гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ всякія разсужденія на этотъ счетъ.

По соображеніямъ о заразительности чужихъ поступковъ Локкъ совѣтуетъ предпочитать домашнее воспитаніе школьному. Хотя домашнему воспитанію и приписываются нѣкоторые недостатки, въ родѣ робости и незнація свѣта, зато увѣренность и смѣлость, приобретаемая въ школахъ, перемѣшаны съ такою массою грубости и нахальства, что впоследствии приходится заново учить дѣтей манерамъ, свойственнымъ благородному человѣку. Школьное воспитаніе подвергаетъ нравы новичка слишкомъ большому риску; и въ образовательномъ отношеніи школьное изученіе классическихъ языковъ не приноситъ большой пользы. Локкъ совѣтуетъ позаботиться о томъ, чтобы развить въ дѣтяхъ благовоспитанность съ помощью мудраго воспитателя, который бы вмѣстѣ съ тѣмъ охранялъ ихъ отъ заразительныхъ примѣровъ дурной компаніи. Родители должны употребить все средства, чтобы найти для своего ребенка хорошаго воспитателя. Соображеніе о расходахъ не должно останавливать ихъ къ такому важномъ дѣлѣ, какъ воспитаніе. Если многіе не жалѣютъ денегъ на то, чтобы наряжать дѣтей въ дорогія платья, давать изысканный столъ, то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ жалѣть ихъ на то, что можетъ улучшить и облагородить душу ребенка. „Плохая это экономія сдѣлать своего сына богатымъ по деньгамъ и бѣднымъ по душѣ“, говоритъ Локкъ.

Отыскавъ подходящаго воспитателя для своего сына, необходимо требовать, чтобы онъ развилъ въ ребенкѣ прежде всего благовоспитанность; она придастъ блескъ остальнымъ его хорошимъ качествамъ и сдѣлаетъ ихъ полезными для

воспитанника, такъ какъ въ будущемъ она доставитъ ему уваженіе всѣхъ окружающихъ. Вѣжливость и пріятныя манеры должны войти въ привычку питомца, чтобы впоследствии онъ не нуждался въ совѣтахъ относительно этого.

Воспитатель обязанъ научить своего воспитанника узнавать людей и ихъ характеры, по самымъ незначительнымъ признакамъ проникать въ ихъ душу, видѣть ихъ такими, каковы они на самомъ дѣлѣ. Постепенно онъ долженъ указывать ребенку на господствующіе въ обществѣ пороки, на тѣ бѣдствія (болѣзни, позоръ и нищету), которыя бывають печальнымъ послѣдствіемъ порочной жизни. Всѣ эти наставленія удобнѣе всего предлагать дѣтямъ не въ формѣ какихъ-либо сухихъ предписаній, но въ живомъ собесѣдованіи; тогда воспитанникъ можетъ свободно высказывать свой взглядъ на людей и вещи и получить болѣе живое и прочное представленіе о томъ, что ему дѣлать.

Разумѣется, чтобы успѣшно вліять на душу ребенка, надобно тщательно изучить его характеръ, особенности его душевнаго склада, потому что, сообразно съ различіемъ основныхъ свойствъ характера, направляется и самое воспитаніе. Сплошь и рядомъ у дѣтей мы замѣчаемъ страсть къ господству, которая выражается въ стремленіи обладать той или другой вещью, вообще въ стремленіи властвовать. Замѣтивъ это, воспитатель тотчасъ-же долженъ принять мѣры къ его искорененію. Прежде всего никогда не слѣдуетъ давать дѣтямъ того, чего они требуютъ или что берутъ самовольно; пусть они пріучатся подавлять свои желанія, пусть разовьютъ въ себѣ скромность и готовность повиноваться.

Воспитатель наблюдаетъ и за тѣмъ, чтобы въ обществѣ сверстниковъ не было спора изъ-за первенства, командованія другъ другомъ, а тѣмъ болѣе, чтобы не было жалобъ и обвиненій, какъ средства отомстить своему товарищу. Страсть къ господству и обладанію вещами имѣетъ еще и ту дурную сторону, что развиваетъ въ дѣтяхъ алч-

ность. Въ противоположность этой слабости нужно развивать въ дѣтяхъ щедрость, готовность дѣлиться своимъ достояніемъ съ окружающими, дѣлать уступки въ пользу другихъ. Иначе, испытывая полное довольство во всемъ, не чувствуя ни въ чемъ нужды, ребенокъ становится эгоистомъ, измѣряющимъ счастье и несчастье жизни только по отношенію къ своей собственной личности.

Раннее приученіе ребенка къ щедрости и уступкамъ укрѣпитъ и разовьетъ сочувствіе къ нуждамъ, горю и бѣдствіямъ другихъ людей, иослужитъ началомъ добродѣтели, справедливости, которая исключаетъ въ человѣкѣ возможность обмана и безчестности. Развитие въ ребенкѣ честности и правдивости является одною изъ главнѣйшихъ обязанностей воспитателя. Признавая намѣренную ложь весьма опаснымъ недостаткомъ, Локкъ настаиваетъ на томъ, чтобы во что бы то ни стало внушить къ ней крайнее отвращеніе. Наказанія въ этомъ случаѣ не только не помогаютъ, но даже вредятъ, подавляя въ немъ чувство стыда и развивая упорство. Если ребенокъ лжетъ и обманываетъ, то ободреніемъ и ласкою удобнѣ всего воспитатель можетъ достигнуть признанія во лжи и ея причинахъ. Въ дѣтяхъ, какъ и во взрослыхъ, весьма сильна потребность въ хорошемъ о нихъ мнѣніи товарищей. Эта потребность служить источникомъ чувства собственнаго достоинства; возбудивъ это чувство въ ребенкѣ, воспитатель можетъ парализовать въ немъ склонность во лжи, которая унижаетъ его въ глазахъ всѣхъ.

Кромѣ развитія въ дѣтяхъ правдивости, Локкъ признаетъ необходимымъ развивать въ нихъ чувство самосохраненія, самозащиты и храбрости въ противоположность слабости духа и страху. Чувство самосохраненія при разумномъ его направленіи имѣетъ ту полезную сторону, что дѣлаетъ насъ бдительными, возбуждаетъ вниманіе и держитъ насъ на сторожѣ на случай приближающагося зла. Но ребенокъ, часто предоставляемый самому

себѣ, сознаётъ, что многія вещи, его окружающія, могутъ нанести ему вредъ, потому что онѣ наносятъ вредъ другимъ; онѣ и самъ начинаетъ за себя опасаться, въ немъ зараждается чувство страха, играющее важную роль въ жизни дѣтей. Незнакомый со свойствами окружающихъ его вещей, неспособный дѣлать имъ настоящую оцѣнку, ребенокъ придаётъ вещамъ такое значеніе, какого онѣ въ дѣйствительности вовсе не имѣютъ: прыгающая лягушка внушаетъ ему опасеніе быть укушеннымъ, знакомый шумъ возбуждаетъ въ немъ чувство страха; воображеніе его работаетъ и создаетъ мнимыя опасности.

Нерѣдко къ такому естественному источнику чувства страха присоединяются еще рассказы, въ которыхъ главную роль играетъ нечистая сила. Всѣ эти явленія до того развиваютъ чувство страха, что ребенокъ становится трусливымъ, боязливымъ. Подобное душевное настроеніе въ высшей степени неблагоприятно для нравственнаго развитія питомца, такъ какъ вызываетъ за собою подозрительность, недовѣріе къ людямъ — вмѣсто симпатіи и любви къ нимъ.

Съ такимъ трусливымъ, подозрительнымъ и недовѣрчивымъ ребенкомъ обязанность воспитателя весьма усложняется. Приходится удалить отъ ребенка все, что хоть сколько-нибудь можетъ возбуждать и поддерживать въ немъ страхъ. Для достиженія цѣли воспитатель пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ и подвергаетъ воспитанника испытаніямъ, пробуетъ его собственныя силы бороться со страхомъ. Если ребенокъ боится, на примѣръ, окружающихъ его животныхъ, то пусть онъ наблюдаетъ и изучаетъ вмѣстѣ съ воспитателемъ ихъ нравы, образъ жизни, привычки, и онъ увидитъ въ нихъ слабыя, беззащитныя существа, которыя не могутъ непосредственно повредить не только взрослому человѣку, но даже и младенцу. Такое сознаніе превосходства своихъ силъ надъ множествомъ окружающихъ ребенка существъ служить для источника развитія чувствъ,

противоположныхъ страху, чувствъ : самоувѣренности, храбрости, отваги.

Развитіе въ дѣтяхъ мужества представляется для Локка важнымъ и вполне возможнымъ фактомъ. Даже въ томъ случаѣ, когда ребенокъ отъ природы будетъ слабъ и робокъ, возможно все-таки искусственнымъ образомъ сдѣлать его характеръ болѣе твердымъ и смѣлымъ, сдѣлать его готовымъ встрѣтить всякую опасность.

Принимая во вниманіе, что физическая боль служитъ главной причиной развитія страха въ дѣтяхъ, Локкъ совѣтуетъ съ ранняго дѣтства приучать ихъ къ перенесенію боли и тѣмъ самымъ внушить имъ мужественную твердость на всю жизнь. Вслѣдствіе этого не только не слѣдуетъ позволять ребенку плакать изъ-за какой-либо ничтожной боли, но хорошо такимъ болямъ даже нарочно подвергать своего питомца. При этомъ нужно, конечно, выбирать время, когда дѣти находятся въ хорошемъ расположеніи духа и вполне убѣждены въ добромъ расположеніи къ нимъ того, кто заставляетъ ихъ испытывать боль; необходимо также дѣлать это безо всякаго гнѣва; кромѣ того, сила причиняемой боли не должна превосходить того, что вообще въ состояніи вынести ребенокъ. Только въ такомъ случаѣ это средство развитія въ ребенкѣ твердости духа и мужества можетъ имѣть воспитательное значеніе.

Принимая такого рода мѣры и средства при воспитаніи, необходимо, однако, строго слѣдить за тѣмъ, чтобы не внушить и не развить въ ребенкѣ чувства жестокости. Для этого ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ позволять дѣтямъ бить и истязать животныхъ, маленькихъ птичекъ, бабочекъ и т. д. Нельзя и рассказывать имъ о такихъ вещахъ, благодаря которымъ можно привыкнуть считать, напр., убійство похвальнымъ дѣломъ или и добродѣтелью. Взамѣнъ того воспитатель всегда долженъ развивать въ ребенкѣ чувство гуманности и состраданія, приучать его къ вѣжливому обращенію съ людьми низшаго сословія и

съ прислугою, вызвать чувство уваженія къ человѣческой личности.

Игры и игрушки Локкъ считаетъ важнымъ воспитательнымъ средствомъ. Не говоря уже о томъ, что человѣкъ рождается для дѣятельности и, слѣдовательно, съизмала долженъ посредствомъ игръ къ ней приучаться, онѣ имѣютъ еще и то важное значеніе, что даютъ возможность легко узнать характеръ питомца. Нигдѣ дѣти такъ не развертываются и не выказываютъ себя, какъ въ играхъ. Но здѣсь Локкъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, совѣтуетъ предпочитать только такія игры и развлечения, которыя бы способствовали образованію въ ребенкѣ хорошихъ и полезныхъ привычекъ. Такъ, на примѣръ, не слѣдуетъ, по его мнѣнію, давать дѣтямъ заразъ по нѣскольکو игрушекъ, потому что изобиліе вещей дѣлаетъ ихъ обыкновенно избалованными и безпечными, приучаетъ къ мотовству и расточительности. Разнообразіе игрушекъ ведетъ ребенка къ тому, что онъ потомъ не знаетъ, чего ему хочется и не удовлетворяется тѣмъ, что имѣетъ; это, наконецъ, дѣлаетъ дѣтей гордыми, тщеславными и алчными. Не совѣтуя давать дѣтямъ покупныхъ игрушекъ, Локкъ предлагаетъ, чтобы дѣти сами готовили себѣ игрушки; тогда они приучатся вообще обходиться собственными силами въ своихъ потребностяхъ, научатся умѣренности въ желаніяхъ, изобрѣтательности, находчивости и бережливости.

Въ заключеніе своихъ мыслей о нравственномъ воспитаніи дѣтей Локкъ сущность его сводитъ къ добродѣтели, основанной на истинномъ представленіи о 1) Богѣ, 2) мудрости и 3) благовоспитанности.

Развитіе религіознаго чувства представляется важнымъ въ томъ отношеніи, что оно руководитъ разумомъ, направляетъ дѣйствія воли и ведетъ человѣка къ возможному для него нравственному совершенству. Въ виду такихъ соображеній необходимо заранѣе развить и поддерживать въ дѣтяхъ почитаніе Бога, какъ любящаго ихъ Творца,

Хранителя и Благодѣтеля, какъ Единаго, Всемогущаго, Премудраго и Всеблагаго Создателя міра. вмѣстѣ съ развитіемъ въ дѣтяхъ этихъ понятій необходимо также заставлятъ ихъ читать утромъ и вечеромъ какую-нибудь краткую молитву и тѣмъ постепенно пріучать ихъ молиться сознательно. Не слѣдуетъ только, по мнѣнію Локка, слишкомъ рано рассказывать дѣтямъ о добрыхъ или злыхъ духахъ, чтобы, такимъ образомъ, предохранить ихъ впечатлительную душу отъ разныхъ представлений о привидѣніяхъ и подобныхъ имъ страхахъ.

Лучшимъ средствомъ въ дѣлѣ подготовленія питомца къ пріобрѣтенію мудрости и благовоспитанности является, какъ сказано выше, внушеніе ему истинныхъ понятій о вещахъ, внушеніе возвышенныхъ и благородныхъ мыслей, отвращенія ко лжи и особенно хитрости. Чтобы развить въ питомцѣ истинную благовоспитанность, нужно вызвать въ немъ сознаніе своего собственнаго достоинства и чувство уваженія къ окружающимъ людямъ; тогда въ ребенкѣ исчезнетъ какъ небрежность въ обращеніи съ другими, такъ и конфузливость, которую дѣти часто испытываютъ, находясь въ обществѣ.

Затѣмъ питомецъ, путемъ привычки и съ помощью воспитателя, пріобрѣтаетъ манеру прилично держать себя въ обществѣ, не быть никому въ тягость, словомъ то, что извѣстно подъ именемъ обходительности и свѣтской воспитанности. Для пріобрѣтенія этихъ качествъ необходимо искоренять въ дѣтяхъ грубость характера и презрительное отношеніе къ окружающимъ; необходимо искоренять склонность ихъ къ насмѣшкамъ и противорѣчію при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ на высказываемыя другими мнѣнія, искоренить раздражительную обидчивость, потому что она вызываетъ неприличныя, оскорбительныя выраженія и поступки, а часто разстраиваетъ и добрую компанію. Слѣдуетъ, о чемъ уже замѣтилъ Коменскій, показать дѣтямъ неприличіе всегдашней ихъ

склонности вмѣшиваться въ разговоръ старшихъ, перебивать и поправлять другихъ, такъ какъ это свидѣтельствуеть о крайнемъ неуваженіи къ постороннимъ и потому не можетъ не быть оскорбительнымъ.

Добавимъ къ этой главѣ еще нѣсколько мыслей Локка о добродѣтели, порокахъ и волѣ.

Стремленіе къ удовольствію единственно проходитъ черезъ всю нашу психическую жизнь; понятіе о добрѣ и злѣ у различныхъ людей совершенно различно. Относительно свободы воли Локкъ утверждаетъ, что воля склоняется въ сторону сильнѣйшаго желанія, и что свобода есть сила, принадлежащая всей душѣ, а не одной лишь волѣ. Добродѣтель, говоритъ Локкъ, разсматриваемая, какъ обязанность, есть ничто иное, какъ воля Бога, найденная естественнымъ разумомъ; по этому-то она и имѣетъ силу закона. Она состоитъ исключительно въ требованіи дѣлать добро себѣ и другимъ; напротивъ того, порокъ не представляетъ ничего иного, какъ стремленіе вредить себѣ и другимъ. Величайшій порокъ тотъ, который влечетъ за собой наиболѣе пагубныя послѣдствія; поэтому всякія преступленія противъ общества гораздо болѣе важны, чѣмъ преступленія противъ частнаго лица. Многія дѣйствія, которыя были бы вполне невинными въ состояніи одиночества, естественно оказываются порочными въ общественномъ строѣ. Въ другомъ мѣстѣ Локкъ говоритъ, что „человѣку свойственно искать счастья и избѣгать страданій“. Счастье состоитъ во всемъ томъ, что нравится и удовлетворяетъ духъ, а страданіе — во всемъ томъ, что разстраиваетъ и мучитъ духъ. Предпочитать преходящее наслажденіе наслажденію продолжительному, постоянному, это значитъ быть врагомъ своего собственнаго счастья.

Единственная цѣль правильнаго воспитанія есть добродѣтель, къ которой нужно стремиться прежде знаній. Воспитаніе должно состоять въ томъ, чтобы у воспитываемаго слагались привычки и физическія, и нравственныя,

привычки и разума, и воли; развитіе раціонализма въ ребенкѣ есть въ то же время развитіе добродѣтели. Къ знанію такимъ образомъ нужно стремиться ради самой истины, т. е. ради просвѣщенія разума для правильной жизни. Въ своихъ поступкахъ дѣти руководятся авторитетомъ взрослыхъ.

Цѣль физическаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы изъ тѣла образовать орудіе, насколько возможно послушное духу. Цѣль духовнаго воспитанія и обученія состоитъ въ томъ, чтобы создать такого человѣка, который поступалъ бы во всѣхъ случаяхъ, сообразно съ достоинствомъ разумнаго существа. Правильное воспитаніе оставляетъ неизгладимый слѣдъ на всю остальную жизнь человѣка и служить двигателемъ благосостоянія и преуспѣянія всего народа; поэтому Локкъ совѣтуетъ пользоваться такимъ способомъ воспитанія, который легче всего создавалъ бы людей добродѣтельныхъ и полезныхъ въ своей профессіи.

Окидывая педагогику Локка однимъ общимъ взглядомъ, мы останавливаемся на слѣдующемъ.

Локкъ, несомнѣнно, зналъ педагогическіе постулаты, какъ новыхъ педагоговъ, особенно Коменскаго, такъ и древнихъ, въ частности Аристотеля. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Локкъ отстаѣтъ отъ Коменскаго и подходитъ ближе къ средневѣковью: мы имѣемъ въ виду признаніе сословнаго принципа въ дѣлѣ воспитанія, оставленіе въ сторонѣ вопросовъ воспитанія низкихъ сословій и игнорированіе вопроса объ устройствѣ школы. Съ другой стороны, Локкъ и шире Коменскаго, именно тамъ, гдѣ Локкъ приближается къ грекамъ. Онъ не отождествляетъ воспитанія вообще съ обученіемъ или съ воспитаніемъ одного лишь ума и памяти. Локкъ, подобно грекамъ, желаетъ воспитывать не одну лишь душу, но и тѣло и подробно останавливается на физическомъ воспитаніи. Крайностію является у Локка пренебре-

женіе обученіемъ, какъ послѣднимъ дѣломъ. Въ вопросахъ нравственнаго воспитанія ¹⁾ Локкъ тоже отдѣляется и отъ Коменскаго, и отъ средневѣковья, не придавая исключительно важнаго и односторонняго значенія религіозному элементу. Но онъ далеко и отъ грековъ, ибо не вводитъ въ педагогику философскаго основанія. Основнымъ принципомъ нравственнаго воспитанія у Локка служить нѣчто вродѣ банальнаго и не философскаго стоицизма, подчиненіе всей дуніи здоровому разуму. Дѣти должны дѣлаться, по мысли Локка, сухими рационалистами, все взвѣшивающими съ точки зрѣнія пользы, пригодности, практичности, здоровья и вообще здраваго эгоизма. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Локкъ доходитъ до крайнихъ требованій рационалистической этики, до отождествленія добродѣтели и знанія въ смыслѣ житейско-практическомъ, какъ этому училъ Сократъ. Крайняя сухость прозаической и разсудочной натуры Локка сказывается еще и въ изгнаніи изъ воспитанія — всякой эстетики, музыки и поэзіи, ибо эти искусства не приличны для барчуковъ и могутъ де лишь повести къ одному — къ заведенію дурныхъ знакомствъ и посѣщенію кабаковъ. Аристотель, такъ подробно разсмотрѣвшій этическое значеніе эстетической области дуніи и особенно указавшій, вмѣстѣ съ Платономъ, на важное педагогическое значеніе музыки, стоялъ несравненно выше Джона Локка

1) Мы оставили въ сторонѣ предписанія Локка касательно спеціально физическаго воспитанія, какъ носящія зачастую чисто медицинскій характеръ.

Проф. **Е. А. Бобровъ.**

Изъ
УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЛѢТОПИСИ.
1910—1911.

СОДЕРЖАНІЕ.

Высочайшій пріемъ профессоровъ.

Высочайшая благодарность.

Правительственныя распоряженія.

Профессоры у П. А. Столыпина.

Университетская лѣтопись.

Студенческіе безпорядки въ 1910—1911
акад. году.

Объ отставкѣ московскихъ профессоровъ.

Совѣщаніе профессоровъ объ университетскомъ уставѣ.

Непринятіе уволенныхъ русскихъ студентовъ въ нѣмецкіе университеты.

Учебное дѣло.

Юбилеи: Н. Е. Жуковского, М. О. Аттая, В. И. Разумовскаго.

Некрологи: В. И. Сергѣевичъ †. М. М. Стасюлевичъ †. С. В. Пахманъ †. Д. А. Хвольсонъ †.

Высочайшій пріемъ профессоровъ.

21-го декабря, при пріемѣ профессоровъ Императорскихъ университетовъ, имѣвшихъ въ С.-Петербургѣ совѣщаніе, Его Императорское Величество Государь Императоръ изволилъ обратиться къ профессорамъ со слѣдующими словами:

„Господа, Я радъ былъ увидѣть васъ. Я пожелалъ принять васъ, чтобы оказать поддержку вамъ и вашей дѣятельности. Я знаю, что она трудна, но продолжайте ее съ успѣхомъ, какъ и до сихъ поръ. Служите дѣятельно и мужественно наукѣ, родинѣ и Мнѣ. Поддерживайте тѣхъ, кто въ университетѣ хочетъ учиться. Я увѣренъ, что число ихъ будетъ расти. Передайте то, что Я сказалъ вамъ, вашимъ товарищамъ. Прощайте, господа. Желаю вамъ счастливо встрѣтить Новый годъ“.

Въ составъ депутаціи входили: отъ Юрьевскаго университета — профессоры Бѣлявскій, Граве, Кондаковъ и Поляковъ; отъ университета Св. Владиміра — Ардаиевъ; отъ Харьковскаго — профессоръ Кульчицкій; отъ Новороссійскаго — профессоры Казанскій и Грибовскій; отъ Варшавскаго — деканъ физико-математическаго факультета Митрофановъ; отъ Томскаго — ректоръ Базановъ и профессоръ Курловъ и бывший профессоръ Адамовичъ. Высочайшая аудіенція продолжалась около 1½ часа.

Высочайшая благодарность.

На Всеподданнѣйшемъ докладѣ Министра Внутреннихъ Дѣлъ о поверженіи къ стопамъ Его Императорскаго Величества студентами-академистами Новороссійскаго университета и другими, присутствовавшими 5 декабря 1910 г. на общественномъ балу, чувствъ безпредѣльной преданности, Государь Императоръ собственноручно начерталь:

„Искренне всѣхъ благодарю“.

Правительственныя распоряженія.

— 1911 года, апрѣля 18-го. „Товарищу Министра Народнаго Просвѣщенія, тайному совѣтнику Георгіевскому — Все милости вѣйше повелѣваемъ присутствовать въ Правительствующемъ Сенатѣ“.

— Непремѣнный членъ Совѣта Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, ординарный проф. С.-Петербургскаго университета и Училища Правовѣдѣнія докторъ международного права д. с. с. баронъ Таубе назначенъ Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія, съ оставленіемъ въ должности ординарнаго профессора Училища Правовѣдѣнія и въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

— Утверждается, согласно избранію, ординарный профессоръ Императорскаго Варшавскаго университета, докторъ гражданскаго права, коллежскій совѣтникъ Трєпицынъ ректоромъ сего университета.

— Высочайшимъ приказомъ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, отъ 1-го февраля 1911 года, уволены: ректоръ и ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ политической экономіи, статскій совѣтникъ Мануиловъ, помощникъ ректора и заслуженный ординарный профессоръ названнаго университета, докторъ зоологіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Мензбиръ и проректоръ и ординарный профессоръ того же университета, докторъ медицины, статскій совѣтникъ Минаковъ — отъ занимаемыхъ ими должностей, съ причисленіемъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія.

— Увольняются по прошеніямъ профессеры: Ротъ, Вернадскій, Рейнъ, Алексинскій и Эйхенвальдтъ отъ занимаемыхъ ими въ Московскомъ университетѣ должностей. Увольняются отъ службы по прошеніямъ профессеры Московскаго университета Хвостовъ, Зелинскій, Петрушевскій, Лебедевъ, Чаплыгинъ, Шершеневичъ и Сербскій.

— Увольняются отъ службы: за выслугою срока: ординарные профессеры Императорскаго Московскаго университета: док-

торъ государственнаго права князь Трубецкой и сверхштатный, докторъ всеобщей исторіи Виноградовъ.

— Профессоры Кіевскаго Политехническаго института Императора Александра II: Артемьевъ, Писаржевскій, Вагнеръ, Тихвинскій, Ключаревъ, Рузскій и Ивановъ Сергѣй обратились къ Министерству Торговли и Промышленности съ ходатайствомъ объ увольненіи ихъ отъ занимаемыхъ въ институтѣ должностей. Указанныя ходатайства Министромъ удовлетворены.

— Директоръ и профессоръ Женскаго Медицинскаго института Салазкинъ увольняется отъ занимаемыхъ въ институтѣ должностей съ причисленіемъ къ Министерству Н. П.

— Ректоромъ Императорскаго Московскаго университета Совѣтомъ университета избранъ ординарный профессоръ по кафедрѣ русской исторіи Любавскій.

Отъ Совѣта Министровъ. Въ виду происходившихъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ теченіе минувшаго учебнаго полугодія неоднократныхъ беспорядковъ, Совѣтъ Министровъ призналъ необходимымъ принять мѣры къ обезпеченію учащейся молодежи возможности безпрепятственно продолжать учебныя занятія. Въ этихъ цѣляхъ Совѣтъ, въ дополненіе къ распоряженію своему отъ 10-го декабря 1910 года, положилъ: 1) временно не допускать въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 5 Высочайше утвержденныхъ, 11-го іюня 1907 года, правилъ („Собр. Узак.“, ст. 937) публичныхъ и частныхъ студенческихъ собраний, за исключеніемъ собраний научнаго характера, и 2) заблаговременно оповѣстить о настоящемъ своемъ распоряженіи учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, предваривъ ихъ, что лица, нарушившія это распоряженіе, будутъ немедленно исключены изъ университетовъ и иныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Вслѣдствіе сего, ректоры университетовъ и начальники другихъ высшихъ учебныхъ заведеній обязываются: 1) временно не давать разрѣшенія на устройство въ помѣщеніяхъ ввѣренныхъ имъ учебныхъ заведеній упомянутыхъ выше студенческихъ собраний, 2) предупредить студентовъ о послѣдствіяхъ нарушенія сего распоряженія и 3) установить, въ предупрежденіе воспрещаемыхъ сборищъ, строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы въ учебныя заведенія не имѣли доступа постороннія лица. За всѣмъ тѣмъ, если, вопреки принятымъ мѣрамъ, въ зданіи учебнаго заведенія соберется недозволенная сходка, учебное начальство должно немедленно, не выжидая рѣчей, голосованій и постановленій, предложить присутствующимъ разойтись и одновременно, безъ малѣйшаго промедленія, дать знать о сходкѣ мѣстной полицейской власти, освѣдомляя ее и о подготовленіяхъ къ подобнымъ сборищамъ. Полицейскимъ же чинамъ вмѣняется въ обязанность, тотчасъ же по увѣдомленіи ихъ о собравшейся неразрѣшенной сходкѣ, принимать быстрыя и рѣшительныя мѣры къ прекращенію

послѣдней и къ выясненію личностей ея участниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, административныя власти должны, конечно, имѣть въ виду, что распоряженіе Совѣта Министровъ о недопущеніи сходовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не касается вовсе устраиваемыхъ, на точномъ основаніи закона (Выс. утв. 4-го марта 1906 г., времен. прав. о собран.: „Собр. Узак.“, ст. 309), публичныхъ собраній внѣ стѣнъ учебныхъ заведеній, хотя бы устроителями или участниками таковыхъ собраній были учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Совѣтъ Министровъ ожидаетъ, что ректоры университетовъ и вообще начальники высшихъ учебныхъ заведеній, а равно ихъ совѣты, призванные закономъ къ поддержанію правильнаго хода академической жизни, силою своего авторитета и всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами окажутъ и со своей стороны надлежащее содѣйствіе къ точному исполненію настоящаго распоряженія, издаваемаго съ цѣлью охраненія высшей школы отъ беспорядковъ, отвѣтственность за которые всею своею тяжестью возлагается, прежде всего, на начальствующихъ въ учебныхъ заведеніяхъ лицъ и на профессорскія collegii.

Циркуляры Министра Народнаго Просвѣщенія.

Министръ Народнаго Просвѣщенія разослалъ попечителямъ учебныхъ округовъ слѣдующій циркуляръ отъ 3-го января 1911 г.: „Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 г. при введеніи въ дѣйствіе временныхъ правилъ объ управленіи высшими учебными заведеніями вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія заботы о поддержаніи правильнаго хода учебной жизни въ университетахъ возлагались на обязанность и отвѣтственность совѣтовъ, которые и уполномочивались принимать соотвѣтствующіе мѣры для поддержанія порядка въ стѣнахъ учебныхъ заведеній. Въ развитіе дарованныхъ университетамъ этихъ новыхъ полномочій, введенный уставомъ 1884 г. институтъ инспекціи упразднился и вмѣсто него устанавливалась должность проректора, для котораго была выработана особая инструкция, утвержденная Министромъ Народнаго Просвѣщенія 5 февраля 1908 г. Такимъ образомъ, хотя совѣты университетовъ во главѣ съ выборнымъ ректоромъ и его помощникомъ проректоромъ и были призваны Высочайшей волей къ урегулированію правильнаго хода учебной жизни въ университетахъ, ректоръ тѣмъ не менѣе продолжалъ сохранять присвоенныя ему права и нести указанныя въ уставѣ обязанности. Такъ, въ силу нынѣ еще дѣйствующаго устава 1884 г., ректоръ отнюдь не является исключительно исполнительнымъ органомъ избранной его collegii профессоровъ, а есть отвѣтственный представитель университета, на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, и наблюденіе за исполненіемъ учащимися установленныхъ правилъ. Между тѣмъ печальныя событія, имѣвшія мѣсто въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній имперіи въ истекшемъ полугодіи, показали съ очевидностью, что учащаяся молодежь не особенно

склонна къ подчиненію дисциплинѣ; въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ, напр., во время студенческихъ волненій, категорически отказывается исполнять законныя требованія своего непосредственнаго начальства. Мало того: при полномъ отсутствіи надзора ректоръ въ настоящее время не только не является хозяиномъ ввѣреннаго ему учебнаго заведенія, но въ большинствѣ случаевъ не бываетъ даже освѣдомленъ о томъ, что происходитъ во время студенческихъ волненій въ стѣнахъ университета, на многочисленныхъ собраніяхъ, руководимыхъ къ тому же лицами, неизвѣстными учебному начальству и ничего общаго съ университетомъ не имѣющими. Эта неосвѣдомленность логически влечетъ за собой невозможность привлеченія къ отвѣтственности (дисциплинарному суду) нарушителей правильнаго теченія учебной жизни, слѣдствіемъ чего является полная безнаказанность лицъ, совершившихъ самые тяжкіе, съ академической точки зрѣнія, проступки, какъ, на примѣръ, насильственное прекращеніе занятій. Такимъ образомъ, получаютъ результаты, діаметрально противоположныя тѣмъ, которыхъ можно было ожидать при проведеніи въ жизнь самоуправленія, даннаго Высочайшею Властью высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Это самоуправленіе, долженствовавшее обезпечить правильное теченіе академической жизни въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, несомнѣнно, обязывало учебное начальство не только изыскать средства для надзора за порядкомъ въ высшихъ учебныхъ заведешяхъ, но и выработать мѣры для борьбы во время возникновенія беспорядковъ какъ съ пассивнымъ сопротивленіемъ однихъ, такъ и главнымъ образомъ, съ активными выступленіями другихъ слушателей противъ лицъ, исполняющихъ свои академическія обязанности. При безпомощности, проявляемой въ настоящее время совѣтами высшихъ учебныхъ заведеній, постановка учебнаго дѣла является крайне шаткой и непрочной вслѣдствіе постоянной возможности перерывовъ занятій въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ случайныхъ событій, происходящихъ обыкновенно внѣ академической жизни. Такіе повторяющіеся нежелательные перерывы, особенно въ случаѣ длительности ихъ, — вредно отражаются на ходѣ занятій, пріучаютъ молодежь къ праздности и, несомнѣнно, влекутъ за собой пониженіе уровня знаній, которыя, въ свою очередь, обусловливаютъ постепенный упадокъ страны въ научно-культурномъ отношеніи. Признавая создавшееся положеніе дѣль безусловно недопустимымъ въ дальнѣйшей жизни учебныхъ заведеній, предлагаемъ совѣтамъ университетовъ неотлагательно выработать мѣры примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ, признаваемыя совѣтами цѣлесообразными, для установленія дѣйствительнаго надзора за учащимися и своевременнаго привлеченія къ отвѣтственности всѣхъ нарушителей порядка академической жизни. Считаю нужнымъ при этомъ добавить, что только путемъ правильнаго пониманія обязанностей, лежащихъ на органахъ учебнаго самоуправленія, для общегосударственной власти впредь будетъ устранена необходимость принятія особыхъ мѣръ къ упорядоченію внутренней жизни высшихъ учебныхъ заведеній, тѣсно свя-

занной съ интересами просвѣщенія и государства. Сообщая о семь вашему превосходительству для надлежащихъ распоряженій, вмѣстѣ съ тѣмъ считаю нужнымъ выяснить, что устанавливаемая настоящимъ циркуляромъ руководственнымъ указаніемъ совѣтамъ и ректорамъ университетовъ относятся также и къ соотвѣтствующимъ имъ органамъ власти другихъ учебныхъ заведеній, на которыя распространяется дѣйствіе Высочайшаго указа 27-го августа 1895 г.“

— Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился съ нижеслѣдующимъ циркулярнымъ распоряженіемъ, касающимся вопроса о доставленіи факультетами университета подробныхъ свѣдѣній о лицахъ, оставляемыхъ при университетѣ и о назначеніи имъ стипендій. „Въ 1910 г. всѣ ходатайства университетовъ о назначеніи стипендій профессорскимъ кандидатамъ разсматривались особой комиссіей по университетскимъ дѣламъ, состоящей при министерствѣ народнаго просвѣщенія, причѣмъ этой комиссіей было обращено вниманіе на неполноту данныхъ, представляемыхъ нѣкоторыми университетами при ходатайствахъ о назначеніи стипендій. Въ устраненіе этого явленія необходимо, чтобы въ представленіяхъ о назначеніи стипендій соблюдались всѣ требованія, установленныя § 6 циркуляра 21-го мая 1884 г., и обязательно представлялись бы мотивированное ходатайство факультета и всѣ письменныя или печатныя работы оставляемаго лица. Въ отношеніи же лицъ, коимъ испрашиваются стипендіи или командировки за границу, — чтобы при представленіяхъ прилагались отчеты за предшествующій годъ съ заключеніемъ факультета и съ указаніемъ на то, приступило-ли данное лицо къ магистерскому испытанію или когда предполагаетъ приступить, а при ходатайствѣ о командировкѣ — о выдержаніи такого испытанія“.

О нормѣ пребыванія студентовъ въ университетѣ „Изъ поступающей въ Министерство Народнаго Просвѣщенія переписки по дѣламъ о предоставленіи студентамъ Императорскихъ университетовъ отсрочекъ по воинской повинности, а также по дѣламъ о допущеніи студентовъ къ испытаніямъ комиссіей усматривается, что многіе студенты находятся въ университетахъ значительно далѣе того срока, который допускается по дѣйствующему уставу, согласно стт. 466, 477 и 478, т. XI, ч. I, Св. Зак., изд. 1893 г. Норма пребыванія студентовъ въ университетахъ опредѣлена: для студентовъ медицинскаго факультета — 10 полугодій и для студентовъ прочихъ факультетовъ — 8 полугодій. Сверхъ указаннаго срока, въ силу ст. 526 того же тома и части Св. Зак., студентамъ представляются возможность оставаться въ университетѣ для полученія зачета указаннаго выше числа полугодій не болѣе 5 добавочныхъ полугодій. Такимъ образомъ максимальный предѣлъ пребыванія студентовъ въ университетѣ исчисляется для факультета медицинскаго $7\frac{1}{2}$ лѣтъ и для прочихъ факультетовъ $6\frac{1}{2}$ лѣтъ. Къ этому слѣдуетъ добавить, что согласно неотмѣненнымъ до сего времени правиламъ 5 октября 1885 г.

о переходѣ студентовъ съ одного факультета на другой, незачисленіе полугодій на прежнемъ факультетѣ для студента перешедшаго на другой факультетъ не освобождаетъ его отъ послѣдствій, предусмотрѣнныхъ упомянутой выше статьей 526. Вслѣдствіе чего, прошу ваше превосходительство предложить факультетамъ согласовать дѣйствующій въ данное время на факультетахъ порядокъ прохожденія курса въ отношеніи максимальнаго срока пребыванія на факультетѣ съ приведеннымъ выше разъясненіемъ и принять мѣры къ неукоснительному исполненію ст. 526 Св. Уст. Уч. Заведеній.“

— Управленіемъ по дѣламъ о воинской повинности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, по словамъ столичныхъ газетъ, разосланъ подлежащимъ лицамъ циркуляръ слѣдующаго содержанія: „Возникшіе въ послѣднее время въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ безпорядки подали поводъ къ увольненію большого количества студентовъ. Изъ этихъ молодыхъ людей пользующіеся отсрочкой отъ воинской повинности до окончанія образованія, съ увольненіемъ ихъ, теряютъ нынѣ право на эти отсрочки и подлежатъ привлеченію къ освидѣтельствуванію къ годности къ отбыванію военной службы. Министерствомъ Военнымъ и Внутреннихъ Дѣлъ принято во вниманіе, что пріемъ упомянутыхъ лицъ въ войска въ настоящее время, когда уже начато систематическое ученіе новобранцевъ, не отвѣчаетъ интересамъ военнаго вѣдомства, и потому признано соотвѣственнымъ привлечь лицъ, увольняемыхъ нынѣ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, къ исполненію воинской повинности въ общій призывъ текущаго года. Увѣдомляя о семъ, управленіе проситъ губернаторовъ и другихъ начальствующихъ лицъ незамедлительно преподать соотвѣтствующія указанія учрежденіямъ по воинской повинности къ точному исполненію циркуляра. Свѣдѣнія о лицахъ, уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній, будутъ сообщены названнымъ учрежденіямъ непосредственно начальствами учебныхъ заведеній“.

Процентная норма для евреевъ. Въ собраніи узаконеній напечатано: Высочайше утвержденнымъ положеніемъ совѣта министровъ постановлено, въ измѣненіе и дополненіе Высочайше утвержденного 22 сентября 1909 г. положенія совѣта министровъ объ условіяхъ пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія, постановить, что указанныя въ семъ положеніи ограничительныя для евреевъ нормы соблюдаются не только при пріемѣ въ предусмотрѣнныя въ означенномъ положеніи учебныя заведенія, но и при допускѣ въ нихъ молодыхъ людей къ экзаменамъ въ качествѣ экстерновъ, съ исчисленіемъ въ послѣднемъ случаѣ установленныхъ для евреевъ процентныхъ ограничений.

— Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія установлены письменные экзамены по новымъ языкамъ для постороннихъ лицъ при испытаніяхъ зрѣлости.

Профессоры у П. А. Столыпина.

20-го декабря была принята Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ П. А. Столыпинымъ депутація отъ профессоровъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи въ С.-Петербургѣ. Въ составъ депутаціи вошли: отъ Томскаго университета — ректоръ Базановъ, отъ Варшавскаго — деканъ физико-математическаго факультета Митрофановъ, отъ Юрьевскаго профессоръ Граве, отъ Кіевскаго — профессоръ Ардашевъ, отъ Харьковскаго — профессоръ Кульчицкій, отъ Новороссійскаго — Казанскій и Грибовскій. Профессоры долго бесѣдовали съ П. А. Столыпинымъ, указавъ ему на желательность нѣкоторыхъ измѣненій въ университетской жизни. Между прочимъ, они обратили вниманіе на необходимость отмѣны гонорарной системы и проведеніе штатовъ, не откладывая этого до введенія новаго университетскаго устава. Затѣмъ говорили о правилахъ 27-го августа 1905 года, которыя переносятъ на совѣты университета поддержаніе порядка въ стѣнахъ университета и вмѣстѣ съ тѣмъ оставляютъ много неразрѣшенныхъ и открытыхъ вопросовъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ весьма внимательно отнесся къ указаніямъ профессоровъ и заявилъ себя сторонникомъ истиннаго академизма, замѣтивъ, что политика ни съ какой стороны не можетъ быть допущена въ стѣны учебныхъ заведеній.

Университетская лѣтопись.

Въ торжественномъ собраніи Академіи Наукъ академикомъ Котляревскимъ прочитана была рѣчь, посвященная памяти Л. Н. Толстого. По окончаніи рѣчи, Августѣйшимъ Президентомъ Академіи было предложено присутствующимъ почтить вставаніемъ память Л. Н. Толстого. Затѣмъ Августѣйшій Президентъ объявилъ избраннымъ въ почетные члены академіи: Альберта принца Монако; въ члены-корреспонденты избраны: Босъ Льюнсъ, директоръ обсерваторіи въ Альбани; Воейковъ, профессоръ

Петербургскаго университета; Андрусовъ, профессоръ Кіевскаго; Лоренцъ, профессоръ Лейденскаго; Садергольмъ, директоръ геологической комисіи въ Финляндіи; Гергардъ, профессоръ и членъ шведской Академіи Наукъ; Страстбургеръ, профессоръ Боннскаго; Бротерусъ, профессоръ въ Гельсингфорсѣ; Томсонъ, профессоръ Новороссійскаго; Бѣличъ, профессоръ Бѣлградскаго; графъ Комаровскій, профессоръ Московскаго; Каптеревъ, профессоръ Московской Духовной Академіи; Карѣевъ, Шербатскій и Бартольдъ, профессора Петербургскаго; Браисъ, британскій посолъ въ Вашингтонѣ; Нетушиль и Бузескулъ, профессора Харьковскаго университета.

Москва. Министръ Народнаго Просвѣщенія Л. А. Кассо отклонилъ ходатайство Московскаго Университета о помѣщеніи портрета С. А. Муромцева въ актовомъ залѣ Университета.

— Состоялось учредительное собраніе академическаго студенческаго клуба въ Москвѣ, уставъ котораго разрѣшенъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ собраніи были представители всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

По послѣднему отчету С.-Петербургскаго университета за 1910 годъ въ университетѣ къ 1 января 1911 года состояло 9,886 студентовъ; причемъ въ 1910 году поступило 2,035 чел., выбыло — 1112. По факультетамъ студенты распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на юридическомъ — 4,792 чел., физико-математическомъ — 3,779 (по математ. отдѣл. — 1784, по естественному — 1,995), филологическомъ — 830 и восточномъ — 185. Среди студентовъ наибольшее количество дѣтей дворянъ и чиновниковъ (5,253 чел.). Православнаго вѣроисповѣданія 6,867 чел.; затѣмъ идутъ римско-католики — 772 чел., евреи — 728, лютеране — 549. армяно-грегоріане — 204 и т. д. Въ 1910 году выдано стипендій 180 студентамъ на сумму 46,489 руб. отъ казны; 146 студ. на сумму 34,150 руб. 23 коп. съ процентовъ отъ пожертвованныхъ капиталовъ; 62 студ. на сумму 22,096 руб. 64 коп. изъ

суммъ, доставленныхъ разными учрежденіями и частными лицами. Въ 1910 году было 35 ординарныхъ профессоровъ, 11 — экстраординарныхъ, 23 — внѣ штата. Лекторовъ новыхъ язык. — 4 и восточныхъ — 9, 6 человекъ академиковъ и 154 приватъ-доцента. Въ 1910 году оставлено при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ 120 человекъ (58 — на стипендіи и 62 — безъ стипендіи).

— Юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета объявилъ конкурсъ на премію имени Думашевскаго. Тема конкурса: „Экономическія условія зарожденія и развитія крѣпостного права въ московскомъ періодѣ русской исторіи“. Премія опредѣлена въ 3,000 руб. Срокъ представленія сочиненій истекаетъ 15-го октября 1913 г. Присужденіе преміи состоится въ 1914 г.

Кіевъ. По распоряженію Г. Министра Н. П. допущены къ государственнымъ экзаменамъ въ юридической комиссіи 12 вольнослушательницъ университета св. Владиміра, безъ представленія свидѣтельствъ о выдержаніи установленныхъ правилами о вольнослушательницахъ экзаменовъ о нѣкоторыхъ предметамъ курса мужскихъ гимназій.

— Согласно послѣднему циркуляру Г. Министра Н. П., предстоитъ исключеніе около 1,500 студентовъ, пробывшихъ свыше 6¹/₂ лѣтъ въ университетѣ св. Владиміра.

Юрьевъ. Юридическая испытательная комиссія при Императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ весною 1911 года состоитъ изъ предсѣдателя проф. (нынѣ Г. Товарища Министра Н. П.) барона М. А. Таубе и профессоровъ В. Э. Грабаря, М. Е. Красножена, А. С. Невзорова, Е. В. Пассека и П. П. Пусторослева.

— Дѣло быв. ректора Юрьевскаго университета Е. В. Пассека. 2 апрѣля въ пленарномъ засѣданіи 1-го Департамента Сената заслушано было дѣло о преданіи суду ректора Юрьевскаго университета д. с. с. Е. В. Пассека.

По этому дѣлу, поднятому еще въ началѣ 1908 г., 1 Департаментъ Сената назначилъ предварительное слѣдствіе, которое теперь закончено и представлено въ Сенатъ.

Проф. Пассеку вмѣненъ Сенатомъ въ вину рядъ дѣяній, допущенныхъ имъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта профессоровъ и въ качествѣ ректора: пріемъ вольнослушательницъ, что не разрѣшается общеуниверситетскимъ уставомъ 1884 г. и особенно уставомъ Юрьевскаго университета 1865 г.; докладъ попечителю и губернатору о настоятельной необходимости освобожденія всѣхъ арестованныхъ по административному распоряженію безъ надлежащаго постановленія судебной власти студентовъ, замѣшанныхъ въ столкновеніи 27 и 29 сентября 1905 г. и отмѣны положенія объ усиленной охранѣ въ г. Юрьевѣ; резолюція о необходимости освободить немедленно всѣхъ чиновъ инспекціи отъ всѣхъ ея обязанностей по надзору; допущеніе митинговъ; обсужденіе явно не подвѣдомственнаго совѣту университета предложенія 11 профессоровъ объ освобожденіи изъ подъ ареста студентовъ; чтенія курсовъ, параллельныхъ уже объявленнымъ проф. Граве, въ виду объявленнаго студентами проф. Граве, бойкота, за его консервативный образъ мыслей, между тѣмъ, уставомъ Юрьевскаго университета чтеніе такихъ курсовъ факультету не разрѣшено; постановленіе о чествованіи дня открытія второй Государ. Думы; легализація делегатскаго собранія подъ наименованіемъ собраніе курсовыхъ старость; непринятіе никакихъ мѣръ къ охранѣ университетскихъ зданій отъ проникновенія въ нихъ уличной толпы; свободное допущеніе собранія нелегальныхъ организацій, какъ-то: курсовыхъ старость и общестуденческихъ сходокъ съ участіемъ постороннихъ лицъ.

Кромѣ того, проф. Пассеку ставится въ вину доставленіе не только ложныхъ, но и подложныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ. Это было заключено бывшимъ Министромъ Н. П. А. Н. Шварцемъ изъ двухъ официальныхъ бумагахъ отъ 24 сентября 1906 г. на имя бывшаго Министра Н. П. П. М. Кауфмана и отъ 24 ноября 1907 г. за № 3164 на имя попечителя Рижскаго округа.

Весь слѣдственный матеріалъ занимаетъ 1200 листовъ.

Послѣ краткихъ преній Сенатъ, согласившись съ оберъ-прокуроромъ, постановилъ предать д. с. с. Пассека суду по 1 ч. 341 ст. Ул. о нак.

Казань. Письмомъ въ „Казанскій Телеграфъ“ профессоръ Мережковскій, нынѣ завѣдующій университетскимъ ботаническимъ садомъ, заявляетъ, что сообщенное въ телеграммѣ отъ 8 апрѣля постановленіе о сдачѣ сада въ частную аренду, — результатъ предпринятой противъ него профессорами Кротовымъ и Головинымъ (его политическими врагами) травли.

Одесса, 5 декабря. Въ присутствіи градоначальника, попечителя учебного округа, профессоровъ университета, съ ректоромъ во главѣ, гласныхъ городской думы, представителей столичныхъ академическихъ корпорацій, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго архіепископомъ Дмитріемъ, открытъ академическій клубъ общества содѣйствія академической жизни Новороссійскаго университета, имѣющій цѣлью объединеніе членовъ на почвѣ науки, занятія искусствомъ и спортомъ.

— Въ Одессѣ на студенческомъ балу академистовъ, во время концерта, какой-то студентъ, вставъ со своего мѣста, крикнулъ: „это хулиганскій балъ“, и предложилъ разойтись. Студентъ былъ немедленно задержанъ. Одновременно произведена была нѣкоторыми студентами химическая обструкція.

Конференція Военно-Медицинской Академіи постановила внести на мраморную траурную доску имя безвременно погибшаго при исполненіи своихъ обязанностей питомца академіи д-ра мед. Ѳ. Л. Кобылинскаго. Покойный заразился сыпнымъ тифомъ при подачѣ помощи больному въ Боткинскихъ заразныхъ баракахъ.

Петербургъ, 5 декабря 1910 г. По случаю 75-лѣтія существованія Императорскаго училища Право-

вѣдѣнія начались юбилейныя торжества. Послѣ литургіи и молебна, въ присутствіи Великаго Князя Николая Николаевича, Принцевъ Александра Петровича Ольденбургскаго, Петра Александровича Ольденбургскаго, Великой Княгини Ольги Александровны, массы бывшихъ питомцевъ училища и многихъ другихъ лицъ, состоялся торжественный актъ, на которомъ было прочитано о Высочайшемъ пожалованіи училищу нагруднаго знака. Во время акта Министръ Юстиціи сообщилъ, что Государь Императоръ на всеподданнѣйшемъ его докладѣ объ установленіи нагруднаго знака для окончившихъ курсъ училища Собственноручно начерталь: **„Желаю дальнѣйшаго процвѣтанія Императорскому училищу Правовѣдѣнія“**. Текстъ резолюціи Государя Императора былъ покрытъ многократнымъ исполненіемъ гимна оркестромъ воспитанниковъ и всѣми присутствовавшими и кликами ура.

По случаю семидесятилѣтія училища Правовѣдѣнія принцемъ Ольденбургскимъ получена слѣдующая Высочайшая телеграмма:

„Привѣтствую служащихъ и воспитанниковъ Императорскаго училища Правовѣдѣнія съ семидесятипятилѣтіемъ его существованія. Благодарю за выраженную любовь и преданность и желаю всѣмъ присутствующимъ дожить до празднованія столѣтія незапятнанной славы родного ихъ училища“. НИКОЛАЙ.

Директоромъ училища получена привѣтственная телеграмма Предсѣдателя Совѣта Министровъ П. А. Столыпина.

— Государь Императоръ по докладу Министра Юстиціи, согласно ходатайству профессора Никольскаго объ облегченіи участи уволенныхъ 38 воспитанниковъ училища Правовѣдѣнія, участвовавшихъ въ демонстраціи противъ г. Никольскаго, Всемиловѣйше соизволилъ разрѣшить держать имъ экзамены осенью 1911 года.

Въ Московскомъ Археологическомъ институтѣ разыгрался небывалый въ лѣтописяхъ этого института инцидентъ. Окончившій курсъ въ институтѣ И. Г.

Лурье защищалъ диссертацию на тему: „Скиѣскія древности Западной Европы“, представленную имъ на соисканіе степени ученаго археолога. Защита происходила предъ совѣтомъ профессоровъ института.

Проф. института В. А. Городцовъ далъ блестящій отзывъ о представленной диссертаци, въ которой авторъ обнаружилъ обширное знакомство съ западно-европейской литературой и памятниками. Диссертантъ произнесъ прекрасную рѣчь передъ защитой и въ первой части диспута давалъ очень основательные и дѣльные отвѣты.

Но вотъ поднимается проф. института по кафедрѣ исторической географіи С. К. Кузнецовъ и обвиняетъ диссертанта въ намѣренномъ умолчаніи того факта, что онъ очень близко пользовался для своей работы трудомъ одного нѣмецкаго ученаго. С. К. Кузнецовъ даетъ книгу председателю В. Г. Глазову и проситъ его слѣдить по нѣмецкому тексту, а самъ читаетъ выдержки изъ диссертаци.

Оказывается, одна треть диссертациі списана. Въ результатѣ совѣщанія профессоровъ диссертанту отказано въ степени ученаго археолога.

31 декабря 1910 г., утромъ, сгорѣло зданіе, въ которомъ помѣщался клубъ студентовъ-академистовъ Политехническаго института. Сгорѣли всѣ подарки, въ томъ числѣ подарокъ П. А. Столыпина, и всѣ мраморныя доски, прибитыя въ память посѣщенія института высокими посѣтителями.

Петербургъ, 5 марта. Министръ Торговли и Промышленности утвердилъ постановленіе Совѣта профессоровъ Горнаго Института, которымъ студенты перваго курса, не сдавшіе ни одного зачета и экзамена, исключаются. Обратный пріемъ только по конкурсу. Студенты старшаго курса при тѣхъ же условіяхъ исключаются на одинъ годъ.

20 апрѣля Совѣтъ Императорскаго Московскаго Инженернаго училища опубликовалъ новый „мі-

пiтум“ сдачи экзаменовъ въ первый годъ поступленія въ училище, установленный Министромъ Путей Сообщенія. По новому „пiтум'у“ въ первый годъ должно получить: 3 зачета по высшей математикѣ, зачеты по теоретической механикѣ, геодезiи, начертательной геометрiи, строительному искусству, инженерному черченію и топографическому черченію. Студенты, не сдавшіе этихъ предметовъ до конца майскихъ экзаменовъ, немедленно, безъ какихъ-либо отступленій и безъ принятія во вниманіе какихъ-либо уважительныхъ причинъ, увольняются изъ училища.

Совѣтъ постановилъ ввести „пiтум“ со слѣдующаго учебнаго года. Въ текущемъ же году тотчасъ послѣ майскихъ экзаменовъ разсмотрѣть успѣшность студентовъ пріема 1910 года, и для невыполнившихъ „пiтум'а“ назначить крайній срокъ до конца сентябрьскихъ экзаменовъ, послѣ которыхъ рѣшить вопросъ объ увольненіяхъ.

Новочеркасскъ. Вспыхнувшимъ пожаромъ въ зданіи Политехникума причинены огромныя потери. Въ горномъ отдѣленіи погибли кабинеты геологическiи и минералогическiи съ очень цѣнными коллекціями, бібліотекой и картинами, а также труды нѣкоторыхъ профессоровъ. Убытокъ свыше 50,000 руб.

Образованная при учебномъ отдѣлѣ Министерства Торговли и Промышленности комиссія для разсмотрѣнія выработанныхъ отдѣломъ проектовъ положенія Кіевского и Московскаго коммерческихъ институтовъ, одобрила предположенія проекта о дарованіи правъ высшихъ учебныхъ заведеній упомянутымъ институтамъ.

Женскiй Медицинскiй институтъ получилъ отъ душеприказчиковъ покойнаго Кокорева извѣщеніе, что въ распоряженіе института въ скоромъ времени, согласно волѣ покойнаго, будетъ передано 500,000 р.

Харьковъ. Состоялось торжественное открытіе Харьковского Женскаго Медицинскаго института.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія назначено 36 стипендій для лицъ, оставленныхъ въ 1910 г. для подготовки къ профессурѣ въ университетахъ, и 19 стипендій для лицъ, командированныхъ за границу.

Студенческіе безпорядки въ 1910—1911 акад. году.

Конецъ 1910 г. и начало 1911 г. опять омрачились студенческими безпорядками, принявшими, къ глубокому сожалѣнію всѣхъ друзей русской молодежи, крупные размѣры. Опять много дорогого времени пропало даромъ; много принесено жертвъ безъ всякой пользы и нужды...

Вотъ вкратцѣ перечень печальныхъ событій въ нашей высшей школѣ.

Волненія начались 4 декабря 1904 года.

Москва. 4 декабря въ 12. час. дня въ корридорѣ новаго зданія начали собираться студенты на сходку. Объ этомъ стало извѣстно администраціи, и доступъ въ университетъ для студентовъ былъ закрытъ, а у входовъ поставлены наряды полиціи. Тѣмъ не менѣе, находившіеся въ университетѣ студенты, въ числѣ около 400 человекъ, взломавъ дверь въ аудиторіи № 1, собрались на сходку. Отъ имени „исполнительной комиссіи“ была предложена и принята резолюція, въ которой говорится, что студенты университета присоединяются къ рѣшенію, принятому другими высшими учебными заведениями и, въ качествѣ протеста противъ „зерентуйскихъ событій“, объявляютъ трехдневную забастовку. Затѣмъ участники сходки съ пѣснемъ похороннаго марша направились къ выходу; часть ихъ покинула университетъ, а другая часть собралась во дворѣ новаго зданія, гдѣ устроила демонстрацію: студенты сняли шапки и пропѣли похоронный революціонный маршъ: Вы жертвою пали... Тогда въ университетъ были введены два полицейскіе наряда; одинъ расположился на дворѣ, а другой — прослѣдовалъ въ помѣщеніе историко-филологическаго факультета. Студенты покинули университетъ.

Сходка, подобная описанной, происходила также и въ помѣщеніи анатомическаго театра.

Кіевъ. Въ университетѣ состоялась сходка, на которой присутствовало до 1000 студентовъ. На требованіе полиціи разойтись, часть студентовъ удалилась, остальные, не подчинившіеся этому требованію, переписаны. 10 студентовъ арестованы.

4 декабря, съ утра, въ Лѣсномъ Институтѣ были закрыты аудиторіи, лабораторіи и кабинеты, за исключеніемъ ботаническаго, гдѣ

работала группа студентовъ. Съ 2 ч. дня въ корридорахъ начали собираться студенты. Инспекторъ Института предложилъ имъ разойтись. Къ этому времени въ ботаническомъ кабинетѣ прекратились занятія. Туда направилось около 200 студентовъ. Сходка продолжалась около получаса. Студенты вышли изъ ботаническаго кабинета съ пѣніемъ похороннаго марша.

Къ концу сходки къ зданію Лѣснаго Института прибылъ полицейскій приставъ съ двумя взводами конной и пѣшей полиціи.

Такія же сходки состоялись въ Институтѣ Путей Сообщенія, въ Политехническомъ Институтѣ, на Высшихъ женскихъ курсахъ и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга, Москвы и прочихъ университетскихъ городовъ.

Съ началомъ занятій въ 1911 г. студенческія безпорядки возобновились, при чемъ въ обширныхъ размѣрахъ стала практиковаться химическая обструкція для прекращенія занятій.

Такъ, 3-го февраля въ С.-Петербургскомъ университетѣ лекціи срывались; въ одной изъ аудиторій была произведена химическая обструкція. Одинъ изъ профессоровъ силою былъ удаленъ изъ аудиторіи. Полиція вошла во внутрь университета и арестовала около 20 студентовъ. — Въ Новороссійскомъ университетѣ, на медицинскомъ и естественномъ факультетахъ, состоялись сходки. Произведена химическая обструкція. Было арестовано 28 студентовъ-обструкціонистовъ. — Въ Варшавскомъ университетѣ 1 февраля собралась группа студентовъ, освистывавшая шедшихъ на лекціи и разбившая бутылку съ сѣроводородомъ. Полиціей арестовано 108 студентовъ. — Въ Казанскомъ университетѣ толпа студентовъ прошла по корридору съ гиканьемъ и свистомъ. Прибылъ нарядъ полиціи и Управляющій губерніею. Студенты были переписаны и освобождены.

Между прочимъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ совершенно было 1 февраля слѣдующее возмутительное дѣяніе, вызвавшее взрывъ общественнаго негодовація.

Профессоръ Ивановскій, прочитавъ лекцію своимъ слушателямъ, вышелъ въ корридоръ. За нимъ нѣсколько поодаль вышли его слушатели. Въ это мгновеніе студентъ Брянновъ, подкравшись сзади къ идущему старику-профессору, нанесъ ему ударъ кулакомъ въ затылокъ. Студенты, на глазахъ которыхъ произошла возмутительная сцена, бросились на негодяя; на помощь ему подоспѣло нѣсколько забастовщиковъ; произошла схватка, которую прекратила полиція. До глубины души возмущенные происшедшимъ, студенты академисты и безпартійные сейчасъ же выбрали изъ своей среды депутацію, которая просила проректора передать профессору Ивановскому выраженіе сочувствія.

Послѣ нѣ котораго перерыва въ С.-Петербургскомъ университетѣ 5 марта вновь была устроена химическая обструкція. Въ главномъ подъздѣ, между дверями была разлита кѣмъ-то вонючая жидкость,

такъ называемый алюлевыи спиртъ. Скверный запахъ распространился по всему главному корридору, проникъ въ канцелярію и даже въ библіотеку.

15-го марта въ Политехническомъ Институтѣ была произведена химическая обструкция.

Наконецъ, въ концѣ марта коалиціонный комитетъ извѣстилъ, что дальнѣйшее продолженіе забастовки невозможно и таковая объявляется ликвидированной. Въ виду ясно выраженнаго желанія студентовъ, послѣдніе приглашаются приступить къ обычнымъ академическимъ занятіямъ.

Министромъ Н. П. исключены за безпорядки изъ С.-Петербургскаго университета — 67 студентовъ, изъ Московскаго — 370, изъ университета св. Владиміра — 38, изъ Юрьевскаго — 28, изъ Харьковскаго — 14, изъ Новороссійскаго — 66, изъ Варшавскаго 28. Въ Томскѣ исключены всѣ участники неразрѣшенной сходки, студенты Технологическаго Института, собравшіеся въ числѣ 375 человекъ 17-го января на сходку.

Объ отставкѣ Московскихъ профессоровъ.

Русскія Вѣдомости (№№ 29 и 30) сообщаютъ слѣдующіе, весьма интересные, свѣдѣнія и документы по дѣлу объ отставкѣ ректора и профессоровъ Московскаго университета :

Въ засѣданіи Совѣта 28-го января ректоръ сказалъ : „Съ перваго дня начавшихся волненій университетской администраціей въ точности исполнялись всѣ требованія постановленія Совѣта Министровъ и циркулярнаго распоряженія управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, причемъ не было упущено ни одной мелочи, и тѣмъ не менѣе въ результатѣ все-таки явилось объявленіе забастовки, которую студенты тотчасъ же стали примѣнять на дѣлѣ. Въ университетѣ создалось совершенно необычное положеніе. Въ силу недавняго постановленія Совѣта Министровъ, поддержаніе правильнаго хода учебной жизни въ университетѣ, возложенное В ы с о ч а й ш и м ъ указомъ 27-го августа 1905 года на обязанность и отвѣтственность Совѣта и выбранныхъ имъ должностныхъ лицъ, нынѣ входитъ въ компетенцію двухъ властей: университетской и общей администраціи. Та и другая одинаково отвѣтственны за порядокъ въ университетѣ и уполномочены каждая принимать

свои мѣры. Отличіе новаго порядка отъ прежняго, существовавшаго не только послѣ Высочайшаго указа 27-го августа 1905 г., но и раньше его, состоитъ въ томъ, что полиціи дано теперь право и даже вмѣнено въ обязанность вмѣшиваться въ управленіе университетомъ независимо отъ того, обращается ли къ ней университетская администрація, или нѣтъ. Полиція стала отвѣтственнымъ передъ высшимъ начальствомъ, — каковымъ является для нея Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, — органомъ университетскаго управленія, и, какъ таковой, она, исполняя свою новую обязанность, неизбежно должна вмѣшиваться во внутреннюю жизнь университета.

„Такое положеніе вещей создаетъ совершенно недопустимое двоевластіе, безусловно препятствующее упорядоченію академической жизни даже при вполнѣ корректномъ и благожелательномъ отношеніи къ университету общей администраціи. Обѣ власти, — и полицейская, и университетская, — добросовѣстно исполняли свои обязанности, и тѣмъ не менѣе недоразумѣнія были неизбежны, такъ какъ они происходили изъ самаго существа дѣла. Ректоръ считаетъ долгомъ засвидѣтельствовать, что полиція ни разу не подала повода къ жалобамъ: и градоначальникъ, и его подчиненные, съ своей стороны, относились къ университетской администраціи съ полной предупредительностью. Тѣмъ не менѣе при такихъ условіяхъ учебныя занятія и вообще правильная университетская жизнь идти не могутъ. Въ виду изложеннаго г. ректоръ пришелъ къ заключенію, что при создавшемся въ университетѣ двоевластіи онъ, ректоръ, является бесполезнымъ и даже лишнимъ, и поэтому вынужденъ выйти въ отставку“.

Помощникъ ректора, засл. орд. проф. М. А. Мензбиръ вполнѣ присоединился къ заявленію ректора и въ свою очередь просилъ совѣтъ снять съ него возложенныя на него обязанности. „Помощникъ ректора пришелъ къ заключенію, что при настоящихъ условіяхъ онъ не можетъ принести пользы дѣлу. Не желаніе уклониться отъ исполненія обязанностей въ трудную минуту, а глубокое убѣжденіе въ безвыходности положенія привело его къ необходимости признать свою бесполезность“. Проректоръ, орд. проф.

П. А. Минаковъ также призналъ исполненіе своей должности въ данное время бесполезнымъ и просилъ совѣтъ снять съ него эту обязанность, не допуская мысли о томъ, что это рѣшеніе явилось подъ вліяніемъ минуты.

Подлинный текстъ поданныхъ членами президіума прошеній, ректора — попечителю учебнаго округа, а помощника ректора и проректора — ректору, — таковы :

Ректора А. А. Мануилова :

„Не находя возможнымъ при существующихъ условіяхъ нести на себѣ обязанности ректора университета, имѣю честь просить ваше превосходительство ходатайствовать передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ увольненіи меня отъ таковой должности, съ оставленіемъ въ занимаемой мною должности ординарнаго профессора по каедрѣ политической экономіи“.

Помощника ректора М. А. Мензбира.

„Въ виду выяснившейся для меня невозможности исполнять долѣе обязанности по должности помощника ректора Императорскаго Московскаго университета, имѣю честь покорнѣйше просить ване превосходительство ходатайствовать передъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія объ увольненіи меня отъ названной должности съ оставленіемъ въ занимаемой мною должности ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета по каедрѣ зоологіи и сравнительной анатоміи“.

Проректора П. А. Минакова :

„Въ виду выяснившейся для меня невозможности исполнять въ настоящее время обязанности проректора, имѣю честь покорнѣйше просить ваше превосходительство ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ объ увольненіи меня отъ названной должности съ оставленіемъ въ должности ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго университета по каедрѣ судебной медицины“.

Въ среду, 2-го февраля, вечеромъ, состоялось экстренное засѣданіе совѣта Московскаго университета, созванное для ближайшаго обсужденія создавшагося въ университетѣ положенія. Главнымъ предметомъ собранія было появившееся въ газетахъ сообщеніе Освѣдомительнаго Бюро объ увольненіи ректора университета А. А. Мануилова, помощника

ректора М. А. Мензбира и проректора П. А. Минакова отъ всѣхъ ихъ должностей по университету съ причисленіемъ къ Министерству. Отстраненіе столь достойныхъ профессоровъ отъ занимаемыхъ ими кафедръ вызвало общее сожалѣніе, и всѣ собравшіеся (58 профессоровъ) признали желательнымъ обсудить возможныя отъ того послѣдствія, составить опредѣленное постановленіе и представить его чрезъ попечителя учебнаго округа Министру Народнаго Просвѣщенія. Желая, однако, предварительно выяснить вопросъ, насколько достовѣрно сообщеніе Освѣдомительнаго Бюро, рѣшено было обратиться немедленно чрезъ особую депутацію къ попечителю учебнаго округа. Депутатами выбраны были профессора: гр. Л. А. Камаровскій и Д. Н. Анучинъ. Попечитель А. А. Тихомировъ изъяснилъ, по телефону, готовность принять представителей совѣта университета несмотря на довольно поздній часъ (10 час. веч.). На ближайшей вопросъ, интересовавший совѣтъ, попечитель не могъ, однако, дать опредѣленнаго отвѣта: лично ему ничего неизвѣстно, да и Министръ, по его словамъ, не могъ бы дать опредѣленнаго отвѣта ранѣе чѣмъ состоится соотвѣтствующее постановленіе, которое должно быть опубликовано въ Правительственномъ Вѣстникѣ. По возвращеніи депутатовъ отъ попечителя засѣданіе совѣта возобновилось и началось обсужденіе проекта постановленія, предложеннаго совѣтской комиссіей. Обсужденіе продолжалось долго, какъ въ общемъ, такъ и по частямъ, и заключеніе было принято единогласно въ такой формѣ.

Постановленіе совѣта.

„Совѣтъ Императорскаго Московскаго университета въ настоящій тяжелый моментъ своей вѣковой исторіи считаетъ необходимымъ обратиться къ г. Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ представленіемъ по поводу проникшихъ въ печать оффиціозныхъ свѣдѣній (сообщенныхъ Освѣдомительнымъ Бюро) о предполагаемомъ или состоявшемся удаленіи изъ числа профессоровъ Московскаго университета А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова. Совѣтъ считаетъ необходимымъ обратить вниманіе правительства на слѣдующія обстоятельства.

„Поводомъ къ мѣрѣ, предпринятой противъ означенныхъ лицъ, послужила подача ими прошенія объ освобожденіи ихъ отъ обязанностей ректора, помощника ректора и проректора, на каковыя должности они были избраны совѣтомъ Императорскаго Московскаго университета. Въ за-сѣданіи совѣта въ пятницу, 28 января 1911 года, совѣтъ единогласно выразилъ имъ благодарность за ихъ дѣятельность и въ то же время почти единогласно (голосами всѣхъ противъ одного) вполнѣ присоединился къ изложеннымъ ими мотивамъ ихъ выхода въ отставку. Совѣтъ призналъ, что исполненіе своихъ обязанностей выбранными имъ лицами при дѣйствіи постановленія Совѣта Министровъ становится невозможнымъ. Ибо постановленіемъ Совѣта Министровъ отъ 11-го января создано въ университетѣ двоевластіе, никогда еще въ немъ не существовавшее. Практически изъ него вытекало, что или обѣ власти, — ректора и градоначальника, — перестали бы правильно функціонировать, или одна изъ нихъ оказалась бы подчиненной другой.

Принимая свое рѣшеніе, совѣтъ руководился основнымъ правиломъ своей дѣятельности, которое онъ неуклонно проводилъ въ теченіе всего управленія университетомъ. Совѣтъ никогда не вводилъ въ университетъ политики, не переносилъ въ университетъ борьбы партій, разсматривалъ университетъ только какъ высшее культурное — ученое и учебное — учрежденіе въ странѣ. Если сейчасъ пересмотрѣть лѣтописи автономнаго управленія Московскаго университета, въ нихъ не будетъ найдено ни одного факта, гдѣ бы совѣтъ отступилъ отъ этого основного принципа своей дѣятельности. Въ своемъ постановленіи отъ 28-го января совѣтъ всецѣло остался на той же академической почвѣ.

„Совѣтъ не можетъ не считать себя тѣсно связаннымъ съ выборными имъ лицами не только потому, что они понесли кару благодаря его избранію, но и потому, что поступокъ, ими совершенный, признанъ совѣтомъ безусловно правильнымъ.

Вслѣдствіе этого создалось положеніе дѣлъ, какое переживается Московскимъ университетомъ въ его полуторавѣковой исторіи въ первый разъ. Совѣтъ университета не можетъ закрывать глаза на то, что предпринятая или про-

ектированная мѣра вызываетъ дезорганизацію Московскаго университета, и считаетъ себя обязаннымъ обратить на это вниманіе его превосходительства г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Благодаря этой мѣрѣ правильный ходъ академической жизни, на возстановленіе коего надежда еще не была окончательно потеряна, становится едва ли осуществимымъ. Совѣтъ не считаетъ возможнымъ умолчать, что рядъ профессоровъ Московскаго университета смотритъ на эту мѣру, какъ на вынужденіе ихъ подать въ отставку, ибо удаленіе изъ университета людей, правильно исполнявшихъ возложенныя совѣтомъ на нихъ обязанности, переносить, по ихъ мнѣнію, все дѣло на почву личнаго достоинства.

„Нельзя закрывать глаза на то, что нѣтъ возможности замѣнить уходящихъ и удаляемыхъ профессоровъ новыми лицами, которыя могли бы съ равнымъ успѣхомъ взять въ свои руки прерванное дѣло. Это не могло бы быть сдѣлано и въ странахъ, болѣе богатыхъ учеными силами, чѣмъ наша родина. Уходъ профессора, нерѣдко тѣсно связаннаго съ особымъ научнымъ учрежденіемъ, наноситъ огромный ударъ не только его дѣятельности, но и научной работѣ болѣе молодыхъ лицъ. Несмотря на это и на матеріальныя затрудненія, рядъ профессоровъ удаляется изъ университета помимо своей воли или считаетъ себя вынужденнымъ совершить этотъ шагъ. Это ярко показываетъ, насколько тягостной становится академическая обстановка университетской жизни.

„Въ тяжелые дни, переживаемые университетомъ, совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе правительства на то, что указываемая мѣра по своимъ слѣдствіямъ далеко выходитъ за предѣлы своего прямого назначенія.

„Этой мѣрой разрушается вѣковое созданіе русской жизни и исторіи. Наносится самый тяжелый ударъ старѣйшему разсаднику просвѣщенія нашей родины, одному изъ крупныхъ европейскихъ центровъ научной мысли и знанія. Совѣтъ университета полагаетъ, что такого рода разрушеніе отнюдь не можетъ имѣть себѣ оправданія въ тѣхъ событіяхъ студенческой жизни, послѣдствіемъ борьбы съ которыми оно является. Эти событія вызвали для Московскаго

университета серьезное нарушеніе автономіи, но это нарушеніе не остановило студенческихъ безпорядковъ. Новая мѣра своими неизбѣжными послѣдствіями внесетъ еще большее волненіе въ университетскую среду. Ставя рядъ лицъ въ тяжелый конфликтъ между сознаниемъ своего служебнаго долга, продолженіемъ дорогаго, любимаго дѣла и вопросами личной чести, она ведетъ только къ дезорганизациі университета.

„Основанный въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, въ срединѣ XVIII вѣка, Московскій университетъ въ теченіе долгихъ лѣтъ своей исторіи былъ всегда связанъ тѣснѣйшими узами, какъ со всей русской жизнью, безъ различія партій и направленій, такъ и со всѣми умственными центрами Запада. Все это время онъ находился подъ Высочайшимъ покровительствомъ всѣхъ Государей, занимавшихъ эти годы Россійской Престолъ. Совѣтъ не можетъ допустить и мысли, чтобы г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія содѣйствовалъ своими мѣрами разрушенію старѣйшаго въ Россіи Императорскаго Московскаго университета“.

Постановленіе совѣта Московскаго университета 4 февраля.

Въ засѣданіи совѣта Московскаго университета 4-го февраля, послѣ продолжительнаго обсужденія, было принято единогласно слѣдующее постановленіе, имѣющее быть представленнымъ г. Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія:

„Въ засѣданіи 2-го февраля 1911 г. совѣтъ Императорскаго Московскаго университета изложилъ г. Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія свои соображенія въ связи съ сообщеніемъ Освѣдомительнаго Бюро объ отставкѣ отъ должности профессоровъ А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова. Къ несчастью, это сообщеніе оказалось вѣрнымъ.

„Вся жизнь Московскаго университета затормазилась, и совѣтъ стоитъ передъ дезорганизаціей университета.

„Удаленіе изъ числа профессоровъ Московскаго университета совѣтскихъ избранниковъ въ той обстановкѣ, въ

какой оно состоялось, является мѣрой, наносящей огромный нравственный ударъ самому совѣту.

„Въ такой тяжелой моментъ совѣтъ Императорскаго университета считаетъ своимъ долгомъ обратиться къ г. Управляющему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія съ настоятельнымъ ходатайствомъ о возвращеніи въ университетскую среду удаленныхъ изъ нея профессоровъ А. А. Мануилова, М. А. Мензбира и П. А. Минакова.

„Совѣтъ обращаетъ вниманіе г. Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія на то, что

„1. Только немедленное возвращеніе этихъ лицъ могло бы остановить разрушеніе университетской жизни.

„2. Мѣра, принятая противъ этихъ лицъ, ничѣмъ не можетъ быть мотивирована и отнюдь не вызвана ихъ дѣйствіями. Всѣ эти лица въ своихъ прошеніяхъ просили объ освобожденіи ихъ отъ административныхъ обязанностей и объ оставленіи ихъ въ занимаемыхъ ими профессорскихъ должностяхъ. Въмѣсто того они были удалены отъ всѣхъ должностей.

„3. Совѣтъ, оставаясь на своей прежней точкѣ зрѣнія, выраженной въ постановленіяхъ 28 января и 2 февраля, считаетъ всю дѣятельность этихъ лицъ правильной.

„4. Профессоры А. А. Мануиловъ, М. А. Мензбиръ и П. А. Минаковъ подали съ одобренія совѣта совершенно законную просьбу объ освобожденіи ихъ отъ административныхъ обязанностей. Въ то же время они не прервали, а неуклонно исполняли всѣ свои обязанности. Совѣтъ можетъ только сослаться на указанія ректора 28 января, что всѣ дѣйствія президіума нѣли въ строго законныхъ рамкахъ и всѣ безъ исключенія распоряженія правительства имъ исполнялись. Если бы г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія находилъ подачу ими прошеній несвоевременной, онъ бы не далъ имъ хода, и несомнѣнно, эти лица, всегда стоявшія на почвѣ строгой законности, не сошли бы съ нея и въ этотъ критическій моментъ.

„5. Совѣтъ не можетъ, наконецъ, не обратить вниманія на то, что по отношенію къ заслуженному ординарному профессору Мензбиру мѣра эта не соотвѣтствуетъ закону (ст. 505 I ч. X. т.)“.

Совѣщаніе профессоровъ объ университетскомъ уставѣ.

Въ С.-Петербургѣ, въ Национальномъ клубѣ, состоялось частное совѣщаніе профессоровъ для обсужденія измѣненій университетскаго устава въ связи съ положеніемъ въ высшей школѣ. Постановленія этого совѣщанія въ общихъ чертахъ сводятся приблизительно къ слѣдующему. Прежде всего совѣщаніе постановило, что въ интересахъ упорядоченія университетской жизни необходимо пересмотрѣть Высочайшій указъ 17 августа 1905 года въ связи съ правилами 1906 и 1907 гг. и соотвѣтствующими циркулярами и разъясненіями этихъ правилъ, такъ какъ вышеназванныя узаконенія не только не даютъ дѣйствительныхъ средствъ, но и препятствуютъ воздѣйствію на студентовъ въ случаяхъ возникновенія студенческихъ волненій въ стѣнахъ университета. Объ автономіи. Подъ университетской автономіей слѣдуетъ разумѣть право самостоятельнаго рѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ университетской жизни, поскольку это право не противорѣчитъ государственнымъ интересамъ. Слѣдовательно, говорить о самостоятельности университета можно лишь въ предѣлахъ точно опредѣляемой въ законѣ компетенціи отдѣльныхъ университетскихъ властей, имѣющей цѣлью возможно полное, недопускающее никакой политики, безпрепятственное осуществленіе научно-педагогической дѣятельности университетовъ. О попечителѣ. Попечителю желательно предоставить главнымъ образомъ власть надзирающую, а не распорядительную, причемъ въ интересахъ дѣйствительнаго надзора попечителю должна быть предоставлена практическая возможность осуществлять контроль надъ дѣятельностью университета, какъ учрежденія государственнаго. О совѣтахъ и факультетахъ. Признавая за университетомъ значеніе высшей школы, объединяющей всѣ виды чистаго знанія, совѣщаніе пришло къ единодушному выводу, что учено-учебная жизнь должна сосредоточиваться въ факультетахъ, которымъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ предоставить возможно полную самостоятельность. При этомъ совѣщаніе сочло желательнымъ предоставить факультетамъ право создавать особые отдѣленія при условіи обезпеченія полноты преподаванія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ вопросѣ расширенія преподаванія взаимно заинтересованы два или болѣе факультетовъ, разрѣшеніе вопроса прееносится въ совѣтъ университета. Вновь возникающія отдѣленія утверждаются властью Министра Народнаго Просвѣщенія. Совѣщаніе высказалось за сохраненіе существующаго числа факультетовъ по отдѣльнымъ университетамъ, но съ тою существенною оговоркой, чтобы богословскій факультетъ Юрьевскаго университета былъ совершенно выдѣленъ изъ состава университета и преобразованъ въ самостоятельное учрежденіе. О профессорахъ. Признать въ общемъ приемлемой статью 131 проекта бывшаго Министра Н. П. А. Н. Шварца со слѣдующими дополненіями: 1) кромѣ факультетскихъ отзывовъ, запра-

шивать о научных достоинствахъ кандидатовъ и специалистовъ другихъ университетовъ; 2) обязать печатать отзывы о всѣхъ выступившихъ кандидатахъ и все дѣлопроизводство по замѣщенію каѳедръ и 3) вмѣстѣ съ отзывами о кандидатахъ представлять въ Министерство и рецензію о магистерскихъ и докторскихъ диссертацияхъ всѣхъ конкурентовъ. О совмѣстительствѣ. Остановливаясь на сложности обязанностей профессоровъ и преподавателей университетовъ, совѣщаніе высказалось противъ злоупотребленія совмѣстительствомъ. О системѣ преподаванія. Система преподаванія должна носить смѣшанный характеръ, лекціонный въ основѣ, съ возможно большимъ усиленіемъ практическихъ занятій. Курсы общіе, какъ общеобразовательная основа, готовятъ не только людей науки, но и дѣятелей на различныхъ поприщахъ общественно-государственнаго служенія. Специальные курсы предназначаются главнымъ образомъ для изученія методологіи даннаго предмета. Преподаваніе всѣхъ предметовъ во всѣхъ университетахъ должно вестись исключительно на русскомъ языкѣ. Совѣщаніе высказалось за самостоятельное значеніе каѳедры богословія, съ предоставленіемъ профессору богословія права присутствовать съ рѣшающимъ голосомъ во всѣхъ факультетахъ по дѣламъ и нуждамъ каѳедры богословія. Совѣщаніе признало желательнымъ установить слушаніе курса богословія и сдачу экзаменовъ всѣми студентами православнаго вѣроисповѣданія. Совѣщаніе пришло къ заключенію о необходимости курсовой системы преподаванія въ качествѣ общаго правила, допуская предметную систему по особымъ ходатайствамъ университетовъ. Объ испытаніи. Дипломы объ окончаніи университетскихъ курсовъ не должны давать никакихъ правъ, кромѣ правъ на ученую степень. О студенческихъ собраніяхъ и организаціяхъ. Привѣтствуя постановленіе проекта бывшаго Министра Н. П. А. Н. Шварца (стт. 168 и 168), совѣщаніе высказалось противъ какихъ бы то ни было студенческихъ собраній и организацій въ стѣнахъ университета, даже такъ-называемыхъ научныхъ кружковъ, въ виду существованія семинарій. О гонорарѣ и штатахъ. Совѣщаніе единогласно признало, что гонорарная система имѣетъ своимъ слѣдствіемъ искусственное переполненіе университетовъ и проявила свое антигосударственное значеніе, заставляя профессоровъ ожидать улучшенія своей участи не отъ государства, а отъ слушателей, и внесла такимъ образомъ разлагающее начало въ профессорскую коллегію. Поэтому, въ виду весьма вреднаго вліянія гонорарной системы на весь ходъ университетской жизни и въ виду того, что система эта осуждена была раньше, совѣщаніе признало желательнымъ, до проведенія новаго университетскаго устава въ законодательномъ порядкѣ, изданіе особаго закона объ отмѣнѣ гонорарной системы и о введеніи новыхъ временныхъ штатовъ по проекту бывшаго Министра Н. П. А. Н. Шварца, такъ какъ штаты эти обезпечиваютъ равномерность содержанія профессоровъ и впервые устанавливаютъ достаточное обезпеченіе для лицъ, состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университетовъ.

Непринятіе уволенныхъ русскихъ студентовъ въ нѣмецкіе университеты.

Явившейся въ Берлинъ группѣ русскихъ студентовъ, уволенныхъ изъ университетовъ, заявлено было ректоромъ Берлинскаго университета, что они никоимъ образомъ не могутъ быть приняты въ университетъ. На вопросъ студентовъ о причинѣ и на ихъ указанія, что всѣ документы у нихъ въ полномъ порядкѣ, присутствовавшій при этомъ представитель Министерства Народнаго Просвѣщенія разъяснилъ, что въ Министерствѣ состоялось особое совѣщаніе, на которомъ было поставлено не принимать въ прусскіе университеты уволенныхъ русскихъ студентовъ.

Надежды на южно-германскіе университеты также скоро рухнуть, ибо получены извѣстія, что въ Мюнхенѣ совершенно закрытъ пріемъ русскихъ въ тамошній университетъ.

Учебное дѣло.

Министерство Народнаго Просвѣщенія разъяснило, что лица, окончившія курсъ уѣздныхъ или городскихъ по положенію 1872 г. училищъ, желая пріобрѣсти званіе домашняго учителя или учителя уѣзднаго училища, освобождаются отъ экзаменовъ по общимъ и „вспомогательнымъ“ предметамъ, если со времени окончанія ими курса (или выдержанія экзамена) прошло не болѣе пяти лѣтъ.

1 сентября 1911 г. открываются землемѣрныя училища въ Костромѣ, Омскѣ и Новочеркасскѣ.

Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія вырабатывается проектъ расширенія сѣти ремесленныхъ школъ низшаго типа.

Саратовъ. 12 марта исключенный изъ мѣстной духовной семинаріи воспитанникъ при выходѣ изъ семинарской церкви ректора Целебровскаго напалъ на него съ финскимъ ножомъ и нанесъ раны въ животъ и лопатку. Ректоръ скончался.

Циркуляръ Г. Попечителя Рижскаго учебнаго округа.

Въ Митавской дворянской гимназіи съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія произошелъ инцидентъ, побудившій рижскаго попечителя камергера С. М. Прутченко обратиться со слѣ-

дующимъ циркуляромъ къ педагогическимъ совѣтамъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній округа :

„При ревизіонномъ посѣщеніи одного мужского средняго учебнаго заведенія съ нѣмецкимъ языкомъ преподаванія, мною было установлено въ III классѣ, на урокъ отечественной исторіи, крайне небрежное обращеніе воспитаниковъ съ учебниками: таковыя были истрепанные, рваные, испачканные; шесть учениковъ названнаго класса позволили себѣ рисунками и надписями проявить не только неуваженіе, но и глумленіе надъ такими страницами исторіи, которыя должны быть священны для каждого, кому дороги честь и достоинство Россіи. Независимо отъ мѣръ, принятыхъ мною, по долгу службы, въ отношеніи къ упомянутому учебному заведенію, я вижу себя вынужденнымъ обратить особое вниманіе педагогическаго состава рижскаго учебнаго округа на проявленіе въ школьной жизни нигилистическихъ или узко-націоналистическихъ тенденцій, въ своихъ посягательствахъ на устои государственности, заражающихъ воспитаниковъ даже въ такомъ возрастѣ, когда не можетъ быть еще полнаго разумѣнія совершаемаго. Вслѣдствіе сего я обращаюсь съ покорнѣйшей просьбою произвести немедленно и лично осмотръ всѣхъ учебниковъ исторіи и словесности во всѣхъ классахъ подвѣдомственнаго вамъ учебнаго заведенія: въ томъ случаѣ, если бы оказалось, что-либо подобное выше упомянутому глубоко прискорбному явленію, я уполномочиваю васъ отъ имени попечителя округа поставить на видъ недостаточный надзоръ вѣдающему объ учащихся лицу, изъявъ оскверненный учебникъ изъ употребленія и подвергнувъ, по соглашенію съ начальствомъ и педагогическимъ совѣтомъ, подлежащаго учащагося дисциплинарному взысканію, въ мѣрѣ содѣяннаго. Въ виду недостаточности одного внѣшняго пресѣченія зла, я прошу пригласить отъ моего имени предсѣдательствуемый вами педагогическій совѣтъ къ напряженію всѣхъ силъ для углубленія эстетическаго и патріотическаго воспитанія подросткающаго поколѣнія, дабы поставить преподаваніе отечественной исторіи и государственнаго языка на такую обаятельную высоту, которая оказалась бы недосягаемой вышеупомянутымъ тлетворнымъ теченіямъ“.

Юбилеи.

Москва. 26 янв. въ соединенномъ засѣданіи ученыхъ обществъ чествовали 40-лѣтіе ученой дѣятельности проф. физики Н. Е. Жуковского, извѣстнаго своими теоретическими работами въ области воздухоплаванія. Огромная аудиторія политехническаго музея была переполнена. Послѣ рѣчи юбиляра, посвященной „Каѳедрѣ механики Московскаго университета за полвѣка“ послѣдовали привѣтствія. Первой была прочитана телеграмма великаго князя Константина Константиновича, затѣмъ телеграмма Министра Народнаго Просвѣщенія, адресъ Московскаго университета, болѣе 50 адресовъ высшихъ учебныхъ заведеній Москвы, Петербурга, провинціальныхъ университетовъ и политехникумовъ.

Институтъ Путей Сообщенія избралъ юбиляра почетнымъ членомъ. Императорское техническое общество поднесло званіе инженеръ-механика; Кіевское воздухоплавательное общество — спеціальную золотую медаль. Воздухоплавательныя общества всей Россіи, аэроклубы, а также множество иностранныхъ воздухоплавательныхъ обществъ прислали теплыя привѣтствія.

Вечеромъ въ залѣ политехническаго общества состоялся обѣдъ въ честь юбиляра. Присутствовало 300 чел.

23 января исполнилось 35-лѣтіе ученой дѣятельности профессора Лазаревскаго института по арабской словесности, Михаила Осиповича Аттая.

28 апрѣля исполнилось тридцатилѣтіе ученой дѣятельности ректора Императорскаго университета Николая II въ г. Саратовѣ Василія Ивановича Разумовскаго — извѣстнаго хирурга и хорошаго человѣка.

Некрологи.

В. И. Сергѣевичъ. †

25-го ноября 1910 г. въ С.-Петербургѣ скончался членъ Государственнаго Совѣта профессоръ Василій Ивановичъ Сергѣевичъ. Покойный

родился въ Орлѣ и, получивъ домашнее образованіе, поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ въ 1857 году окончилъ юридическій факультетъ. Въ 1868 г. В. И. былъ назначенъ доцентомъ по кафедрѣ государственнаго права въ Московскомъ университетѣ, въ 1871 г. защитилъ диссертацию на степень доктора, а въ слѣдующемъ году занялъ кафедру исторіи русскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Покойный былъ блестящимъ знатокомъ исторіи русскаго права и пользовался большимъ авторитетомъ въ этой области. Онъ первый открылъ русскому обществу вѣрную картину старой Руси, далъ ключъ къ пониманію исторіи развитія нашихъ государственныхъ установленій и исторіи развитія русскаго права вообще. Его научныя работы создали ему европейское имя и на трудахъ проф. Сергѣевича воспитывалось не одно поколѣніе русскихъ юристовъ. Такія книги, какъ „Вѣче и князь“ и „Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ“, по праву считаются классическими образцами и фундаментомъ всякихъ новыхъ научныхъ работъ въ этой области.

Рядомъ съ блестящей научной карьерой проф. Сергѣевичъ выдвинулся и какъ административный дѣятель. Въ 1897 г. онъ былъ назначенъ ректоромъ С.-Петербургскаго университета и сразу сумѣлъ завоевать себѣ симпатіи учащейся молодежи. Беспорядки 1899 г. заставили его оставить эту почетную должность. Въ 1906 г. проф. Сергѣевичъ оставилъ кафедру, получивъ назначеніе членомъ Гос. Совѣта. Въ Государственномъ Совѣтѣ его послѣдняя рѣчь была объ авторскомъ правѣ, и вызвала всеобщее вниманіе.

М. М. Стасюлевичъ. †

Михаилъ Матвѣевичъ Стасюлевичъ, сынъ врача, родился въ 1826 г. и окончилъ С.-Петербургскій университетъ по филологическому отдѣленію философскаго факультета. Оставленный при университетѣ, онъ въ 1848 г. защищалъ диссертацию на степень магистра всеобщей исторіи, а спустя два года — диссертацию на степень доктора историческихъ и политическихъ наукъ. Послѣ того, М. М. защитилъ еще одну диссертацию — *pro venia legendi* подъ заглавіемъ: „Защита Кимонова мира“ и былъ допущенъ къ чтенію лекцій въ университетѣ со званіемъ доцента по кафедрѣ всеобщей исторіи. Въ 1859 г. М. М. былъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ СПб. университета, но черезъ два года, по поводу студенческихъ беспорядковъ, вышелъ въ отставку вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими профессорами. Пробывъ 4 года членомъ Учебнаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, М. М. окончательно вышелъ въ отставку. Продолжая заниматься педагогической дѣятельностью, М. М. вскорѣ выпустилъ свое первое сочиненіе — „Исторія среднихъ вѣковъ“. Въ 1865 году М. М. получилъ разрѣшеніе основать журналъ „Вѣстникъ Европы“ и состоялъ редакторомъ-издателемъ этого журнала непрерывно въ теченіе свыше 40 лѣтъ, передавъ его М. М. Ковалевскому лишь годъ тому назадъ. Въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ, кромѣ того, издавалъ газету „Порядокъ“. Не-

задолго до смерти покойный напечаталъ трудъ „Изъ учебныхъ тетрадей покойнаго Цесаревича Николая Александровича“ со своими воспомина- ніями о Немъ (*Вѣстникъ Европы*, 1908 г., кн. 10, стр. 490—503).

С. В. Пахманъ. †

29 ноября скончался одинъ изъ старѣйшихъ русскихъ цивилистовъ, сенаторъ, дѣйств. тайн. сов. Семень Викентьевичъ Пахманъ.

Почившій родился въ Одессѣ въ 1825 году. По окончаніи курса Ришельевского лицея и Московскаго университета, С. В. Пахманъ уже 27 лѣтъ отъ роду занялъ кафедру гражданскаго права въ Казанскомъ университетѣ. Съ 1866 года онъ перешелъ въ СПб. университетъ, читалъ лекціи въ Императорскихъ Лицеѣхъ и Училищѣ Правовѣдѣнія.

С. В. Пахманъ по праву считался выдающимся знатокомъ русскаго гражданскаго права. Его капитальные труды: „Обычное гражданское право въ Россіи“ и „Исторія кодификаціи гражд. права“ занимають видное мѣсто въ библиотекѣ каждаго цивилиста.

Съ 1882 года покойный былъ назначенъ сенаторомъ въ гражд. кассац. департ. Перу его принадлежитъ рядъ цѣнныхъ руководящихъ рѣшеній сената, наприм., классическое рѣш. 1893 г. № 2 по вопросу о срокѣ давности на владѣніе церковными землями.

Д. А. Хвольсонъ. †

23 марта 1911 г. скончался почетный членъ Императорской Академіи Наукъ заслуженный профессоръ-оріенталистъ Даніилъ Аврамовичъ Хвольсонъ. Покойный родился въ бѣдной еврейской семьѣ въ 1819 г. Учился въ еврейскихъ хедерахъ, затѣмъ въ ешиботѣ (нѣчто въ родѣ духовной семинаріи) и самоучкой выучился русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ. Высшее образованіе онъ получилъ въ Бреславльскомъ университетѣ; Лейпцигскій университетъ присудилъ ему ученую степень доктора философіи. Въ 1851 г. Д. А. поступилъ на службу въ М-во Н. П., въ качествѣ члена Комитета для разсмотрѣнія еврейскихъ учебныхъ руководствъ. Когда, въ царствованіе императора Николая I, при СПб.-университетѣ былъ учрежденъ восточный факультетъ, покойный занялъ въ 1855 г., въ день основанія факультета, кафедру еврейской, сирійской и халдейской словесности. Кромѣ университета онъ читалъ до 1894 г., въ СПб. православной и римско-католической духовныхъ академіяхъ еврейскій языкъ и библейскую археологію. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ на спеціальныя общія темы. Онъ далъ первый переводъ „Маккавеевъ“, опытъ экзегетики Новаго За- вѣта („Послѣдняя пасхальная вечеря Иисуса Христа и день Его смерти“) и перевелъ на русскій языкъ до двухъ третей Ветхаго За- вѣта. Нѣсколько его сочиненій: „О средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ Евре- ев“, „Употребляютъ ли Евреи христіанскую кровь“, „О мнимой зам- кнутости Евреевъ“ выдержали повторныя изданія. Въ 1884 г. Акаде- мія Наукъ за его ученые труды въ области оріенталистики избрала его въ почетные члены.

М. К.